801-16
547

НИКОЛАЙ МОРОЗОВЪ

ОТКРОВЕНІЕ ВЪ ГРОЗѢ И БУРѢ

ИСТОРІЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ АПОКАЛИПСИСА

Съ 62 рисунками и снимками съ древнихъ астрономическихъ картъ Пулковской обсерваторіи

Изданіе редакціи журнала
„БЫЛОЕ"
1907

Обложка работы художника С. В. Чехонина.
Рисунокъ на стр. 21 работы Э. Э. Лиснера.
Остальные рисунки работы художника Я. Г. Билита.

Госуд. ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
60758-47

Типо-литографія „Энергія", Загородный пр., 17.

2014143447

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во всякомъ научномъ изслѣдованіи необходимо отличать основное отъ второстепеннаго. Въ настоящей книгѣ основнымъ является астрономическое вычисленіе времени возникновенія Апокалипсиса. Новый методъ опредѣленія времени, приложенный къ старой книгѣ, привелъ, какъ это часто бывало въ наукѣ, къ неожиданному открытію. И годъ, и день, и самый часъ наблюденія Іоанна, оказались опредѣлимыми съ астрономической точностью. Какъ послѣдствіе этого, явился и другой выводъ, что Апокалипсисъ написанъ знаменитымъ борцомъ противъ византійскаго религіознаго и политическаго абсолютизма, ниспровергателемъ императорскихъ статуй, Іоанномъ Антіохійскимъ, называемымъ Хризостомомъ, или Златоустомъ. Но если читатель даже и не согласится съ этимъ послѣднимъ выводомъ и пожелаетъ пріискать другого автора—все равно. Искать ему придется въ томъ же самомъ 395 г., который дало намъ астрономическое вычисленіе. Пока оно не поколеблено,—а это трудно сдѣ-

лать послѣ провѣрочныхъ вычисленій М. М. Каменскаго и Н. М. Ляпина въ Пулковѣ,—фундаментъ настоящаго изслѣдованія остается прочнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ останутся прочными и всѣ существенныя надстройки. Никакого другого автора Апокалипсиса читатель въ это время не найдетъ. Мелкія частности, о которыхъ можно спорить, для меня совершенно безразличны: я готовъ ихъ выбросить при первомъ серьезномъ возраженіи, и книга отъ этого нисколько не пострадаетъ.

11 марта 1907 г.

Николай Морозовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Прологъ.

стр.

Гл. I. Нѣсколько словъ о прежнихъ міровоззрѣніяхъ и о трудности ихъ пониманія для современнаго человѣка 3

Гл. II. Кое что объ астрономіи и таинственныхъ знаменіяхъ на небесномъ сводѣ 8

Гл. III. Кое что о типическихъ формахъ, принимаемыхъ облаками во время вечернихъ грозъ 16

Гл. IV. Первая встрѣча съ Апокалипсисомъ 27

ЧАСТЬ II.

Откровеніе въ грозѣ и бурѣ и въ четырехъ ударахъ патмосскаго землетрясенія 30 сентября 395 года.

Гл. I. Гнѣвный ликъ солнца въ облакѣ-предвѣстникѣ грозы 37

Гл. IV. Картина звѣзднаго неба за покровомъ дневной лазури 43

Гл. V. Облачко-барашекъ пролетаетъ по небу. Гимнъ звѣздъ созвѣздію Овна 49

Гл. VI. Положенія планетъ среди созвѣздій Зодіака во время грозы 30 сентября 395 г. 52

Гл. VII. Картина мертваго затишья передъ надвигающейся грозой послѣ первыхъ рѣзкихъ и короткихъ порывовъ урагана 58

Гл. VIII. Первые ливни грозы съ громомъ и молніями . . 62

Гл. IX. Картина взволнованнаго грозою моря 65

Гл. X. Первая мимолетная радуга. Буря бросаетъ Іоанну кусокъ горькой коры 70

Гл. XI. Море выбрасываетъ Іоанну тростниковый стебель. Картина борьбы двухъ чаекъ съ ураганомъ. Появленіе новой радуги 73

Гл. XII. Картина солнца въ созвѣздіи Дѣвы. Новая борьба тучъ 78

стр.

Гл. XIII. Дальнѣйшее описаніе чудовищной тучи съ семью головами и другой, двурогой тучи, священнодѣйствующей передъ нею 84
Гл. XIV. Восхожденіе созвѣздія Овна. Восторженное ожиданіе тихой звѣздной ночи послѣ грозы и землетрясенія. Кровавая полоса вечерней зари 90
Гл. XV. Первыя крупныя звѣзды появляются на восточной потемнѣвшей части неба 96
Гл. XVI. Семь короткихъ дождевыхъ ливней изъ тучекъ спутницъ грозы, пролетѣвшихъ во время вечерней зари 98
Гл. XVII. Облачный силуэтъ женщины съ чашей на багряномъ фонѣ догорающей вечерней зари 102
Гл. XVIII. Ночной метеоръ и плачъ всѣхъ царей и торговцевъ земныхъ о гибели великой твердыни „Врата Господни“ 108
Гл. XIX. Ночныя грезы Іоанна 111
Гл. XX. Предъутреннія мечты Іоанна 116
Гл. XXI. Утро новаго дня. Іоаннъ измѣряетъ тростью, выброшенной ему моремъ, величину вселенной . . . 120
Гл. XXII. Заключеніе 126

ЧАСТЬ III.

Когда написано „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ?“ Опредѣленіе времени по заключающимся въ немъ самомъ астрономическимъ указаніямъ.

Гл. I. О томъ, какъ можно опредѣлить простыми астрономическими способами точное время составленія Апокалипсиса 131
Гл. II. Простой способъ опредѣленія времени, когда авторъ Апокалипсиса производилъ свои наблюденія и нѣсколько простыхъ способовъ провѣрить это опредѣленіе 136
Гл. III. Другіе астрономическіе способы, которыми получается та же самая дата для времени возникновенія Апокалипсиса и подтверждается предыдущее вычисленіе 146
Гл. IV. Заключеніе 157

ЧАСТЬ IV.

Характеристика византійской жизни конца IV вѣка и посланія автора Апокалипсиса къ семи малоазіатскимъ собраніямъ вѣрныхъ.

Гл. I. Главныя фракціи христіанскаго міра къ концу четвертаго вѣка 163
Гл. II. Посланія Іоанна къ семи малоазіатскимъ собраніямъ его единомышленниковъ, вставленныя посрединѣ „Откровенія въ Грозѣ и Бурѣ“ (главы II и III Апокалипсиса) 178
Гл. III. Нравы византійскаго духовенства въ концѣ IV вѣка. 189

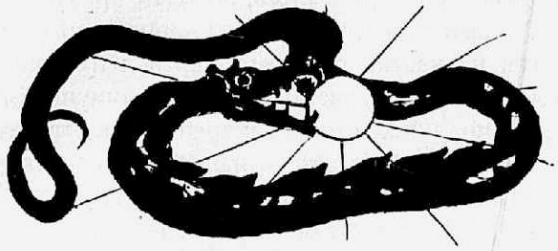
ЧАСТЬ V.

Личность автора „Откровенія въ Грозѣ и Бурѣ“. Іоаннъ Златоустъ изъ Антіохіи какъ революціонеръ и демагогъ.

Гл. I. Основныя требованія, которымъ долженъ удовлетворять авторъ „Откровенія въ Грозѣ и Бурѣ“ . 198
Гл. II. Легенды о дѣтствѣ Іоанна Антіохійскаго и его молодости до появленія „Откровенія“ 200
Гл. III. Насильственное поставленіе Іоанна на константинопольскую кафедру послѣ появленія „Откровенія“. Его жизнь до 13 марта 399 года, когда былъ назначенъ срокъ исполненія этого астрологическаго пророчества (періодъ отъ 30-го сентября 395 года до 13 марта 399 г.) 216
Гл. IV. Роковой день 13 марта 399 года. Фіаско астрологическаго предсказанія Іоанна. Попытки Іоанна оправдаться 229
Гл. V. Объяснительная поѣздка Іоанна въ Малую Азію. Бѣшеное гоненіе на него и на оригенитовъ. . . 241
Гл. VI. Осужденіе и отлученіе Іоанна отъ церкви. Его спасеніе благодаря константинопольскому землетрясенію 403 г. 254
Гл. VII. Іоаннъ въ роли константинопольскаго верховнаго епископа, низвергнутаго соборомъ и не признаваемаго никѣмъ, кромѣ народа. Новый судъ надъ нимъ, его заточеніе, ссылка, и смерть въ изгнаніи . 263
Гл. VIII. Необъяснимость судьбы Іоанна, если не признать его авторомъ „Апокалипсиса“ 289

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Провѣрочныя вычисленія пулковскихъ астрономовъ М. М. Каменскаго и Н. М. Ляпина 301
Древнія карты неба 306



ГЛАВА I.

Нѣсколько словъ о прошлыхъ міровоззрѣніяхъ и о трудности ихъ пониманія для современнаго человѣка.

Изъ всѣхъ трудныхъ задачъ, представляющихся для нашего ума при изученіи чуждой намъ исторической эпохи, одна изъ самыхъ труднѣйшихъ—это необходимость ясно и отчетливо усвоить себѣ во всей ихъ логической послѣдовательности, какъ чуждый для насъ складъ мышленія, такъ и чуждыя для насъ основы міросозерцанія ея современниковъ. Для того, чтобы войти въ душу какого-либо изъ отдаленныхъ поколѣній, нужно быть настолько отзывчивымъ человѣкомъ, чтобъ подъ впечатлѣніемъ нѣсколькихъ разрозненныхъ остатковъ, характеризующихъ его умственную жизнь и сохранившихся, подобно окаменѣлостямъ, въ забытыхъ старинныхъ книгахъ, сдѣлаться способнымъ не только представить, но и временно почувствовать себя инымъ человѣкомъ, мыслящимъ совершенно иначе и вѣрящимъ въ то, во что онъ уже не можетъ вѣрить.

Очень многіе изъ насъ къ этому совершенно неспособны. Да это и понятно. Какъ можетъ человѣкъ, никогда не ѣвшій, напримѣръ, плода хлѣбнаго дерева,

представить себѣ вкусъ этихъ плодовъ, и никогда не курившій опія—представить себѣ вполнѣ ярко и отчетливо душевное состояніе тѣхъ, которые предаются этому куренью? Какъ можетъ человѣкъ, привыкшій смотрѣть съ дѣтства на камни, воздухъ, деревья и облака, какъ на предметы „неодушевленные", понять ощущенія горячо и искренне молящихся имъ дикарей и представить себѣ наивное міровоззрѣніе этихъ людей такъ же хорошо и вѣрно, какъ если бы оно было его собственное?

Все это для насъ возможно и легко лишь въ томъ случаѣ, если въ нашей собственной душѣ еще звучатъ, въ той или иной формѣ, отдаленные отголоски первобытнаго строя мысли нашихъ предковъ, слабые оттѣнки ихъ давно изчезнувшихъ для нашего сознанія чувствъ и инстинктовъ.

Тогда, подъ впечатлѣніемъ живого разсказа какого-либо великаго художника, мы можемъ сдѣлаться способными на время отрѣшиться отъ нашего собственнаго Я, почувствовать въ себѣ другую душу, мыслить другимъ умомъ, смотрѣть на міръ другими, не нашими, глазами, любить и ненавидѣть другимъ, не привычнымъ для насъ способомъ.

Но если въ нашей душѣ уже совсѣмъ отсутствуютъ даже и слѣды какихъ-нибудь изъ прошлыхъ міровоззрѣній, навсегда погребенныхъ на невѣдомыхъ для насъ кладбищахъ исторической жизни, тогда все кончено. Умершаго не воскресишь...

Кому изъ насъ не приходилось въ болѣе позднемъ возрастѣ перечитывать какую-либо повѣсть или романъ, произведшій на насъ необычайно сильное впечатлѣніе въ дѣтствѣ, и съ улыбкой спрашивать себя: какъ могла подобная пустая или прямо нелѣпая вещь подѣйствовать на насъ тогда такимъ ошеломляющимъ образомъ? То же самое и съ прошлыми міровоззрѣніями. Большинство изъ нихъ уже не доступно для насъ въ полной

силѣ, мы смотримъ на нихъ безстрастно, какъ чужіе, и только спрашиваемъ себя: какъ могли когда-то люди волноваться и нерѣдко жертвовать своей жизнью изъ-за подобныхъ пустяковъ?—Открывающіяся передъ нами историческія трагедіи на почвѣ борьбы за отжившія идеи уже не вызываютъ болѣе у насъ ничего, кромѣ чувства сожалѣнія о человѣческой глупости...

А между тѣмъ глупости въ нихъ именно и не было. Все это было только первое пробужденіе человѣческаго ума, его первыя блужданія въ поискахъ за истиной!..

Вотъ почему наиболѣе способными хорошо понимать душу прошлыхъ поколѣній оказываются именно тѣ изъ образованныхъ людей, чья голова съ дѣтства была переполнена разсказами суевѣрныхъ, первобытныхъ нянекъ. Если вѣянье современной науки о природѣ и изгонитъ, наконецъ, изъ ихъ головъ всѣ эти призраки минувшаго мрака, воспоминаніе о нихъ все же остается навсегда. Не раздѣляя болѣе прошлаго міровоззрѣнія, они его будутъ вполнѣ хорошо представлять.

Мнѣ лично, въ этомъ отношеніи, выпало на долю большое счастье. И старое и новое міровоззрѣнія были лично пережиты мною.

Подъ вліяніемъ разсказовъ моей деревенской няньки, происходившихъ большею частью въ длинные зимніе вечера или при уединенныхъ прогулкахъ, весь міръ началъ представляться мнѣ, въ раннемъ дѣтствѣ, въ видѣ круглаго диска—земли,—прикрытаго стекляннымъ колпакомъ—небомъ, на вершинѣ котораго стоялъ тронъ, а на тронѣ Богъ, высокій сѣдой старикъ съ длинной бѣлой бородой, всегда окруженный прославляющими его и преклоняющимися передъ нимъ ангелами и святыми. Звѣзды были восковыми свѣчами, горѣвшими по ночамъ на этомъ прозрачномъ сводѣ, и каждая изъ нихъ была человѣческою жизнью. Звѣзда догорала и падала внизъ съ неба, когда соотвѣтствующая ей чело-

вѣческая жизнь угасала на землѣ. Неодушевленныхъ предметовъ не было совсѣмъ: каждое дерево, столбъ или камень обладали своею собственною жизнью и могли передавать другъ другу свои мысли. Листья деревьевъ переговаривались другъ съ другомъ шорохомъ, волны плесканьемъ, а облака, играя, гонялись другъ за другомъ и неслись на крыльяхъ вѣтра вдаль, къ какой-то невѣдомой и имъ однимъ извѣстной цѣли, принимая на своемъ пути формы всевозможныхъ животныхъ и ихъ отдѣльныхъ членовъ.

Каждое произнесенное слово или звукъ не были простыми сотрясеніями воздуха, а особенными, быстро исчезающими невидимыми воздушными существами, которыя зарождались въ груди произносившаго ихъ человѣка, вылетали черезъ его ротъ, и, войдя черезъ ухо въ голову другого человѣка, принимали тамъ формы тѣхъ предметовъ, о которыхъ ему хотѣли сообщить, а затѣмъ таяли и исчезали навсегда...

Воспоминанія объ этомъ прежнемъ, давно пережитомъ, міросозерцаніи остались у меня настолько живы, что черезъ много лѣтъ потомъ, когда я былъ уже навсегда заключенъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, мнѣ пришла идея воспроизвести его въ наиболѣе подходящей литературной формѣ, въ поэмѣ, гдѣ дѣйствующими лицами были различные, срывавшіеся съ человѣческихъ устъ и улетѣвшіе въ воздухъ, слова и звуки.

Поэмѣ этой, какъ и большинству задуманныхъ мною когда-то большихъ стихотвореній, не суждено было никогда появиться на свѣтъ. Теперь я уже почти ничего не могу воспроизвести изъ нея, кромѣ нѣсколькихъ отрывочныхъ куплетовъ, вродѣ, напримѣръ, печальнаго разсказа Оха въ отвѣтъ на вопросъ случайно залетѣвшаго къ нему, въ бесѣдку сада, Зѣвка о причинѣ его унылаго вида:

„Ахъ, Зѣвокъ, мой другъ любезный, отвѣчаетъ бѣдный Охъ,
Оттого я такъ печаленъ, что здоровьемъ очень плохъ,
Поздней ночью я родился у старушки, у больной,
Весь измученъ я ломотой и летаю самъ не свой".

Однако, разъ этой поэмѣ не суждено было цѣликомъ сохраниться въ моей памяти, то зачѣмъ же и вспоминать о ней? Какое отношеніе можетъ она имѣть къ предмету настоящаго сочиненія?

Только то, что воспроизводившіеся въ ней фантастическіе образы, вродѣ только что приведеннаго, составляли одну изъ деталей стариннаго міросозерцанія, которое переживали всѣ народы, находясь на зарѣ своей умственной жизни. Мы никогда не должны забывать, что окружающая природа была для нихъ не такой, какъ для большинства изъ нашихъ современниковъ. Многіе изъ насъ даже не способны представить себѣ, чтобъ сознательныя существа были составлены иначе, какъ изъ бѣлковыхъ веществъ въ видѣ человѣка и высшихъ животныхъ, да и то исключительно на земной поверхности. Поверхности остальныхъ свѣтилъ кажутся имъ вѣчно безмолвными и необитаемыми пустынями.

ГЛАВА II.

Кое-что объ астрологіи и таинственныхъ знаменіяхъ на небесномъ сводѣ.

Вся природа для нашихъ предковъ была полна скрытой жизни и таинственныхъ вліяній. Въ каждой кометѣ съ ея хвостомъ они видѣли со страхомъ огненный мечъ, появившійся на хрустальномъ небесномъ сводѣ въ знакъ приближающихся войнъ, внѣшнихъ нападеній или внутреннихъ междоусобицъ и другихъ кровавыхъ событій. Въ каждомъ метеорѣ, пролетающемъ по ночному небу, они видѣли дракона съ огненнымъ хвостомъ, а въ каждой падучей звѣздѣ или угасшую человѣческую жизнь, или, еще чаще, огненное копье, пущенное однимъ изъ невидимыхъ воздушныхъ существъ въ другое враждебное ему.

— «Ангелы воюютъ съ демонами», крестясь говорили древніе христіане, со страхомъ наблюдая такъ называемые дожди падучихъ звѣздъ.

Всѣ старинные лѣтописцы придавали этимъ «небеснымъ знаменіямъ» настолько важное мистическое значеніе, что аккуратно заносили ихъ въ свои хроники, между обычными прозаическими событіями окружающей жизни. Ихъ записи уже послужили для современныхъ астрономовъ важнымъ матеріаломъ при разработкѣ вопроса о безчисленныхъ мелкихъ тѣльцахъ, обращающихся вмѣстѣ съ планетами и кометами вокругъ солнца.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько наиболѣе сухихъ, а потому и добросовѣстныхъ замѣтокъ изъ разныхъ лѣтописей, какъ они приведены въ астрономіи Араго (Т. 4, кн. 26, гл. VI):

1144 г. „Говорятъ, что въ этомъ году являлись знаменія на небѣ. Огненные шары блистали въ различныхъ мѣстахъ и исчезали потомъ въ другой части неба". (Хрон. Ликосфена).

952 г. „Виденъ былъ змѣй на небѣ". (Фродоардова хр.).

944 г. „Огненные шары летаютъ по воздуху". (Вюрцбургская лѣтопись).

1462 г. „Богъ послалъ большіе камни съ неба". (Ликосфен. хр.).

1665 г. „2-го января падали съ неба огненныя стрѣлы".

849 г. „2-го января видимы были ужасныя копья къ сѣверу и востоку".

838 г. „21-го февраля въ воздухѣ былъ виденъ огонь, имѣвшій видъ змѣя".

918 г. „7-го февраля разноцвѣтныя огненныя копья являются на небѣ и послѣдовательно устремляются другъ на друга".

842 г. „18-го марта. Ужасныя копья опять являются на небѣ во второмъ часу ночи, со стороны востока. Они безпрестанно то угасаютъ, то вновь возрождаются. Большой свѣтъ между востокомъ и западомъ, но копья тѣ преимущественно наполняютъ сѣверъ".

993 г. „3-го марта, вечеромъ. Былъ виденъ на небѣ змѣй".

1096 г. „10-го апрѣля почти всѣ звѣзды летали, какъ пыль, уносимая вѣтромъ, и это продолжалось отъ утреннихъ пѣтуховъ до зари".

561 г. „12-го ноября огонь пробѣгалъ по небу въ ночь смерти Клотарія".

839 г. „12-го мая, во все время ночи, звѣзды повсюду преслѣдовали одна другую".

876 г. „13-го декабря ужасныя копья, никогда доселѣ невиданныя, являются на небѣ. Говорятъ, что видѣли кровавый дождь".

1002 г. „Въ декабрѣ. Около заката солнца пролетѣлъ по воздуху змѣй и видны были огненныя копья на небѣ".

848 г. „31-го декабря ужасныя копья видны къ сѣверу и къ востоку".

586 г. „Свѣтъ, подобный змѣю, явился на небѣ".

Такими сообщеніями переполнены всѣ старинныя лѣтописи.

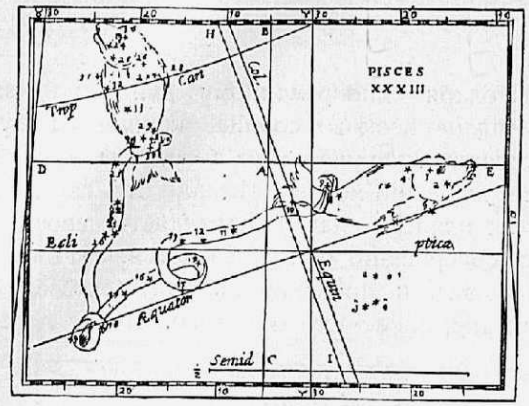
Можно себѣ представить, сколько суевѣрныхъ толковъ или наивныхъ объясненій вызывали въ древнія

времена эти, ежегодно наблюдаемыя, паденія метеоритовъ и метеоровъ, при общемъ мистическомъ настроеніи того времени и полномъ отсутствіи точныхъ знаній о природѣ такихъ явленій, даже среди самыхъ свѣтлыхъ умовъ.

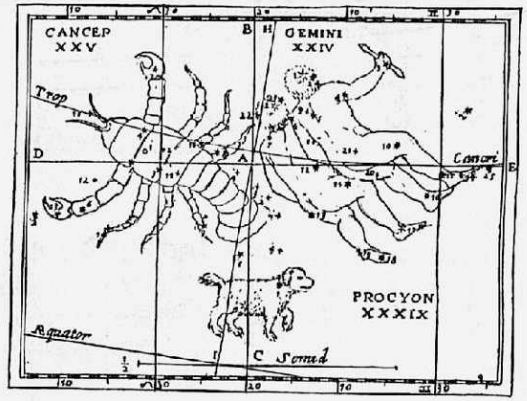
Теоретическая наука первыхъ столѣтій нашей эры, въ сущности своей, стояла на ступени простого гаданья, такъ, по крайней мѣрѣ, можно было сказать объ астрономіи, незамѣтно превратившейся тогда въ астрологію. Всѣ фигуры 12-ти созвѣздій зодіака: овенъ, телецъ, близнецы, ракъ, левъ, дѣва, вѣсы, скорпіонъ, стрѣлецъ, козерогъ, водолей и рыбы, имѣвшія во время своего возникновенія за долго до христіанской эры лишь символическое значеніе, начали съ теченіемъ вѣковъ считаться дѣйствительными фигурами, невидимо начерченными, на кристаллическомъ небесномъ сводѣ или даже живыми существами, оказывающими чрезвычайно сильное вліяніе на всѣ земныя событія (рис. 1, 2 и 3).

Сами планеты или, какъ ихъ называли, «блуждающія звѣзды», получившія въ языческій періодъ римской исторіи названія римскихъ боговъ: Меркурія, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна, приняли потомъ специфическую окраску отъ своихъ собственныхъ названій, вошли съ ними какъ бы въ таинственную связь. Вступленіе «кровожаднаго» Марса въ знакъ Льва считалось чрезвычайно опаснымъ и грозило войнами и кровопролитіемъ; вступленіе зловѣщаго Сатурна въ знакъ Скорпіона было еще хуже и предвѣщало людямъ гибель отъ моровыхъ повѣтрій и другихъ физическихъ бѣдствій, потому что и Сатурнъ и Скорпіонъ оба являлись символами смерти.

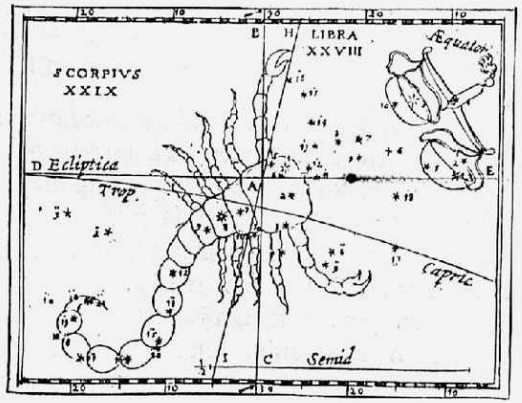
Но для того, чтобы понять вполнѣ ясно нѣкоторыя выраженія старинныхъ книгъ, нужно еще имѣть хорошее представленіе о суточныхъ движеніяхъ небеснаго свода и о собственныхъ перемѣщеніяхъ планетъ между



Созвѣздіе Рыбы.



Созвѣздія: Ракъ и Близнецы.



Созвѣздія: Вѣсы и Скорпіонъ.

Рис. 1, 2 и 3. Образчики древнихъ зодіакальныхъ звѣрей и созвѣздій по латинскому манускрипту Grienberger'a, хранящемуся въ Пулковской обсерваторіи.

звѣздами. Благодаря одновременному движенію какъ земли, такъ и планетъ около солнца, кажущіеся пути послѣднихъ совершаются не плавно, а какъ бы скачками. При своемъ перемѣщеніи между звѣздами отъ запада къ востоку, каждая планета сначала замедляетъ свое движеніе, затѣмъ совершенно останавливается, затѣмъ поворачиваетъ назадъ и производитъ такъ называемое попятное движеніе, зависящее отъ того, что ее перего-

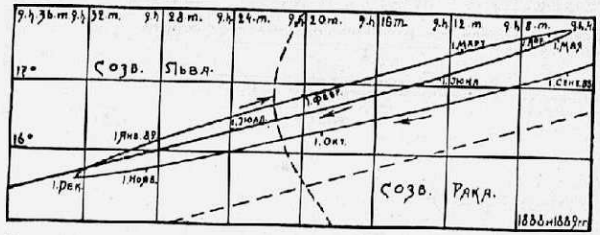


Рис. 4. Путь Сатурна между созвѣздіями Рака и Льва въ 1888 и 1889 гг.

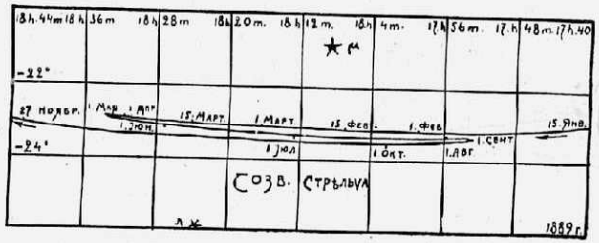


Рис. 5. Путь Юпитера по созвѣздію Стрѣльца въ 1889 г.

няетъ земля. Затѣмъ планета снова дѣлаетъ остановку и снова бросается впередъ отъ запада къ востоку ускорительнымъ движеніемъ, какъ будто конь, прыгнувшій впередъ съ разбѣга (рис. 4, 5 и 6). И все это совершается періодически каждый годъ, хотя и въ различныхъ мѣстахъ неба.

При современномъ развитіи астрономическихъ знаній, объясненіе этого движенія планетъ скачками по

видимому небу не можетъ представлять затрудненій даже и для ребенка. Держите, напримѣръ, передъ собой шарикъ, какъ показано на рис. 7, и медленно обводите

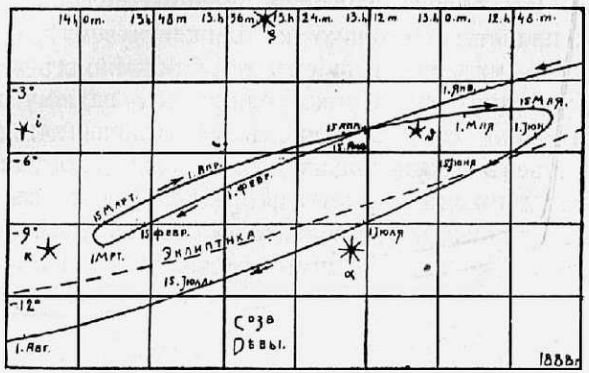


Рис. 6. Путь Марса по созвѣздію Дѣвы въ 1888 г.

его вокругъ вашей головы, на высотѣ глаза, справа на лѣво, а головой производите круговыя движенія въ ту же сторону, закрывъ предварительно одинъ глазъ. Тогда второй, открытый глазъ будетъ изображать собою землю, движущуюся по своей орбитѣ, а шарикъ планету, движущуюся по другой орбитѣ, болѣе далекой отъ солнца, чѣмъ земная. Наблюдайте при этомъ линію, вычерчиваемую проэкціей вашего пальца на отдаленной стѣ-

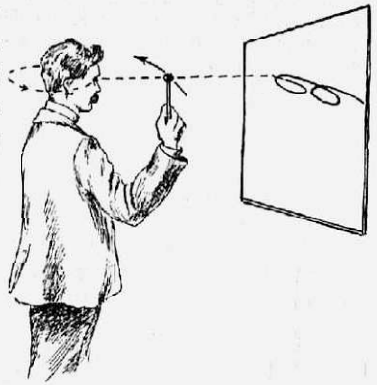


Рис. 7.

нѣ или, все равно, на фонѣ неба передъ открытымъ окномъ, или, если хотите, между вѣтвями деревьевъ сада. Вы увидите, что она вычертитъ рядъ петлеобраз-

ныхъ фигуръ, совершенно аналогичныхъ съ тѣми, которыя вычерчиваютъ на фонѣ звѣздъ тѣ планеты, орбиты которыхъ отстоятъ отъ солнца далѣе, чѣмъ земная. Въ обоихъ случаяхъ причины явленія тѣ же самыя: планеты настолько же ближе къ землѣ, сравнительно съ ихъ разстояніемъ до ближайшихъ звѣздъ, какъ упомянутый шарикъ ближе къ вашему глазу, сравнительно съ разстояніемъ до отдаленной стѣны или листьевъ окружающаго сада. Только поэтому кажущіяся движенія планетъ и представляются съ земли зигзагообразными, тогда какъ на самомъ дѣлѣ всѣ эти свѣтила очень плавно идутъ по своимъ орбитамъ.

Рис. 8 и 9. Изъ образчиковъ древнихъ Галльскихъ монетъ, приведенныхъ въ Astronomical Myths John'a Blake'a. 1887 г. (*Библіот. Пулковск. Обсерват.*). Первая фигура представляетъ, повидимому, Сатурна (♄), перескакивающаго черезъ урну Водолея, вторая—планету, на которой сидитъ Ракъ, а внизу—Козерогъ.

Но древніе не знали этого простого объясненія, ставшаго возможнымъ лишь со времени Коперника (въ 1543 году), а потому можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были производить всѣ эти неожиданныя движенія планетъ взадъ и впередъ на старинныхъ наблюдателей, не знавшихъ дѣйствительной причины. Всѣ три извѣстныя имъ внѣшнія планеты—Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ,—представлялись имъ, какъ мы это и видимъ въ древнихъ книгахъ и на монетахъ, какими-то к о н я м и, скачущими галопомъ по зодіакальной полосѣ хрустальнаго небеснаго свода, а сами зодіакальныя фигуры—всѣ эти стрѣльцы, козероги и водолеи (когда планета находилась какъ разъ подъ которымъ-нибудь изъ нихъ)—всадниками, сѣвшими на этихъ коней (фиг. 8 и 9) и несущимися на нихъ по кристаллическому небесному куполу вокругъ небеснаго полюса, по одну сторону котораго помѣщался Тронъ неба, т. е. современное созвѣздіе Кассіопеи, а по другую—Семь Душъ, т. е. созвѣздіе Большой Медвѣдицы. Каждыя сутки обходили созвѣздія вмѣстѣ съ солнцемъ и луной вокругъ небеснаго полюса, начиная отъ восточнаго конца горизонта и кончая западнымъ, а затѣмъ, наиболѣе далекія отъ полюса скрывались на время гдѣ-то подъ землей для того, чтобы вдругъ снова показаться на востоке и совершить новый суточный обходъ вокругъ созвѣздія Трона и Семи Душъ.

Quid moveant Pisces, animosaque signa Leonis?
Lotus et Hesperis quid Capricornus aqua?

(Чтобъ ниспослали намъ Рыбы и злобныя Льва очертанья?
Что ниспошлетъ Козерогъ, весь омытый водою Заката?)

ГЛАВА III.

Кое-что о типическихъ формахъ, принимаемыхъ облаками во время осеннихъ грозъ.

Если вы, читатель, думаете, что всѣ вышеприведенныя замѣчанія излишни въ этомъ астрономико-историко-литературномъ изслѣдованіи, то вы сильно ошибаетесь. Всѣ они такъ важны, что еслибъ хоть десятокъ строкъ были выпущены въ предыдущемъ, то ихъ все же пришлось бы написать въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ далѣе. А еслибъ этихъ размышленій о старинныхъ міросозерцаніяхъ и объ астрологіи у меня не было до чтенія Апокалипсиса, то и я, подобно другимъ современно-образованнымъ людямъ, считалъ бы его просто за бредъ и галлюцинаціи психически-больного человѣка.

Все это я припомнилъ и написалъ только для того, чтобы наиболѣе простымъ и легкимъ способомъ запечатлѣть въ умѣ читателя фигуры нѣкоторыхъ важныхъ созвѣздій, съ которыми намъ придется еще не разъ встрѣтиться далѣе.

Но даже и эти мои прежнія размышленія не помогли бы мнѣ нисколько въ пониманіи нѣкоторыхъ важныхъ мѣстъ разсматриваемой книги, если бы въ моей головѣ не накопилось съ дѣтства, такъ сказать, большого запаса облаковъ. Вотъ съ этимъ-то своеобразнымъ складомъ я и долженъ ознакомить теперь читателя для того, чтобы и онъ могъ ясно понимать нѣкоторыя мѣста Апокалипсиса, потому что, скажу прямо, весь онъ представляетъ сплошную смѣсь астрологическихъ соображеній съ чрезвычайно поэтическими описаніями движеній и формъ различныхъ тучъ, которыя видѣлъ авторъ въ грозѣ, разразившейся 30-го сентября 395 г. надъ островомъ Патмосомъ въ греческомъ Архипелагѣ. Мой запасъ облаковъ, о которомъ я говорю, не представляетъ, конечно, ничего особенно необыкновеннаго. Въ головѣ каждаго изъ насъ образуются съ теченіемъ времени подобные скопленія излюбленныхъ впечатлѣній и картинъ. Я зналъ, напримѣръ, людей, голова которыхъ была, въ буквальномъ смыслѣ слова, складомъ всевозможныхъ обидъ, полученныхъ ими въ своей жизни отъ другихъ, тогда какъ всѣ обиды, которыя они сами наносили другимъ, никогда туда не заносились. Въ головѣ талантливаго художника непремѣнно существуетъ запасъ всевозможныхъ образовъ, соотвѣтствующихъ роду его творчества, а въ головѣ музыканта — всевозможныхъ мелодій. Подборъ предметовъ въ такихъ складахъ неизбѣжно обусловливается психическими особенностями и наклонностями даннаго человѣка. Каждый изъ насъ непроизвольно собираетъ сюда и бережно хранитъ здѣсь только то, что особенно волнуетъ, затрагиваетъ его въ окружающемъ мірѣ. Все остальное, къ чему мы безразличны, быстро теряется для насъ и исчезаетъ неизвѣстно куда...

Такъ и въ моей головѣ мало-по-малу накопилось очень много всевозможныхъ облачныхъ фигуръ лишь потому, что я всегда чувствовалъ къ облакамъ какое-то родственное влеченіе. Мнѣ кажется, что нѣчто подобное было также и въ головѣ у Лермонтова. Иначе какъ бы могъ онъ написать такія два чудныя стихотворенія:

*
* *

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную!

Что же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная, злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія...
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія...

*
* *

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана.
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.

Но остался влажный слѣдъ въ моршинѣ
Старика-утеса. Одиноко
Онъ стоитъ, задумавшись глубоко...
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ.

Такія же точно чувства навѣвали облака и на меня, и я нерѣдко мысленно обращался къ нимъ съ этими самыми стихотвореніями. Когда въ ясный сентябрьскій день появлялись высоко въ голубой лазури надъ Шлиссельбургской крѣпостью стада перистыхъ облаковъ, свидѣтельствуя собою о снѣжной мятели, поднявшейся въ почти недоступныхъ для насъ и вѣчно холодныхъ областяхъ атмосферы, въ то время, какъ внизу на землѣ еще шумѣли зеленыя листья деревьевъ и вся природа была полна жизни, — въ моей душѣ пробуждалось не одно лишь грустное предчувствіе неумолимо спускающейся съ

высоты зимы, но также и какое-то непреодолимое влеченье быть самому на этой высотѣ и также свободно носиться среди облаковъ въ этихъ недоступныхъ пространствахъ...

Но болѣе всего овладѣвало мною какое-то особое восторженное чувство во время надвигавшейся на небо или уже бушевавшей кругомъ грозы.

Когда надъ горизонтомъ медленно поднималась тяжелая свинцово-сизая туча съ ея бѣлымъ, пѣнистымъ краемъ, завернутымъ внизъ, какъ свитокъ старинаго пергамента, и какъ будто готовилась обрушиться всей своей тяжестью на присмирѣвшую отъ страха землю,—я просто не могъ оторвать своихъ глазъ отъ этой картины. Въ то время, какъ окружающіе спѣшили поскорѣе укрыться въ домъ, я всегда оставался подъ открытымъ небомъ, вплоть до самаго ливня, и съ жадностью ловилъ каждое движеніе приближающейся грозы, каждый новый оттѣнокъ пейзажа и каждый проблескъ вспыхивавшихъ за этой тучей отдаленныхъ молній, освѣщавшихъ ее по временамъ сзади, такъ сказать, изнутри, какимъ-то зловѣщимъ, у однихъ грозъ алымъ, кровавымъ, а у другихъ голубоватымъ свѣтомъ.

И потомъ, когда эта первая изъ грозовыхъ тучъ проносилась надъ головою и удалялась за противоположный край горизонта, обливъ землю первымъ крупнымъ ливнемъ, я пользовался каждымъ промежуткомъ дождя для того, чтобы посмотрѣть изъ окна или съ открытаго мѣста, какія формы принимали слѣдовавшія за нею облака, какъ они, подъ вліяніемъ крутящагося по всему видимому небу гигантскаго урагана, гонялись по всѣмъ направленіямъ другъ за другомъ, принимая самыя причудливыя формы. Большинства этихъ формъ совсѣмъ не знаютъ непосвященные, потому что обыкновенно прячутся дома, и если замѣча-

ютъ и помнятъ что-нибудь изъ средины прохожденія грозы, такъ это только радугу, да и то лишь потому, что она является обыкновенно уже въ концѣ... А между тѣмъ въ серединѣ грозы тучи также бываютъ очень характерны. Изъ нихъ въ моей головѣ еще въ юношескіе годы выдѣлилось нѣсколько типическихъ формъ, и многія изъ нихъ запечатлѣлись такъ отчетливо, что я безъ всякаго труда могу представить ихъ на рисункахъ. Приведу здѣсь лишь нѣсколько изъ нихъ, потому что они будутъ имѣть прямое отношеніе къ объясненію нѣкоторыхъ изъ «звѣрей» Апокалипсиса.

Однажды, приблизительно въ половинѣ августа, я возвращался домой изъ лѣса, прилегающаго къ берегу Волги. Солнце уже сильно склонилось къ западу и свѣтило мнѣ прямо въ лицо, а подъ нимъ на горизонтѣ поднималась и быстро двигалась на встрѣчу мнѣ грозовая туча. Я торопился поспѣть домой до ливня, но надежды было мало. Солнце скоро скрылось за тучей, и наступилъ тотъ особенный родъ освѣщенія, который всегда характеризуетъ приближеніе грозы. Все, на что ни падала тѣнь отъ тучи, сейчасъ же принимало особенный мрачный колоритъ, и вся природа, казалось, замерла въ ожиданіи чего-то страннаго и необычайнаго.

Я уже не помню, долго ли продолжалось все это, потому что я о чемъ-то замечтался. Но вдругъ я остановился какъ вкопанный, выведенный изъ своей задумчивости рѣзкой и неожиданной перемѣной въ освѣщеніи окружающаго ландшафта и поразительной картиной въ облакахъ. Солнце вдругъ выглянуло въ узкое отверстіе, какъ бы въ пробоину какой-то особенной тучи, состоящей изъ двухъ слоевъ наложенныхъ одинъ на другой. Контрастъ окружающей меня мѣстности, освѣщенной однимъ этимъ пучкомъ параллельныхъ лучей, съ отдаленными, покрытыми зловѣщей тѣнью, частями ландшафта былъ поразительный. Для того, чтобы понять,

что это была за картина, нужно самому ее видѣть въ природѣ или, по крайней мѣрѣ, на картинѣ, писанной геніальнымъ художникомъ, потому что всякое описанье безсильно... Благодаря тому, что пробоина въ тучахъ двигалась мимо солнца, оттѣнки его блеска быстро измѣнялись. Солнце казалось совсѣмъ живымъ лицомъ разгнѣваннаго человѣка, старающагося просунуть свою голову между двумя слоями тучи для того, чтобъ посмотрѣть, что творится на землѣ. Это сходство съ живой человѣческой головой дополнялось еще тѣмъ, что верхній край узкаго отверстія въ свинцово-сизыхъ тучахъ, освѣщенный сзади солнечными лучами, принялъ видъ густой шевелюры снѣжно-бѣлыхъ волосъ надъ разгнѣваннымъ ликомъ солнца, а нижній край образовалъ подъ нимъ какъ бы воротникъ мѣховой шубы, такого же снѣжно-бѣлаго цвѣта, закутывавшій его подбородокъ темной чертой, представляя собою что-то вродѣ двуконечнаго древняго кинжала, который солнце держитъ у себя во рту (рис. 14 въ 1 гл. Апок.).

Несомнѣнно, что эта кажущаяся пробоина въ тучахъ была лишь перспективнымъ явленіемъ, простымъ расширеніемъ узкаго промежутка между двумя слоями грозовой тучи, лежащими одинъ надъ другимъ. Узкая и въ обычныхъ условіяхъ совершенно незамѣтная отслойка продолжалась въ облакахъ и далѣе въ обѣ стороны нѣсколькими суженіями и расширеніями, такъ какъ косые лучи солнечнаго свѣта, проходя сзади въ сосѣднія расширенія, образовали по обѣ стороны хмурящагося солнца нѣсколько свѣтящихся пунктовъ, какъ бы пламя нѣсколькихъ горящихъ факеловъ, поставленныхъ направо и налѣво отъ гнѣвнаго солнечнаго лица.

Все это было такъ внезапно, такъ полно какой-то своей собственной жизни и движенія, что, какъ мнѣ ни смѣшно сознаться, но я несомнѣнно испугался и былъ готовъ спросить съ суевѣрнымъ страхомъ:

— Что такое случилось? Что тебѣ нужно?

Явленіе это, которое въ буквальномъ смыслѣ слова воспроизведено въ первой главѣ Апокалипсиса, продол-

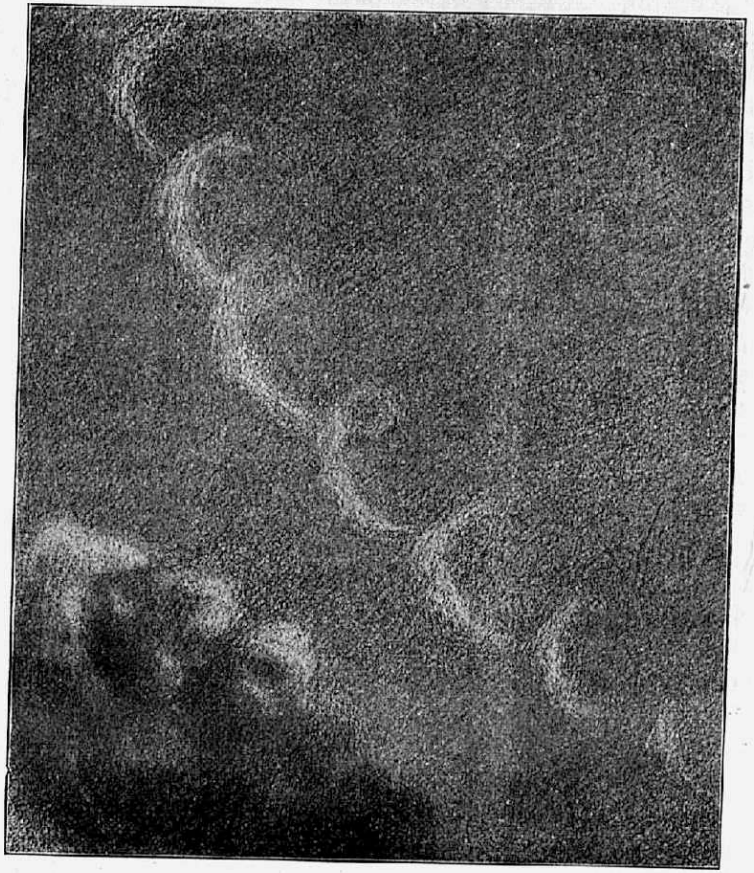


Рис. 10. Трубные вѣстники въ срединѣ нѣсколькихъ изъ видѣнныхъ мною грозъ.

жалось не болѣе минуты. Солнце медленно передвигалось за нижній край отверстія, принимая отъ постепенно

помрачавшихъ его промежуточныхъ паровъ все болѣе и болѣе хмурый и зловѣщій видъ. А затѣмъ на мѣстѣ солнца остался лишь огромный факелъ свѣтлыхъ лучей, посреди ряда другихъ такихъ же пучковъ золотистаго свѣта...

Черезъ полчаса налетѣла буря, а что было далѣе, я уже не помню.

Другой разъ, когда я вышелъ въ серединѣ грозы, въ промежуткѣ между двумя ливнями, на открытое мѣсто, чтобъ посмотрѣть на движенія и формы тучъ этого періода, я увидѣлъ на лазури отчасти прояснившагося неба, очень высоко вверху, но нѣсколько къ юго-востоку длинный рядъ снѣжно-бѣлыхъ облаковъ, свернутыхъ спиралями въ видѣ охотничьихъ роговъ (рис. 10). Они быстро неслись другъ за другомъ, обозначая этимъ путь крутившагося вверху урагана, и вся ихъ спираль представляла, очевидно, центры вращенія соотвѣтственныхъ частей атмосферы, гдѣ вслѣдствіе внезапнаго разрѣженія воздуха выдѣлялись легкіе водяные пары. Но внизу невольно казалось, что по небу летитъ вереница невидимыхъ ангеловъ, трубящихъ среди грозы... Когда же я черезъ нѣкоторое время снова вышелъ посмотрѣть, то увидѣлъ высоко на сѣверѣ другую не менѣе поразившую меня картину. Три большихъ бѣловатыхъ облака, занимавшіе всю верхнюю часть неба, приняли тамъ формы настоящихъ огромныхъ ж а б ъ (рис. 11), схватившихся другъ за друга передними лапами и несшихся, какъ бы въ дикомъ танцѣ, около самаго сѣвернаго полюса неба. Эта иллюзія танца въ воздухѣ обусловливалась ихъ криволинейными движеніями и тѣмъ, что на пути они вытягивали то ту, то другую изъ своихъ лапъ и искривлялись самымъ уродливымъ образомъ. Но и это явленіе тоже продолжалось недолго, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ жабы распались на четыре отдѣльныхъ облака, вродѣ кучевыхъ..

Аналогичныя формы мнѣ приходилось наблюдать и въ срединѣ другихъ грозъ. Но я прибавлю здѣсь лишь два случая, которые пригодятся намъ впослѣдствіи.

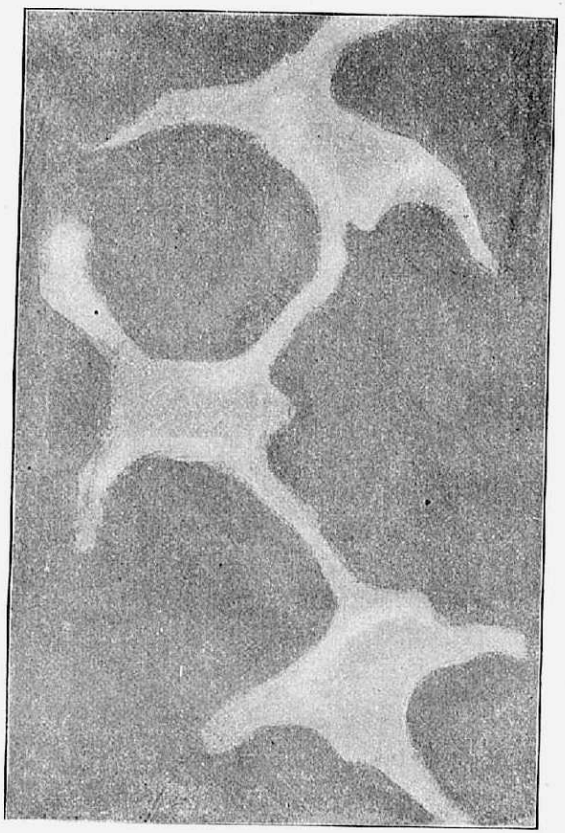


Рис. 11. Танцующія жабы въ срединѣ одной изъ видѣнныхъ мною грозъ.

Одинъ разъ, послѣ августовской грозы, окончившейся къ закату солнца, когда весь западный край горизонта

былъ уже покрытъ кровавой полосой вечерней зари, одна изъ послѣднихъ тучъ приняла чрезвычайно оригинальный видъ. На огненномъ фонѣ горизонта сидѣла какая-то гордая женская фигура въ пышномъ багряномъ одѣяніи и держала въ вытянутой рукѣ чашу, чрезвычайно похожую на тѣ, которыя употребляются въ церквахъ для причастія. Отъ просвѣчивающихъ и отраженныхъ лучей уже скрывшагося солнца эта чаша ка-

Рис. 12. Многоголовый звѣрь въ срединѣ одной изъ видѣнныхъ мною швейцарскихъ грозъ.

залась вылитой изъ золота, а сама женщина какъ будто была украшена со всѣхъ сторонъ золотистыми кружевами. Отъ медленнаго движенія тучи казалось, что она плавно наклоняется впередъ, какъ бы желая поднести кому-то эту чашу. Ея рука все болѣе и болѣе протягивалась къ югу и, наконецъ, черезъ нѣсколько минутъ оторвалась, и облако приняло видъ двухъ отдѣльныхъ клочьевъ (гл. 17 Апокалипсиса).

Второй замѣчательный случай, относящійся къ облакамъ, выходящимъ въ срединѣ грозы изъ-за горизонта, я видѣлъ уже не въ Россіи, а въ Швейцаріи. Я возвращался съ компаніей нѣсколькихъ женевскихъ студентокъ и студентовъ съ загородной экскурсіи, гдѣ насъ захватила гроза. Вдругъ одинъ изъ насъ замѣтилъ на краю неба, по которому летѣло въ разныхъ мѣстахъ лишь нѣсколько клочковатыхъ тучъ, новое облачное образованіе необыкновеннаго вида. Казалось, что изъподъ горизонта съ юго-запада выступала покрытая уродливыми наростами и гребнями сизая спина какого-то допотопнаго гигантскаго ящера (рис. 12). Пять или шесть смерчей, крутившихся надъ этой тучей, образовали надъ ней нѣсколько спиральныхъ бѣлыхъ облаковъ, напоминавшихъ длинныя змѣевидныя шеи. Онѣ оканчивались бѣлыми кучевыми облаками, въ видѣ уродливыхъ головъ...

— Смотрите, словно гидра какая многоголовая выходитъ изъ-подъ земли, сказала одна изъ нашихъ спутницъ, и всѣ согласились съ этимъ.

Болѣе удачнаго названія и нельзя было придумать появившемуся передъ нами чудищу.

ГЛАВА IV.

Первая встрѣча съ Апокалипсисомъ.

Мнѣ часто приходило въ голову: можно ли считать всѣ эти формы тучъ въ срединѣ грозъ такими же типическими, какъ и извѣстная каждому передовая туча въ видѣ свитка пергамента, загнутаго концемъ къ землѣ? Можно ли сказать, что эти промежуточныя формы такъ же часто можно наблюдать, какъ, напримѣръ, радугу? Конечно, всѣ эти картины перспективнаго характера, а потому для ихъ наблюденія нужно находиться на извѣстномъ пунктѣ по отношенію къ пути центра грозы, и надо, кромѣ того, захватить ее въ извѣстный періодъ развитія. Но вѣдь тоже самое можно сказать и о передовой тучѣ, а однако, всѣ знаютъ ея типическую форму.

Вотъ почему мнѣ очень хотѣлось узнать, видалъ ли кто-нибудь въ срединѣ грозъ такія же или аналогичныя формы облаковъ?

Если да, то, можетъ быть, всѣ грозы пришлось бы раздѣлить лишь на нѣсколько типовъ и даже предсказывать характерныя формы дальнѣйшихъ тучъ по одному виду передового облака.

Кромѣ того, грозы рѣзко раздѣляются на два типа, ясно различаемыя только позднимъ вечеромъ: у однихъ молніи бываютъ голубовато-бѣлыя, а у другихъ алыя, часто совсѣмъ кроваваго цвѣта, вѣроятно, дающія спектръ водорода отъ разложенія водяныхъ па-

ровъ. Алыя молніи мнѣ часто приходилось наблюдать въ іюлѣ по вечерамъ: ихъ вспышки заливали кровавымъ блескомъ весь горизонтъ. Какія формы тучъ типичны для тѣхъ и другихъ грозъ? Я нигдѣ не находилъ подобныхъ описаній до тѣхъ поръ, пока не былъ заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости.

Тамъ мнѣ семь мѣсяцевъ не давали читать ровно никакихъ книгъ, а потомъ вдругъ (сочтя меня уже достаточно подготовленнымъ религіозно) выдали, для наставленія въ православной вѣрѣ, старинную библію на французскомъ языкѣ, оставшуюся, повидимому, еще отъ декабристовъ. Она была помѣчена 1817 годомъ, и мнѣ ее положили за недостаткомъ экземпляровъ русскаго изданія, розданныхъ другимъ товарищамъ. Какъ человѣкъ свободномыслящій, я сейчасъ же принялся изучать эту книгу, какъ образчикъ древняго міровоззрѣнія, и прежде всего началъ съ Апокалипсиса. До того времени я ни разу его не читалъ и со словъ Рахметова, въ извѣстномъ романѣ Чернышевскаго «Что дѣлать», считалъ эту книгу за произведеніе сумасшедшаго. Съ этимъ представленіемъ я и принялся за чтеніе, но съ первой-же главы я, пораженный, долженъ былъ совершенно измѣнить свое заимствованное мнѣніе объ этой книгѣ.

Подобно ботанику, который узнаетъ свои любимыя растенія по нѣсколькимъ словамъ ихъ описанія, тогда какъ для остальныхъ людей эти слова — пустые звуки, вызывающіе лишь неясные образы, я съ первой же главы вдругъ началъ узнавать въ апокалипсическихъ звѣряхъ на половину аллегорическое, а на половину буквально точное и притомъ чрезвычайно художественное изображеніе давно извѣстныхъ мнѣ грозовыхъ картинъ, а кромѣ нихъ еще замѣчательное описаніе созвѣздій древняго неба и планетъ въ этихъ созвѣздіяхъ. Черезъ нѣсколько страницъ для меня уже не оставалось никакого сомнѣнія, что истиннымъ источникомъ этого древняго пророчества была гроза и зловѣщее астрологическое расположеніе планетъ по созвѣздіямъ, эти старинные знаки Божьяго гнѣва, принятые авторомъ, подъ вліяніемъ религіознаго энтузіазма, за знаменіе, спеціально посланное Богомъ въ отвѣтъ на его горячія мольбы о томъ, чтобъ указать ему хоть какимъ-нибудь намекомъ, когда же, наконецъ, Іисусъ придетъ на землю.

Авторъ этой книги внезапно всталъ передъ моими глазами, какъ человѣкъ съ глубоко любящимъ сердцемъ и съ чрезвычайно отзывчивой и поэтической душей, но изстрадавшійся и измученный окружавшимъ его лицемѣріемъ, ханжествомъ и раболѣпствомъ современной ему христіанской церкви передъ «царями земными».

Съ первой же главы этотъ неизвѣстный Іоаннъ представился мнѣ погруженнымъ въ грустныя размышленія и одиноко сидящимъ на берегу острова Патмоса. Онъ ожидалъ вычисленнаго имъ на этотъ день (по употреблявшемуся тогда Сарросскому циклу) солнечнаго затменія и старался опредѣлить, съ помощью астрологическихъ соображеній, время ожидаемаго имъ второго пришествія Христа,—не замѣчая надвигающейся сзади него грозы. Но вотъ внезапный свѣтъ солнца, прорвавшійся въ щелевидный промежутокъ между двумя, несущимися одна надъ другой, тучами вдругъ вывелъ его изъ забвенія и, быстро повернувшись, онъ увидѣлъ то же самое разгнѣванное солнце, смотрящее на него изъ-за тучъ, которое разъ видѣлъ и я... Какое впечатлѣніе должна была произвести на него эта зловѣщая картина, появившаяся внезапно въ тотъ самый часъ, когда онъ ожидалъ такого грознаго для всѣхъ древнихъ явленія, какъ солнечное затменіе, понять не трудно изъ его собственнаго описанія. А дѣло еще осложнялось затѣмъ землетрясеніемъ. Онъ въ ужасѣ палъ на колѣни, и все, что было потомъ, стало представляться ему сплошнымъ рядомъ знаменій, посланныхъ для того, чтобъ

онъ записалъ и истолковалъ ихъ такъ, какъ подсказывало ему «божественное вдохновеніе», т. е. тотъ порывъ энтузіазма, съ которымъ знакома всякая истинно поэтическая душа, и который онъ считалъ за отголосокъ мыслей Бога въ своей собственной душѣ.

Но лучше судите сами по приводимому мною теперь толковому изложенію этой замѣчательной книги.

По указаннымъ въ ней положеніямъ планетъ въ опредѣленныхъ созвѣздіяхъ зодіака я могъ вычислить астрономическимъ путемъ, а слѣдовательно, и съ безусловной точностью, что описанная здѣсь гроза пронеслась надъ Патмосомъ въ воскресенье 30-го сентября 395 юліанскаго года. Вся книга, какъ стенографически точное воспроизведеніе картины неба, имѣвшей мѣсто только одинъ этотъ разъ за весь историческій періодъ времени, была несомнѣнно составлена по непосредственнымъ замѣткамъ этого же дня и ночи и окончательно написана въ слѣдующія за тѣмъ дни, т. е. въ началѣ октября того же года.

Въ это время христіанская церковь уже нѣсколько десятковъ лѣтъ (съ 330 года) была государственной въ обѣихъ частяхъ Римской Имперіи, но, вмѣстѣ съ самой имперіей, раздиралась на части постоянными раздорами и взаимными интригами своихъ честолюбивыхъ и порочныхъ епископовъ. По этой датѣ и по самому содержанію книги оказалось не трудно опредѣлить и личность ея автора. Это несомнѣнно былъ Іоаннъ Хризостомъ Антіохійскій, родившійся около 354 года, сосланный затѣмъ императоромъ Аркадіемъ по рѣшенію собора епископовъ въ 403 г. и умершій въ изгнаніи въ 407 году. Мои астрономическія вычисленія, [1]) не оставляющія никакихъ сомнѣній въ справедливости этой даты, будутъ приведены далѣе въ третьей части моего изслѣдованія,

[1]) Провѣренныя въ настоящее время уже двумя пулковскими астрономами.

а теперь я прямо прилагаю здѣсь для ясности саму книгу Іоанна.

Мое изложеніе Апокалипсиса не рабски подстрочный переводъ, какъ обыкновенные церковные. Это, такъ сказать, популяризація его, потому что простой переводъ здѣсь неумѣстенъ. Предметъ, о которомъ трактуетъ въ своей книгѣ авторъ, т. е. созвѣздія неба, ихъ фигуры, движенія по нимъ планетъ и ихъ собственныя суточныя движенія на кажущемся небесномъ сводѣ, настолько мало извѣстны не астрономамъ, что голыя названія этихъ предметовъ, какъ ихъ даетъ авторъ, были бы для большинства простыми звуками безъ опредѣленнаго смысла. Для того, чтобы истинная мысль автора была ясна для общеобразованнаго человѣка, мнѣ пришлось при каждомъ спеціальномъ терминѣ сейчасъ же прибавлять и соотвѣтствующее поясненіе. Такъ, напримѣръ, вмѣсто голаго слова «Драконъ», которое въ астрологіи и астрономіи обозначаетъ соотвѣтствующее созвѣздіе, я писалъ: созвѣздіе Дракона, вмѣсто отрывочнаго: «Конскія Узды» я писалъ съ поясненіемъ въ скобкахъ: Конскія Узды (группа звѣздъ въ созвѣздіи Возничаго) и т. д. Точно также и при описаніи облачныхъ фигуръ пришлось давать пояснительныя дополненія. Вмѣсто, напримѣръ, краткаго выраженія въ подлинникѣ: «Сидящая фигура была подобна камнямъ яшмѣ и сердолику», я говорилъ: «сидящая фигура обладала въ однихъ своихъ частяхъ (полосатыми, бѣлымъ съ темнымъ) оттѣнками яшмы, а въ другихъ (красновато-оранжевыми) оттѣнками сердолика». Основная сущность осталась та же самая и въ этомъ моемъ популяризаціонномъ изложеніи, но читатель сразу понимаетъ изъ него, что̀ именно хотѣлъ сказать авторъ, не будучи принужденъ бѣжать за курсомъ минералогіи для того, чтобы справиться, какіе цвѣта и оттѣнки имѣютъ яшма и сердоликъ.

Въ моемъ популяризаціонномъ переложеніи съ греческаго осталось все то же, что и въ подлинникѣ, и въ обыкновенныхъ, ни на что негодныхъ [1]) переводахъ, но лишь въ полной мѣрѣ сказалась разница между старымъ и новымъ способомъ изложенія научныхъ предметовъ. Старинный авторъ писалъ исключительно для узкаго круга людей, посвященныхъ во всѣ тайны его науки, стараясь нерѣдко всѣми силами, чтобъ его не могъ понять непосвященный, а новый авторъ, наоборотъ, прилагаетъ всѣ старанія, чтобъ быть какъ можно болѣе общепонятнымъ.

Но, несмотря на этотъ популяризаціонный способъ передачи оригинала, я держался какъ можно ближе къ греческому подлиннику и переводилъ его даже подстрочно, съ приведеніемъ греческихъ словъ въ примѣчаніяхъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые были важны для опредѣленія времени этой книги и для установленія воззрѣній ея автора.

---

[1]) Представьте только себѣ, что человѣкъ переводитъ, напримѣръ, съ англійскаго астрономію, совершенно не зная этой науки и даже не подозрѣвая, что имѣетъ дѣло съ астрономическими предметами, и вы поймете, каковъ окажется его переводъ!

ЧАСТЬ II

ОТКРОВЕНІЕ ВЪ ГРОЗѢ И БУРѢ И ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ УДАРАХЪ ПАТМОССКАГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЯ 30 СЕНТЯБРЯ 395 ГОДА.

Популяризированное изложеніе по греческому изданію: Τῆς Καινῆς Διαθηκης Ἁπάντα. Δαπάνη τῆς Βρεταννικῆς Βιβλικῆς Ἑταιρίας πρὸς διάδοσιν τῶν ἁγίων γραφῶν ἐν τε τῇ Μεγάλῃ Βρετάννιᾳ. 1902.

Нѣкоторыя исправленія сдѣланы по старинным изданіямъ Эрасма и другимъ древнимъ спискамъ. Пояснительныя вставки въ скобкахъ на разрядкѣ и курсивомъ принадлежатъ мнѣ.

Карта,

представляющая положеніе звѣздъ

надъ островомъ Патмосомъ

около

5 часовъ вечера, 30 сентября 395 юл. года,

и

объясненіе къ ней.

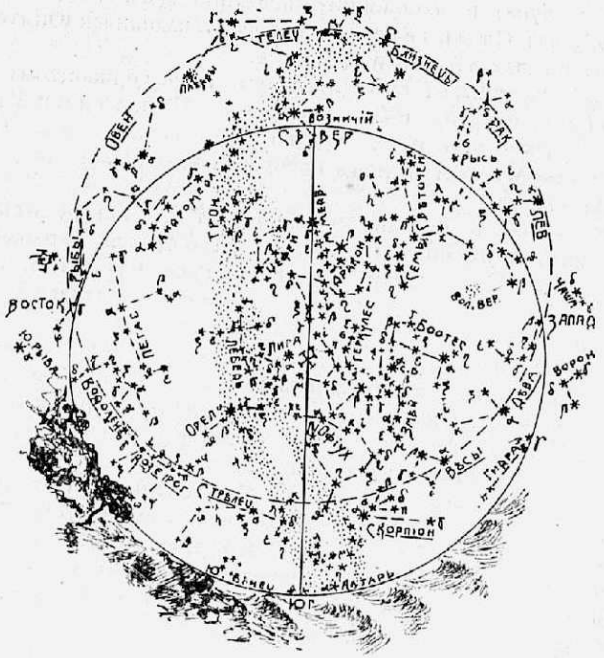


Рис. 13. Положеніе созвѣздій надъ Патмосомъ во время астрономическаго опредѣленія ихъ Іоанномъ въ гл. 6—12 Апокалипсиса.

Для пользованія этой картой нужно представить себя стоящимъ на южномъ берегу о-ва Патмоса, лицомъ къ югу, при чемъ изображенныя на ней созвѣздія какъ бы перекидываются черезъ голову наблюдателя. Такимъ образомъ, карту нужно держать у себя надъ головой, какъ находится само звѣздное небо.

Видны были лишь тѣ созвѣздія, которыя помѣстились въ вычерченномъ нижнемъ кругѣ, представляющемъ патмосскій горизонтъ. Вертикальная линія—меридіанъ этого горизонта, а крестъ на ней — зенитъ, т. е. точка, находящаяся прямо надъ головой наблюдателя.

Прямо на югѣ выступаетъ изъ-подъ горизонта верхняя половина созвѣздія Жертвенникъ, а надъ нимъ Скорпіонъ, въ которомъ была планета Сатурнъ. Направо (къ западу) были Вѣсы (гдѣ былъ Меркурій), Дѣва (гдѣ было Солнце и Луна) и наполовину зашедшій Левъ. Налѣво, къ востоку, былъ Стрѣлецъ (въ которомъ находился Юпитеръ), Козерогъ, Водолей и Пегасъ.

Прямо на сѣверѣ поднимались надъ горизонтомъ двѣ звѣздочки (δ и ξ) Возничаго, называемая Конскими Уздами, а налѣво отъ нихъ къ востоку верхняя часть Персея съ его Мечемъ, подъ которымъ находилась тогда планета Марсъ.

Въ зенитѣ находилась Лира, а къ сѣверу отъ нея Драконъ и за нимъ Небесный Полюсъ, украшенный Полярной Звѣздой, центръ вращенія небеснаго свода, съ 24 лучеобразно исходящими отъ него часами звѣзднаго времени (такъ называемые часы прямого восхожденія звѣздъ). Направо отъ него видны семь свѣточей Большой Медвѣдицы, а налѣво Кассіопея, называвшаяся прежде Трономъ.

Довольно глубоко подъ сѣверной частью горизонта находилось созвѣздіе Тельца, а къ востоку отъ него Овенъ или Агнецъ, готовившійся къ своему восхожденію.

Всѣ эти созвѣздія и ихъ положенія указаны въ «Откровеніи». Кромѣ нихъ названы еще: Вѣнецъ между зенитомъ и западомъ и Змѣй къ югу отъ него. Затѣмъ упоминаются: Серпъ или верхнія звѣзды Боотеса, находящагося между зенитомъ и западомъ, и Южный Вѣнецъ, на самомъ южномъ горизонтѣ рядомъ съ Жертвенникомъ.

Откровеніе въ грозѣ и бурѣ.

ГЛАВА I.

Гнѣвный ликъ солнца въ облакѣ предвѣстникѣ грозы.

Іоаннъ — семи малоазіатскимъ собраніямъ [1]:

Благосклонность вамъ и миръ отъ того, кто былъ, есть и будетъ, и отъ Семи Душъ (сіяющихъ въ созвѣздіи Большой Медвѣдицы, рис. 14) напротивъ его

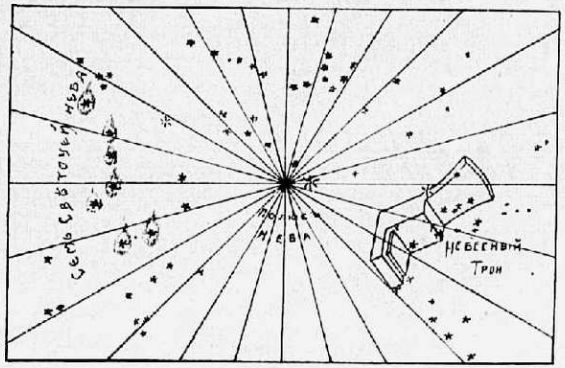


Рис. 14. Созвѣздіе Трона (теперь Кассіопея) и созвѣздіе Семи Душъ (теперь Большая Медвѣдица) напротивъ его, по другую сторону отъ небеснаго полюса.

[1] Я перенесъ сюда въ примѣчаніе неудачный и длинный заголовокъ, которымъ древній переписчикъ снабдилъ эту книгу. Вотъ онъ: *(1) Откровеніе, данное Богомъ Іисусу Христу, чтобы извѣстить своихъ слугъ о томъ, что скоро должно случиться. (2) Христосъ послалъ это черезъ своего вѣстника Іоанну, своему слугѣ, а Іоаннъ передалъ слова Бога и сообщеніе Іисуса Христа и то, что самъ видѣлъ. (3) Счастливъ, кто читаетъ или слушаетъ слова этого*

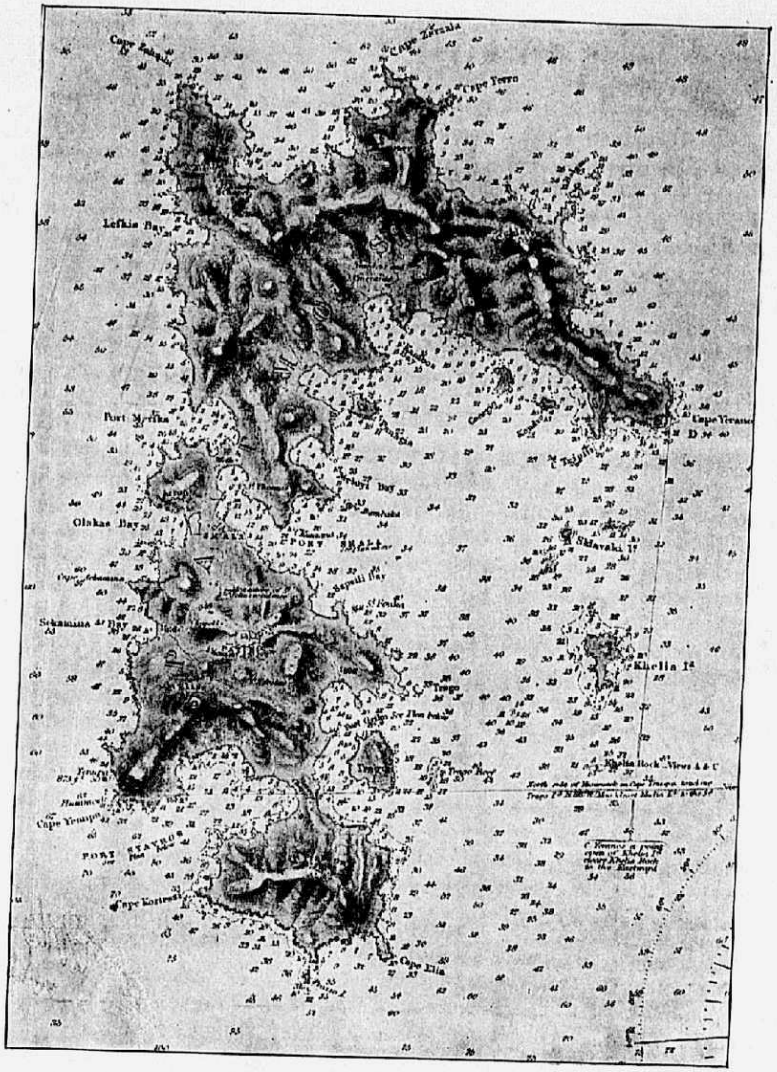


Рис. 15. Карта Патмоса (изъ англійской лоціи).

Трона [2], и отъ вѣрнаго провозвѣстника истины Іисуса-Посвященнаго. Перворожденный изъ мертвыхъ и властелинъ земныхъ царей, онъ принялъ насъ къ своему сердцу, обмылъ своей кровью отъ нашихъ проступковъ и сдѣлалъ насъ самихъ [3] царями и священнослужителями передъ Богомъ, своимъ отцомъ. Да будетъ ему слава и власть въ вѣкахъ вѣковъ!.. Да будетъ! 5 6

Вонъ идетъ онъ въ облакахъ (бури) и увидитъ его всякій глазъ, и тѣ, которые пронзили его, и зарыдаютъ надъ нимъ всѣ племена земныя! [4]. 7

Я, Іоаннъ, вашъ братъ и участникъ въ печали и торжествѣ, и въ терпѣливомъ ожиданіи его прихода, 9

пророчества и соблюдаетъ написанное здѣсь, потому что время исполненія близко.

Всѣ пояснительные заголовки къ главамъ прибавлены мною по образцу древнихъ латинскихъ копій.

[2] Созвѣздіе Большой Медвѣдицы до сихъ поръ называется на югѣ франціи „Колесницей Душъ“, какъ это видно изъ разсказа Альфонса Доде: „Звѣзды“. Въ древности это названіе было еще употребительнѣе. Далѣе, въ главѣ 4, ст. 5-й Апокалипсиса сказано о немъ же: „И горѣли напротивъ (созвѣздія) Трона семь огненныхъ лампадъ, семь душъ, всегда находящихся передъ Богомъ (очевидно, Богъ предполагался сидящимъ на сѣверномъ полюсѣ неба, какъ въ центрѣ вращенія свѣтилъ)“. Выраженіе подлинника: ἑπτα πνεῦμα (семь душъ, вдохновеній) по отношенію къ звѣздамъ свидѣтельствуетъ, что авторъ былъ Оригенитомъ. Оригенъ, первый изъ христіанскихъ учителей, началъ утверждать, во второмъ вѣкѣ нашей эры, что небесныя свѣтила суть души людей, облеченныя въ свѣтлыя одежды.

Что же касается до слова: Тронъ, въ подлинникѣ θρόνος, то въ астрономіи и астрологіи оно обозначаетъ всегда: созвѣздіе Трона, называемое теперь Кассіопеей

[3] αὐτός — самъ, самый.

[4] Здѣсь вставлено (забѣжавшимъ впередъ переписчикомъ?) выраженіе, которое находится въ подлинникѣ всего черезъ фразу послѣ этого въ строкѣ одиннадцатой этой главы: „Я первая и послѣдняя буква алфавита, начало и конецъ, говоритъ вла-

былъ на островѣ Патмосѣ для божественной науки и проповѣди объ Іисусѣ-Посвященномъ [5].

10 Въ воскресенье я находился въ состояніи вдохновенія и слышалъ (въ шумѣ волнъ) позади себя могучій голосъ, звучащій какъ труба:

— Я первая и послѣдняя буква алфавита, начало и
11 конецъ. То, что видишь, напиши на папирусѣ и пошли собраніямъ вѣрныхъ въ Малой Азіи: въ Ефесъ, Смирну, Пергамъ, Ѳіатиры, Сардисъ, Филадельфію и Лаодикію.

12 Я оглянулся на этотъ голосъ и вотъ увидѣлъ (въ очертаніяхъ облаковъ, между которыми проглядывало солнце) семь золотыхъ свѣтоносныхъ чашъ [6], а посреди
13 нихъ (облачное) подобіе человѣческаго существа [7], одѣтаго въ длинную бѣлую одежду еврейскихъ первосвященниковъ и опоясаннаго подъ грудью золотымъ поясомъ.
14 Его голова (солнце) и волосы (т. е. края облака надъ солнцемъ, рис. 16) были ярки какъ бѣлый пухъ, какъ

стелинъ Богъ, который былъ, есть и будетъ всемогущій. У Эрасма же, напротивъ, эта фраза безъ словъ „начало и конецъ“ оставлена здѣсь, но выпущена далѣе.

[5] Въ подлинникѣ: Ἰησοῦ Χριστοῦ. Іисусъ (Ἰησοῦς) есть искаженное еврейское имя Егошуа, что значитъ б о ж ь я п о м о щ ь. Такъ называлъ себя онъ самъ и такъ звали его всѣ окружающіе въ Палестинѣ. Греки передѣлали это имя въ Иесусъ, латины въ Иезусъ, французы въ Жезю, англичане въ Джизёсъ, и т. д. Въ результатѣ отъ настоящаго имени не осталось почти ни одного звука. Христосъ же (Χριστὸς) есть простое прилагательное, которое въ обычномъ греческомъ языкѣ означаетъ: окрашенный, вымазанный, а въ переносномъ смыслѣ: посвященный въ религіозный санъ, въ религіозныя тайны, путемъ символическаго помазанья масломъ при обрядѣ принятія. Вотъ почему я и не вижу причинъ оставлять это прилагательное безъ перевода.

[6] λυχνία — плошка для освѣщенія. Въ нее наливалось масло, въ которое вставлялся фитиль.

[7] υἱὸς ἀνθρῶπου — сынъ человѣка, человѣческое существо.

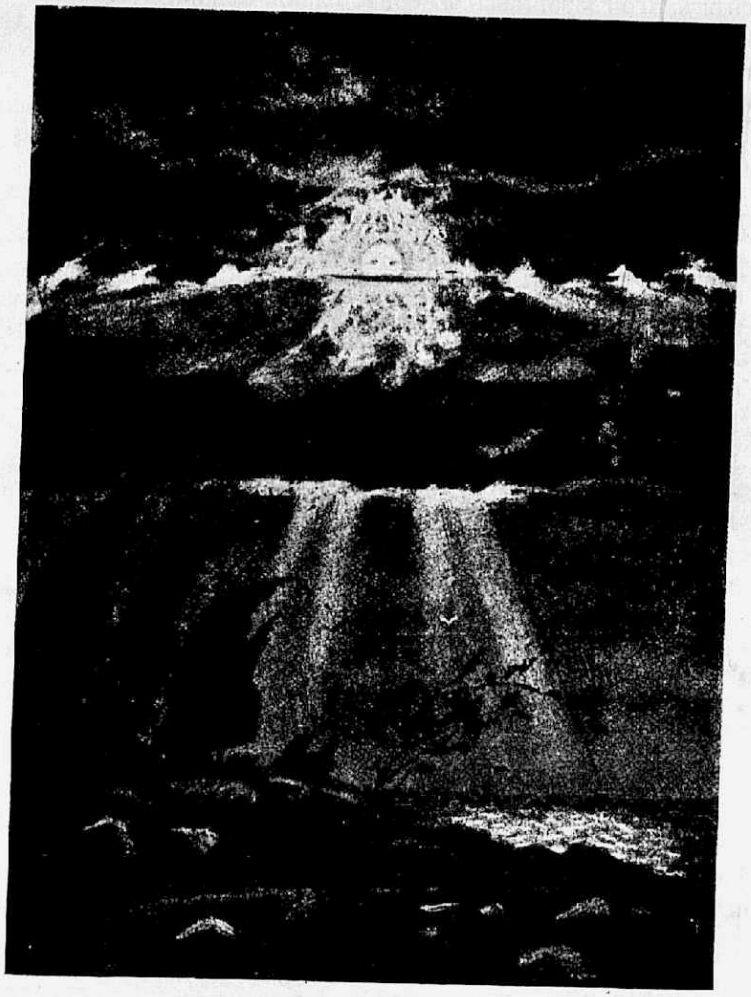


Рис. 16. Гнѣвный ликъ солнца въ облакѣ предвѣстникѣ грозы.

15 снѣгъ. Его глаза, какъ огненное пламя. Его ноги (столбы
лучей, пробивавшихся на землю сквозь тучи) были
подобны раскаленной въ печи бронзѣ, голосъ же его
16 былъ — шумъ множества волнъ. На правой сторонѣ
онъ держалъ въ своей (облачной) рукѣ семь звѣздъ [8]
(Большой Медвѣдицы?), изо рта его выходилъ мечъ,
заостренный съ обоихъ концовъ, а лицо его было —
солнце, сіяющее во всей своей силѣ.

17 Увидѣвъ его, я упалъ, какъ мертвый, къ его ногамъ,
но онъ протянулъ надо мною [9] свою правую (облач-
ную) руку и сказалъ (этимъ):

— Не бойся! Я первый и послѣдній, я живъ, но
18 былъ мертвъ, и вотъ буду жить въ вѣкахъ вѣковъ.
Мнѣ принадлежатъ ключи, запирающіе смерть и под-
19 земное царство. Опиши все, что ты только что видѣлъ,
все, что видишь теперь и что случится послѣ этого.
20 Сокровенный смыслъ Семи Звѣздъ въ моей правой
рукѣ и семи золотыхъ свѣтоносныхъ сосудовъ (въ ту-
чахъ) таковъ: Семь Звѣздъ—это оглашатели [10] семи
(Малоазіатскихъ) общинъ, а семь сосудовъ — это сами
общины.

---

[8] Направо отъ солнца, вверху была Большая Медвѣдица, или Семь Душъ, „рука" облачной фигуры тянулась къ этому мѣсту съ точки зрѣнія Іоанна.

[9] ἐπέθηκε — наклонилъ, опустилъ.

[10] Греческое слово: ἄγγελος (ангелосъ) нельзя оставлять безъ перевода въ старинныхъ греческихъ документахъ. Это самое обычное разговорное слово, обозначающее: гонецъ, посланникъ, вѣстникъ, а въ переносномъ смыслѣ: оглашатель, т. е. лекторъ древнихъ Оригенитскихъ общинъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ слово ангелосъ и употреблено здѣсь, какъ ясно изъ ст. 16 гл. 3, гдѣ авторъ грозитъ одному изъ нихъ, что Богъ „выблюетъ его изъ своихъ устъ" за то, что онъ „ни холоденъ, ни горячъ". Это было бы неумѣстно по отношенію къ настоящему ангелу.

ГЛАВА IV†.

Картина звѣзднаго неба за покровомъ дневной лазури.

Черезъ нѣкоторое время послѣ этого я взглянулъ 1
и вотъ открылась дверь (отверстіе въ надвинувшихся
облакахъ) на небѣ, и прежній голосъ (моря), звучавшій
какъ труба, сказалъ мнѣ:

— Поднимись (мысленно) сюда, и я покажу тебѣ, что
должно случиться послѣ этого.

И вдохновенье тотчасъ охватило меня. И вотъ на 2
томъ самомъ мѣстѣ [1] и находилось на небѣ (по астроно-
мическому расчету) [2] созвѣздіе Трона, съ сидящимъ
на немъ (облачкомъ), напоминавшимъ своимъ видомъ 3
полосатую яшму и *оранжевый* сердоликъ, а Тронъ на-
ходился посреди̇нѣ радуги (Млечнаго Пути) [3], подобной
по виду (за покровомъ дневной лазури) голубовато-
зеленому изумруду.

Вокругъ созвѣздія Трона было двадцать четыре сѣ- 4
далища (двадцать четыре крыловидныя полосы прямого
восхожденія неба) [4] и на нихъ сидѣли двадцать четыре

---

[1] ἔχειτο вмѣсто ἐκεῖ — на томъ самомъ мѣстѣ.

[2] Всякій астрономъ - наблюдатель легко укажетъ по простому расчету, гдѣ находится любое созвѣздіе въ данный часъ дня, хотя его и не было бы видно за покровомъ дневной лазури, у Іоанна же, можетъ быть, были съ собой и инструменты.

[3] Созвѣздіе Трона погружено въ Млечномъ Пути.

[4] См. карты неба.

† Главы 3 и 4, содержащія спеціальное наставленіе Малоазіатскимъ церквамъ объ ихъ частныхъ дѣлахъ и не имѣющія никакого отношенія къ общему содержанію книги, я перевожу особо въ IV части этого изслѣдованія. Тамъ имъ настоящее мѣсто при біографіи автора и очеркѣ его времени.

старца (часа дня и ночи), облеченные въ свѣтлыя одежды [5] (дневной лазури), съ золотымъ вѣнцомъ (рис. 17) надъ головами своими [6]. А отъ Трона исходили молніи и громы и звуки [7] (надвигавшейся грозы) и горѣли противъ него семь огненныхъ лампадъ (Большой Медвѣдицы), семь душъ, принадлежащихъ Богу. Вокругъ же Трона стеклянное море (небесный сводъ), прозрачное какъ хрусталь, а посреди этого моря [8] и вокругъ Трона находятся животныя (четырехъ временъ года), полныя очей (вѣчно мерцающихъ звѣздъ) спереди и сзади.

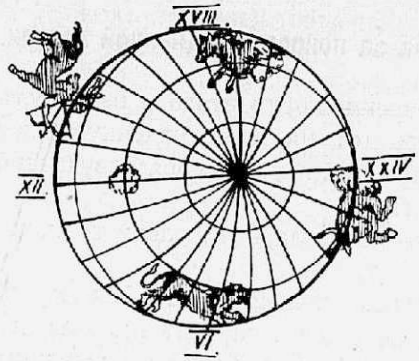


Рис. 17. Сѣверный Вѣнецъ, Крылья Неба и крестообразное расположеніе по эклиптикѣ четырехъ животныхъ Іоанна.

Первое изъ нихъ (созвѣздіе всепожирающей осени,

[5] λευκός — блестящій, свѣтлый, яркій, бѣлый; откуда латинское lucidus.

[6] Здѣсь дѣло, очевидно, идетъ о созвѣздіи Сѣвернаго Вѣнца, находившемся какъ разъ въ зенитѣ, на самой вершинѣ кажущагося небеснаго свода. Но переписчики, не понимавшіе астрономическаго смысла этой картины, передѣлали первоначальное выраженіе στέφανον χρυσοῦν (Золотой Вѣнецъ) въ στέφανους χρυσοῦς (Золотые Вѣнцы). Такая склонность къ поправкамъ вызвала много варіантовъ во всѣхъ библейскихъ книгахъ.

[7] φωναί — звуки, голоса.

[8] Вмѣсто моря въ современныхъ греческихъ копіяхъ стоитъ тронъ, очевидно, по опискѣ переписчиковъ, если не предположить, что въ этомъ случаѣ авторъ назвалъ тономъ видимый небесный сводъ.

рис. 18) подобно Льву, второе (созвѣздіе питающаго лѣта, рис. 19) подобно Тельцу, третье (созвѣздіе все

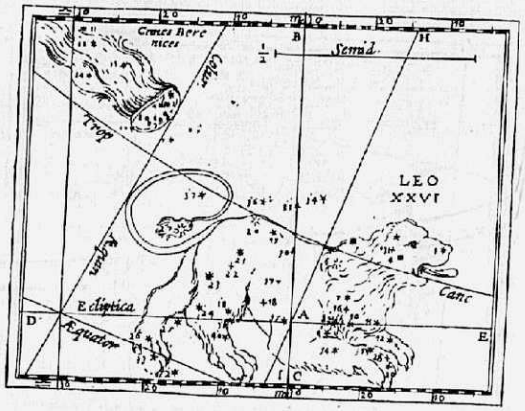


Рис. 18. Созвѣздіе Льва, гдѣ солнце бываетъ передъ началомъ осени, по Grienberger'y.

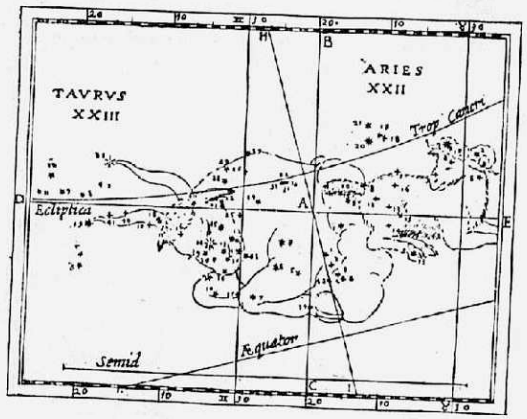


Рис. 19. Созвѣздіе Тельца, гдѣ солнце бываетъ передъ началомъ лѣта, по Grienberger'y.

убивающей зимы, Стрѣлецъ, рис. 20) обладаетъ лицомъ, какъ у человѣка, а четвертое животное (созвѣздіе весны—крылатый конь Пегасъ, рис. 21) подобно летящему

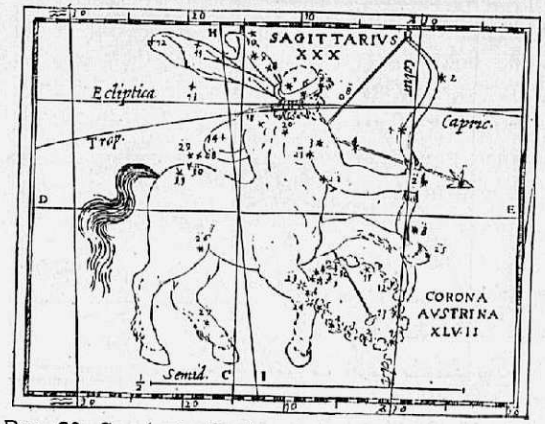


Рис. 20. Созвѣздіе Стрѣльца, гдѣ солнце бываетъ въ началѣ зимы, по Grienb.

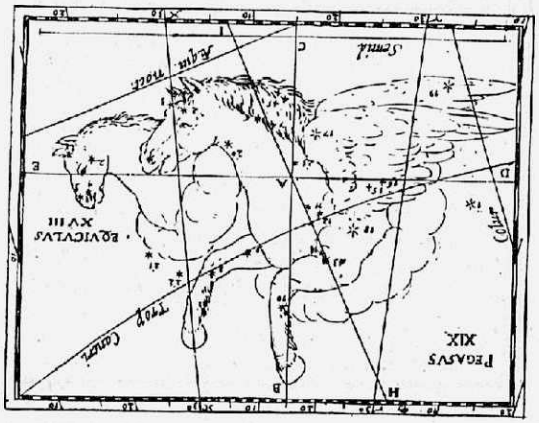


Рис. 21. Созвѣздіе Пегаса, гдѣ солнце бываетъ передъ началомъ весны, по Grienb.

орлу [9]. И имѣли они какъ бы на каждаго изъ себя по 8
шести крыльевъ (по шести крыловидныхъ полосъ—часовъ прямого восхожденія неба), расположенныхъ круговидно, а внутри себя и около [10] они полны очей (звѣздъ) и ни днемъ, ни ночью не имѣютъ покоя, восклицая (своимъ мерцаньемъ):

— Святъ, святъ, святъ властелинъ нашъ Богъ всемогущій, тотъ, кто былъ, есть и будетъ!

И въ то время, какъ животныя (четырехъ временъ года) прославляютъ и превозносятъ сидящаго на Тронѣ и благодарятъ его, живущаго въ вѣкахъ вѣковъ,— тогда двадцать четыре старца — ч а с а (поочередно) преклоняются передъ нимъ (опускаются внизъ при каждомъ

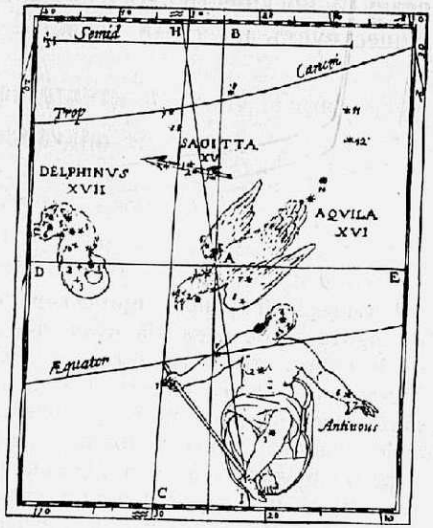


Рис. 22. Созвѣздіе Орла, Дельфина и Антиноя, по Grienberger'у.

9

10

[9]) Греческое слово ζῷον, означало въ древности млекопитающее животное, а не птицу. Такимъ образомъ, данное выраженіе не могло относиться къ созвѣздію Орла (рис. 22), а къ единственному среди древнихъ созвѣздій крылатому животному—Пегасу. Замѣтьте, что каждое изъ этихъ четырехъ животныхъ скрывается въ лучахъ солнца при наступленіи соотвѣтствующаго времени года.

[10] ἔσωθεν καὶ κυκλόθεν — внутри и кругомъ. Уже одно это выраженіе показываетъ, что дѣло идетъ о фигурахъ древнихъ созвѣздій. У какихъ другихъ животныхъ могутъ быть глаза внутри и кругомъ?

11 суточномъ оборотѣ неба). Они воздаютъ хвалу живущему въ вѣчности и (каждыя сутки) повергаютъ *созвѣздіе* Вѣнца передъ Троном ъ [11]. И говорятъ (тогда) старцы—часы:

— Достоинъ ты, нашъ властелинъ, принять почетъ и славу и могущество. Все сдѣлано тобою, все возникло и существуетъ по твоей волѣ.

---

[11] Сѣверный Вѣнецъ при своемъ ежесуточномъ обращеніи въ широтахъ острова Патмоса, то поднимается наверхъ въ самый зенитъ, то повергается на сѣверную часть горизонта.

Для того, чтобы понять всю поэзію этой замѣчательной главы, необходимо ясно представить себѣ не только расположеніе созвѣздій на кажущемся небесномъ сводѣ, но и ихъ ежесуточное движеніе. Для тѣхъ, кто этого не знаетъ, вся красота описаной здѣсь картины почти потеряна. Для нихъ я могу сказать только слѣдующее. Все звѣздное небо издревле раздѣляется на двадцать четыре крыловидныя полосы, сходящіяся у полюсовъ неба (рис. 17) и называемыя звѣздными часами, или часами прямого восхожденія заключающихся въ нихъ звѣздъ. Въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ земного шара верхнія части каждаго звѣзднаго часа (приблизительно до высоты Сѣвернаго Вѣнца, рис. 17) никогда не заходятъ, а нижнія части, такъ сказать, колѣни этихъ полосъ, то опускаются подъ горизонтъ, то подымаются надъ нимъ. Благодаря этому каждый звѣздный часъ какъ бы подымается со своихъ колѣнъ на восточной части горизонта, а затѣмъ обратно опускается на нихъ на западной сторонѣ, какъ бы преклоняясь передъ центромъ своего вращенія—сѣвернымъ полюсомъ неба. Эта, описанная здѣсь, картина ежесуточнаго вращенія звѣзднаго неба съ его двадцатью четырьмя старцами - часами, по очереди преклоняющимися передъ вѣчностью, символизируемой въ неподвижномъ полюсѣ неба, замѣчательно поэтична.

ГЛАВА V.

Облачко-барашекъ пролетаетъ по небу. Гимнъ звѣздъ созвѣздію Овна.

Въ рукѣ сидящаго на Тронѣ былъ свитокъ папируса [1] (полоса созвѣздій Зодіака), исписанный (звѣздными фигурами) внутри и около и запечатанный семью печатями (отдѣльными кучевидными облаками?). И я видѣлъ могучаго вѣстника [2] (море), восклицавшаго громкимъ голосомъ (своихъ валовъ). 2

— Кто достоинъ раскрыть (отъ облаковъ) этотъ свитокъ папируса и снять съ него печати?

И никого не было ни на небѣ, ни на землѣ, ни подъ землею, кто могъ бы раскрыть этотъ свитокъ, или разсмотрѣть его (черезъ облака). И я (ждавшій въ этотъ день солнечнаго затмѣнія) много горевалъ, что не было никого достойнаго сдѣлать это. Но одинъ изъ старцевъ (часовъ этого дня) сказалъ мнѣ: 5

— Не плачь! Вонъ Левъ изъ племени Исповѣданія, корень Любви [3] (за созвѣздіемъ Льва слѣдуетъ со-

---

[1] βιβλίον — полоса папируса. На такихъ полосахъ всѣ писали въ древности, свертывая ихъ въ свитки. Книгъ тогда еще не было.

[2] ἄγγελος — гонецъ, вѣстникъ. Еще разъ повторяю, что по-гречески это—простое разговорное слово, которое въ древнихъ документахъ никакъ нельзя переводить: ангелъ.

[3] Еврейское слово דּוֹדִים или דּוֹד (Dowid или Dodim) значитъ любовь. Здѣсь игра на еврейскомъ смыслѣ этого названія.

звѣздіе Дѣвы, символъ любви). Онъ побѣдилъ (тучи) и можетъ открыть свитокъ и снять съ него семь печатей (небо стало проясняться со стороны созвѣздія Льва).

6 И вотъ я увидѣлъ (въ бѣломъ облачкѣ - барашкѣ),

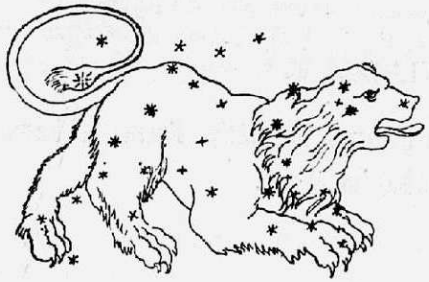


Рис. 22. Созвѣздіе Льва.

посреди Четырехъ Животныхъ и Трона и двадцати четырехъ старцевъ - часовъ, какъ бы заколотаго Овна, съ
7 семью рогами и семью
8 глазами (просвѣтами въ облакѣ), символизирующими семь вдохновеній божества,
9 посланныхъ на всю землю. Облачный барашекъ [4] выступилъ и принялъ свитокъ изъ рукъ сидящаго на Тронѣ (подошелъ къ созвѣздіямъ Зодіака), а животныя (четырехъ временъ года) и двадцать четыре старца-часа обходили [5] (небо) передъ созвѣздіемъ Овна [6] съ цитрами и золотыми сосудами, полными благовоній (клубящихся золотистыхъ облачковъ въ различныхъ частяхъ неба), представляющихъ молитвы непорочныхъ. И они пѣли Овну новую пѣсню:

[4] ἀρνίον — въ метеорологіи обозначаетъ небольшое бѣлое облачко, называемое въ народѣ и до сихъ поръ барашкомъ.

[5] ἔπεσον — прошедшее, несовершенное, испорченное изъ ἐπήεσαν, отъ ἔπειμι — объѣзжаю, обхожу, прихожу, предстою.

[6] ἀρνίον — въ астрономіи значитъ созвѣздіе Овна, а въ метеорологіи облачко - барашекъ. Сопоставленіе здѣсь облачка-барашка съ созвѣздіемъ Овна совершенно въ духѣ древней символистики, искавшей во всемъ таинственныхъ соотношеній по сходству именъ. Созвѣздіе Овна, какъ показываютъ астрономическія вычисленія, въ это время готовилось къ восходу, и авторъ сопоставилъ его съ вышедшимъ изъ этого же мѣста облачкомъ-барашкомъ.

ГИМНЪ ОВНУ.

Достоинъ ты свитокъ таинственный взять
И тайну печатей съ папируса снять.
За насъ оскорбленъ и замученъ ты былъ
И кровью своею ты насъ искупилъ.
За это хвалу тебѣ пѣть мы пришли
Отъ всѣхъ языковъ и народовъ земли.
Изъ насъ, угнетенныхъ, ты сдѣлалъ царей,
И смыслъ божества ты открылъ для людей; 10
Гдѣ прежде свободенъ былъ деспотъ одинъ,
Тамъ каждый теперь надъ собой властелинъ.
За это хвалу тебѣ пѣть мы пришли
Отъ всѣхъ языковъ и народовъ земли.

И мнѣ представлялись и слышались голоса множества вѣстниковъ вокругъ созвѣздія Трона и Четырехъ Животныхъ и двадцати четырехъ старцевъ, и 11
число ихъ было тысячи тысячъ и миріады миріадъ, го- 12
ворившихъ сильными голосами:

— Достоинъ заколотый Овенъ получить и силу, и богатство, и мудрость, и могущество, и уваженье, и славу, и благословенье!

И всякое существо, и на небѣ, и на землѣ, и на 13
морѣ, и подъ землею, и все, что есть въ глубинѣ ихъ, повторяло:

— Сидящему на Тронѣ и Овну хвала и слава и благословеніе въ вѣкахъ вѣковъ.

А животныя (четырехъ временъ года) говорили: 14

— Да будетъ такъ!

А двадцать четыре старца-часа обходили [6] (кругомъ небеснаго полюса) и преклонялись предъ живущимъ въ вѣкахъ вѣковъ.

[6] ἔπεσον прошедшее, несовершенное отъ ἔπειμι, испорченное изъ ἐπήεσαν.

ГЛАВА VI.

Положеніе планетъ среди созвѣздій Зодіака во время грозы 30 сентября 395 года.

1 И я видѣлъ, какъ Овенъ снялъ первую изъ семи печатей (т. е. освободилось отъ облаковъ со стороны Овна, повидимому, созвѣздіе Стрѣльца) и одно изъ четырехъ животныхъ проговорило мнѣ какъ бы голосомъ грома:

— Иди и гляди!

2 Я сообразилъ [1] (положеніе звѣздъ), и вотъ въ томъ самомъ мѣстѣ и находился (по астрономическому расчету) ярко-бѣлый конь [2] (Юпитеръ), а у сидящаго надъ нимъ (Стрѣльца) былъ лукъ и данъ ему Вѣнецъ, и вышелъ онъ, побѣдоносный, чтобы побѣдить (рис. 23).

3 Когда Овенъ снялъ вторую печать (т. е. освободилось отъ облаковъ созвѣздіе Персея), второе животное проговорило:

— Иди и гляди!

---

[1] εἶδον отъ εἴδω — вижу, замѣчаю, обдумываю, соображаю.

[2] λευκὸς — ярко-бѣлый, блестящій. Отсюда латинское lux — свѣтъ и lucidus — свѣтлый.

Относительно того, что дѣло здѣсь идетъ объ Юпитерѣ, не можетъ быть сомнѣнія, потому что другой ярко-бѣлый конь, Венера, не можетъ быть въ созвѣздіи Стрѣльца, когда солнце, какъ это указано въ гл. 12 ст. 1 Апокалипсиса, находится въ созвѣздіи Дѣвы. Юпитеръ характеризуетъ и эпитетъ побѣдоносный.

И ушелъ туда,[3] по другую сторону, огненно-красный 4 конь (Марсъ), и сидящему надъ нимъ (Персею) предоставлено снять миръ съ земли, чтобы люди убивали другъ друга, и данъ ему большой мечъ (рис. 24).

Когда Овенъ снялъ третью печать (съ созвѣздія Вѣсовъ), третье животное проговорило: 5

— Иди и гляди!

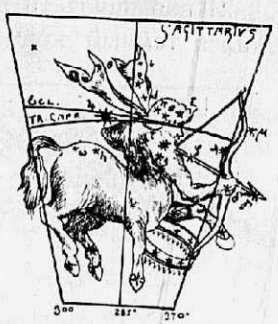


Рис. 23. Положеніе Юпитера (♃) 30 сентября 395 года въ созвѣздіи Стрѣльца (Фигуры созвѣздій предполагались на болѣе высокой сферѣ, чѣмъ сферѣ планетъ).

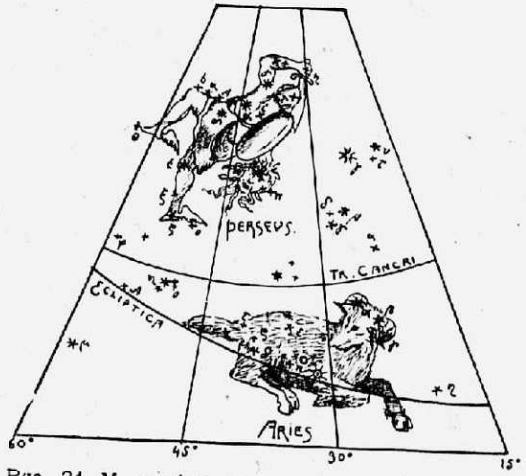


Рис. 24. Марсъ (♂) 30 сентября 395 года въ срединѣ Овна подъ мечемъ Персея.

---

[3] καὶ ἐξῆλθεν ἄλλος (искажено изъ ἄλλοσε) ἵππος πυρρός, т. е. „и ушелъ туда, по другую сторону, огненно-красный конь“. Здѣсь дѣло, очевидно, идетъ о планетѣ Марсъ,

Я взглянулъ, и вотъ въ томъ самомъ мѣстѣ и находился темный конь (планета-невидимка Меркурій) [4], и

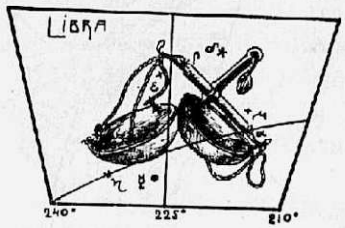


Рис. 25. Положеніе невидимаго Меркурія (☿) въ Вѣсахъ 30 сентября 395 года.

у сидящаго надъ нимъ (рис. 25) были въ рукѣ Вѣсы [5]. И я слышалъ шумъ (вѣтра?) посреди Четырехъ Животныхъ, говорящій (планетѣ торговли—Меркурію):

— Дневная порція хлѣба за динарій [6] и за динарій же три дневныхъ порціи ячменя! Но не вреди ни маслу, ни вину! [7]

Когда Овенъ снялъ четвертую печать, я услышалъ

такъ какъ только одна она огненно-краснаго цвѣта (πυῤῥός). Слово ἐξῆλθεν употреблено лишь по отношенію къ этому коню и показываетъ, что только Марсъ былъ во время наблюденія Іоанна подъ горизонтомъ. Точно также и ἄλλος употреблено лишь объ одномъ Марсѣ, откуда я и заключаю, что это недописанное ἄλλοσε.

[4] ἵππος μέλας — темный конь. Относительно того, что здѣсь дѣло идетъ о Меркуріи, проходившемъ по созвѣздію Вѣсовъ, не можетъ быть сомнѣнія. Это самая слабо-свѣтящаяся изъ всѣхъ древнихъ планетъ, въ полномъ смыслѣ—планета-невидимка. Многіе астрономы никогда ее не видали простымъ глазомъ, почему Іоаннъ и считалъ ее темной, подобно лунѣ, въ періоды ея невидимости. Притомъ же въ слѣдующихъ строкахъ, она опредѣлена ясно и по своимъ астрологическимъ свойствамъ: Меркурій былъ планета торговли.

[5] ζυγός — коромысло, созвѣздіе Вѣсовъ.

[6] Динарій — римская монета, около пятнадцати копѣекъ. Дневная же порція хлѣба называлась хиниксъ.

[7] Отголосокъ хлѣбнаго неурожая, такъ какъ указанная цѣна хлѣба и ячменя чрезвычайно велика для того времени. Маслины же и виноградники, очевидно, обѣщали въ этомъ году хорошій урожай.

звукъ (грома?) отъ четвертаго животнаго (со стороны созвѣздія Пегаса), проговорившій:

— Иди и гляди!

Я взглянулъ (на открывшееся отъ облаковъ новое мѣсто зодіакальной полосы), и вотъ тамъ находился мертвенно-блѣдный [8] конь (зловѣщая планета Сатурнъ), а поднимающемуся на него [9] имя смерть (Скорпіонъ, рис. 26), и подземное царство слѣдовало за нимъ (Стрѣлецъ, Козерогъ, Водолей и обитатели морскихъ безднъ, Рыбы), и дана имъ [10] власть надъ (прикрываемой ими юго-восточной) четвертью земли, чтобъ умерщвляли тамъ людей мечемъ и голодомъ, и моромъ, и звѣрями земными.

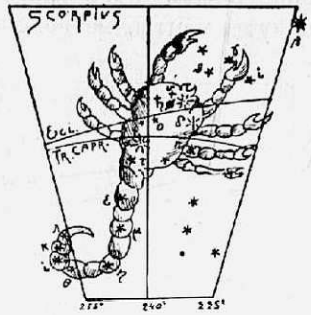


Рис. 26. Сатурнъ (♄) близъ челюстей Скорпіона, въ его головогруди, 30 сентября 395 года.

Когда Овенъ снялъ пятую печать, я увидѣлъ (въ кудрявыхъ облакахъ?) у подножья Жертвенника (рис. 27) души погубленныхъ за божью науку и за возвѣщеніе истины, и возопили онѣ громкимъ голосомъ (вѣроятно, жалобнымъ порывомъ вѣтра):

---

[8] χλωρός — мертвенно - блѣдный, зеленоватый. У всѣхъ древнихъ писателей планета Сатурнъ характеризуется этимъ цвѣтомъ.

[9] Здѣсь вмѣсто: καθήμενος ἐπ'αὐτοῦ, поставленному по отношенію ко всѣмъ остальнымъ созвѣздіямъ, написано: καθήμενος ἐπάνω αὐτοῦ, т. е. какъ бы „садящійся на него", потому что созвѣздіе Скорпіона, символъ Смерти въ астрологіи, какъ бы взлѣзало на Сатурна (рис. 26).

[10] αὐτοῖς — имъ, а не ему, какъ обыкновенно переводятъ.

— До какихъ поръ не будешь ты, святой и справедливый господинъ нашъ, судить и карать живущихъ на землѣ за нашу пролитую кровь?

11 И были даны каждой изъ нихъ бѣлыя (облачныя) одежды, и сказано, чтобъ успокоились еще на небольшое время, пока братья и сотрудники ихъ, которые будутъ убиты, не дополнятъ надлежащаго числа.

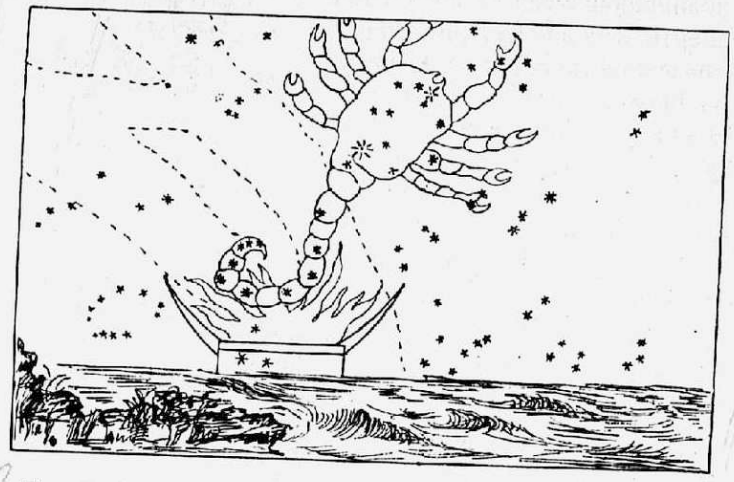


Рис. 25. Созвѣздіе Жертвенника на южномъ горизонтѣ Патмоса.

12 Когда Овенъ снялъ шестую печать, раздался первый ударъ землетрясенія [11], и солнце (закрывшееся грозовой тучей) стало мрачно, какъ черный волосяной

[11] σεισμὸς μέγας ἐγένετο. — Слово σεισμὸς, буквально переводимое, значитъ: сотрясеніе, потрясеніе. Оно употреблялось также для означенія внезапнаго порыва вѣтра. Отсюда слово σεισμάτιας — вихрь, штормъ, порывъ урагана.

По отношенію же къ землѣ σεισμὸς значитъ землетрясеніе (σεισμὸς τῆς γῆς). У Іоанна мы насчитаемъ далѣе еще три удара этого патмосскаго землетрясенія.

мѣшокъ [12], и вся луна какъ пятно крови (отъ предполагаемаго авторомъ затменія 30 сентября 395 года) [13], и 13
(казалось) посыпались на землю небесныя звѣзды, какъ будто смоковница, потрясаемая сильнымъ вѣтромъ, роняла свои еще не зрѣлые плоды.

И часть небеснаго свода отдѣлилась [14], свернувшись, 14
какъ свитокъ (въ видѣ грозовой тучи), и всякая гора и самъ островъ сдвинулись съ мѣстъ своихъ.

И цари земные, и вельможи, и полководцы, и богатые 15
и сильные, и свободные, и рабы укрылись въ пещерахъ и подъ скалами горъ и говорили горамъ и скаламъ: 16

— Обрушьтесь на насъ и скройте насъ отъ лица сидящаго на Тронѣ и отъ гнѣва Овна, потому что 17
пришелъ великій день его гнѣва [15], и кто можетъ устоять?

[12] σάκκος τρίχινος — волосяной мѣшокъ.

[13] Это затменіе, начавшееся по Патмосскому времени передъ закатомъ солнца, продолжалось вплоть до патмосской полуночи. Оно было кольцеобразное, т. е. луна была на солнцѣ въ видѣ пятна. Оно проходило черезъ Тихій океанъ, Южную Америку и южную часть Атлантическаго океана. Изъ только что приведенныхъ строкъ несомнѣнно, что авторъ вычислилъ это затменіе по употреблявшемуся тогда Саросскому циклу. Но онъ не имѣлъ возможности опредѣлить точно времени затменія и мѣста его прохожденія. А потому, когда грозовая туча закрыла въ этотъ вечеръ солнце, и наступила обычная при грозахъ полутьма, онъ и заключилъ, что наверху надъ тучами уже началось ожидаемое имъ затменіе, и описалъ его по образцу видѣннаго имъ ранѣе затменія 20 ноября 393 года, проходившаго черезъ Константинополь и Малую Азію.

[14] ἀπεχορίστε отъ ἀποχωρίζω—отдѣляю, отстаю.

[15] Мы уже видѣли, что надъ Персеемъ, т. е. въ Овнѣ, была въ это время планета гнѣва—Марсъ.

ГЛАВА VII.

Картина мертваго затишья передъ надвигающейся грозой, послѣ первыхъ рѣзкихъ и короткихъ порывовъ урагана.

Послѣ этого я увидѣлъ (въ новыхъ облакахъ на горизонтѣ?) четырехъ ангеловъ (древне-греческихъ эоловъ), стоящихъ на четырехъ углахъ земли и удерживающихъ четыре вѣтра, чтобы не дулъ вѣтеръ ни на землю, ни на море, ни на какое-либо дерево.

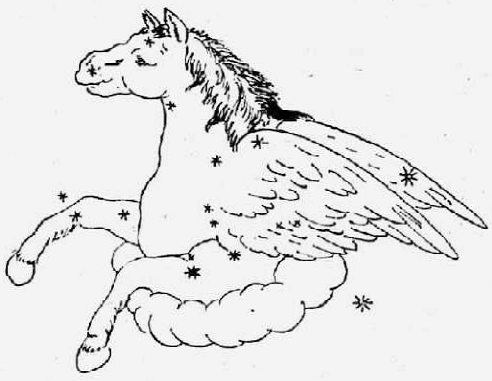


Рис. 28.

Созвѣздіе Пегаса по Флеместиду.

И я видѣлъ, какъ иного рода вѣстникъ (Созвѣздіе Пегаса, рис. 28) поднимался со стороны солнечнаго восхода [1]. Онъ имѣлъ на себѣ печать живого Бога, и воскликнулъ онъ сильнымъ звукомъ (подземнымъ гуломъ?) къ четыремъ ангеламъ, получившимъ власть наносить вредъ и землѣ и морю:

[1] Пегасъ восходилъ на Патмосскомъ горизонтѣ въ этотъ день послѣ полудня.

— Не вредите ни землѣ, ни морю, ни деревьямъ, пока мы не наложимъ (облачныхъ) печатей на лица слугъ нашего Бога (звѣздъ).

И я слышалъ число запечатлѣнныхъ (небесныхъ свѣтилъ). Ихъ было 144 тысячи изъ всѣхъ (двѣнадцати) домовъ дѣтей Богоборца [2].

Изъ дома Вѣроисповѣданія (созвѣздія Стрѣльца)	12000
Изъ дома Провидѣнья (созвѣздія Овна)	12000
Изъ дома Удачи (созвѣздія Тельца)	12000
Изъ дома Благополучія (созвѣздія Водолея)	12000
Изъ дома Борьбы (созвѣздія Рыбъ)	12000
Изъ дома Правосудія (созвѣздія Вѣсовъ)	12000
Изъ дома Послушанья (созвѣздія Дѣвы)	12000
Изъ дома Объединенья (созвѣздія Близнецовъ)	12000
Изъ дома Вознагражденья (созвѣздія Козерога)	12000
Изъ дома Прочности (созвѣздія Рака)	12000
Изъ дома Приращенья (созвѣздія Льва)	12000
Изъ дома Смерти [3] (созвѣздія Скорпіона)	12000

[2] Израель по еврейски значитъ богоборецъ. Я считаю необходимымъ переводить здѣсь значеніе всѣхъ собственныхъ именъ, такъ какъ авторъ постоянно употребляетъ ихъ, какъ эпитетъ-орнансъ, т. е. для характеристики качествъ обозначаемаго ими лица или предмета.

Далѣе, въ гл. 14 ст. 1, будетъ ясно указано самимъ Іоанномъ, что онъ считаетъ число звѣздъ равнымъ 144 тысячамъ, т. е. ровно по 100 звѣздъ на каждую минуту прямого восхожденія видимаго неба. По ученію Оригена, это были души умершихъ праведниковъ, облеченныя въ свѣтлыя тѣла.

[3] Еще съ очень древнихъ временъ, при составленіи астрологическихъ гороскоповъ, были введены, независимо отъ созвѣздій зодіака, еще двѣнадцать клиновидныхъ полосъ, раздѣляющихъ небо на двѣнадцать равныхъ частей, въ каждой по два часа прямого восхожденія. Эти полосы назывались домами. Названія этихъ „астрологическихъ домовъ“ произошли отъ названій соотвѣтствующихъ имъ въ древности созвѣздій зодіака, но астрологическое толкованіе ихъ не всегда совпадало со смысломъ названій первоначальныхъ созвѣздій. Въ колонкѣ второй приложенной таблицы я привожу эти астрологическіе дома

9 Я мысленно взглянулъ послѣ этого (на небо), и вотъ тамъ многочисленныя (звѣздныя) скопленья [4], которыхъ никто не могъ сосчитать, изъ всѣхъ народовъ и поколѣній, племенъ и языковъ, стоятъ передъ созвѣздіемъ Трона и передъ Овномъ въ свѣтлыхъ одеждахъ и съ

паралельно съ соотвѣтствующими названіями знаковъ зодіака (въ колонкѣ первой) и смысломъ еврейскихъ именъ дѣтей Израиля-Богоборца (въ колонкѣ третьей).

I.	II.	III.
Овенъ .	домъ Предусмотрительности.	домъ Предвидѣнія (Рувимъ).
Телецъ	домъ Удачи и богатства . .	домъ Удачи (Гадъ).
Близнецы	домъ Братства (объединен.).	домъ Объединенія (Левій).
Ракъ . .	домъ Родственныхъ связей	домъ Прочности (Завулонъ).
Левъ . .	домъ Новорожденныхъ . .	домъ Приращенія (Іосифъ).
Дѣва . .	домъ Услужливости	домъ Послушанія (Симеонъ).
Вѣсы . .	домъ Суда и брака	домъ Суда (Данъ Манассія).
Скорпіонъ	домъ Смерти	домъ Сына смерти (Веніам.).
Стрѣлецъ	домъ Вѣроисповѣданія . . .	домъ Вѣроисповѣданія (Іуда).
Козерогъ.	домъ Вознагражденія . . .	домъ Вознагражден. (Иссах.).
Водолей .	домъ Дружбы	домъ Благополучія (Ассиръ).
Рыбы . .	домъ Вражды (борьбы) . .	домъ Борьбы (Невфалимъ).

Сравнивая буквальный смыслъ еврейскихъ названій для двѣнадцати домовъ или племенъ Израиля-Богоборца, помѣщенныхъ въ третьей колонкѣ, со смысломъ двѣнадцати астрологическихъ домовъ второй колонки, а иногда и со смысломъ самихъ созвѣздій зодіака въ первой колонкѣ, мы не можемъ не замѣтить, что составители легенды о дѣтяхъ Израиля-Богоборца какъ будто давали каждому имя прямо по тому изъ астрологическихъ домовъ, подъ которымъ онъ предполагался родившимся. Какъ уроженецъ Антіохіи Сирійской, Іоаннъ Хризостомъ зналъ еврейскій языкъ и эти астрологическія соотвѣтствія. Поэтому онъ придалъ здѣсь Израилю-Богоборцу смыслъ звѣзднаго неба, а его двѣнадцати колѣнамъ смыслъ двѣнадцати астрологическихъ домовъ. Порядокъ же ихъ перечисленія, повидимому, обусловленъ здѣсь порядкомъ движенія по нимъ тучъ.

[4] ὄχλος—толпа, скопище, какъ по отношенію къ людямъ, такъ и по отношенію къ волнамъ, звѣздамъ и чему угодно.

пальмовыми вѣтками (изъ перистыхъ облаковъ) въ рукахъ. И восклицали они громкими голосами (вѣтра): 10

— Да здравствуетъ нашъ Богъ, сидящій на Тронѣ, и Овенъ!

И всѣ гонцы (надвинувшейся грозы) остановились 11 вокругъ Трона и старцевъ-часовъ и Четырехъ Животныхъ и, упавъ предъ нимъ на свои лица, преклонились передъ Богомъ (грозовая туча завернулась переднимъ концемъ внизъ), говоря этимъ: 12

— Да будетъ такъ! хвала и слава, мудрость и могущество, благодарность, почетъ и сила нашему Богу, въ вѣкахъ вѣковъ. Да будетъ такъ!

И, обратившись ко мнѣ, одинъ изъ старцевъ (часовъ 13 того дня) спросилъ меня:

— Кто эти существа, одѣтыя въ свѣтлыя (звѣздныя) одежды? Откуда они пришли?

— Тебѣ лучше знать, мой властелинъ,—отвѣтилъ я. 14

— Это тѣ, сказалъ онъ мнѣ, которые пришли (на небо) послѣ великихъ страданій. Они омыли свои одежды въ крови Овна и этимъ сдѣлали ихъ свѣтлыми.

За то они находятся передъ Тономъ Бога и воз- 15 даютъ хвалу Богу день и ночь въ его жилищѣ, и сидящій на Тронѣ прикроетъ [5] ихъ (лазурнымъ) шатромъ своимъ. Они не будутъ болѣе ни голодать, ни жаждать. 16 Ни солнце, ни зной уже не будутъ палить ихъ. Ихъ будетъ пасти Овенъ, находящійся среди небеснаго престола. Онъ 17 будетъ водить ихъ на живительные источники водъ (къ ежедневному закату-омовенью въ Рѣкѣ-Океанъ), и отретъ Богъ всякую слезу съ ихъ глазъ.

---

[5] σκηνώσει—отъ σκηνόω—строю шатеръ, осѣняю шатромъ. Дѣло здѣсь идетъ о голубомъ шатрѣ неба, осѣняющемъ звѣзды.

ГЛАВА VIII.

Первые ливни грозы съ громомъ и молніями.

1 Когда Овенъ снялъ седьмую (облачную) печать, продолжалось безмолвіе на небѣ какъ бы съ полчаса.

2 И я увидѣлъ семь (новыхъ) гонцовъ (бури), стоявшихъ передъ Богомъ съ семью трубами въ рукахъ (рис. 29).

Рис. 29. Трубные гонцы бури.

3 И пришелъ другой посланникъ (созвѣздіе Зміеносца?) и всталъ надъ Созвѣздіемъ Жертвенника [1] (на южной части горизонта) съ золотой кадильницей (грозовой тучей). И было ему дано много благовонныхъ куреній (изъ бѣлыхъ клубистыхъ облаковъ), чтобы онъ возложилъ ихъ на золотой Жертвенникъ передъ Тро-номъ.

4 И поднимался дымъ благовоній — молитвъ святыхъ 5 отъ лица посланника передъ Богомъ. Затѣмъ посланникъ взялъ свою кадильницу (тучу), наполнилъ ее огнемъ съ созвѣздія Жертвенника и бросилъ (огонь) на землю. И произошли молніи и громы, и звуки, и (второй) ударъ землетрясенія.

6 И семь гонцовъ съ трубами приготовились трубить.

7 Первый гонецъ протрубилъ, и произошли градъ и огонь, смѣшанные съ кровью (блеснула алая, какъ кровь, молнія). Они упали на землю, и третья часть деревьевъ и вся зеленая трава были опалены (озарились кровавымъ блескомъ этой молніи) [2].

8 Второй гонецъ протрубилъ, и какъ бы большая гора огня (въ видѣ отблеска молніи, ударившей за завѣсой дождя) упала на море. И третья часть моря стала какъ

9 кровь (отъ блеска этой молніи), и третья часть всѣхъ одушевленныхъ тварей, живущихъ въ морѣ, и третья часть плывущихъ судовъ (казалось) были повреждены.

10 Третій гонецъ протрубилъ, и упало съ неба большое (молніевидное) свѣтило, горящее какъ факелъ, на третью часть рѣкъ и водныхъ источниковъ суши.

11 Полынь имя ему, потому что третья часть прѣсныхъ водъ (острова

---

[1] θυσιαστήριον — въ астрономіи и астрологіи значитъ: Созвѣздіе Жертвенника. Отъ него поднимается вверхъ яркая полоса Млечнаго Пути, какъ бы дымъ отъ жертвоприношеній.

[2] Молніи въ грозахъ бываютъ розоватыя (часто алаго, почти кроваваго цвѣта) и голубоватыя. Первыя чаще всего мнѣ приходилось наблюдать въ вечернихъ грозахъ, вторыя въ ночныхъ.

Патмоса) сдѣлалась (къ этому времени) горька, какъ полынь (отъ нагнанной бурею морской воды) [4], *въ знакъ того, что* многіе изъ людей умерли отъ водъ, которыя стали горьки.

12 Четвертый гонецъ протрубилъ, и поразилъ онъ (воображаемымъ за тучами солнечнымъ затменіемъ) третью часть солнца и третью часть луны, и скрылась во мракѣ третья часть звѣздъ, и потерялъ день третью часть своего свѣта и сталъ подобенъ ночи [5].

13 И видѣлъ и слышалъ я тогда одного орла [6], летѣвшаго посреди неба и говорившаго могучимъ крикомъ:

— Уай, уай, уай! т. е. горе, горе, горе живущимъ на землѣ отъ трубныхъ звуковъ трехъ гонцовъ, которые должны трубить послѣ этого!

---

[4] Всякій сильный вѣтеръ вгоняетъ въ устья прибрежныхъ рѣкъ горько-соленую морскую воду, оттѣсняя прѣсную нерѣдко на значительныя разстоянія отъ береговъ.

[5] Повидимому, многія мѣста этой главы попорчены переписчиками по отношенію къ слогу. Здѣсь въ дошедшихъ до насъ копіяхъ стоитъ: καὶ ἡ νὺξ ὁμοίως — и ночь подобно. Я перевелъ здѣсь, какъ и выраженіе въ предыдущемъ стихѣ, по логическому смыслу мѣста. Не трудно видѣть, что авторъ намекаетъ здѣсь на предполагаемое имъ въ это время за тучами солнечное затменіе, при чемъ солнце и луна взаимно поражаютъ третью часть другъ друга, а звѣздное небо было въ это время на одну треть закрыто грозовой тучей.

[6] Въ древнихъ спискахъ здѣсь стоитъ ἀετοῦ (орла). Точно также и крикъ уай! принадлежитъ явно птицѣ и значитъ по гречески: горе!

ГЛАВА IX.

Картина взволнованнаго грозою моря.

Пятый гонецъ протрубилъ, и я увидѣлъ новый 1
свѣточъ грозы, повергшійся съ неба на землю. Онъ
владѣлъ ключемъ отъ источника морской бездны, и полу- 2
чила свободу морская бездна и задымилась (отъ брыз-
говъ и всплесковъ) какъ дымомъ отъ огромной печи.
И дневной свѣтъ [1], и воздухъ помрачились отъ этого
дыма, и выходила изъ него на берегъ безчисленная 3
саранча (морскихъ валовъ) [2]. И дано было ей
могущество на морѣ, какимъ обладаютъ скорпіоны на
сушѣ (волны неслись отъ созвѣздія Скорпіона).

И было приказано (валамъ) не дѣлать вреда ни тра- 4
вамъ, ни деревьямъ, ни какой-либо зелени на берегу (такъ
какъ они растутъ далеко отъ морского прибоя), а только
тѣмъ, которые (подобно прибрежнымъ валунамъ?) не
имѣютъ на своемъ челѣ печати божества. И дана имъ 5
власть не умерщвлять, а только истязать ихъ въ продол-
женіе пяти (предстоящихъ, бурныхъ) мѣсяцевъ (Октя-

---

[1] ἥλιος по-гречески значитъ не только солнце, но метафорически употребляется и въ смыслѣ дневного свѣта, а также и благополучія вообще.

[2] По-гречески стоитъ прямо ἀκρίδες — саранча, какъ метафорическое выраженіе безчисленности несущихся на берегъ морскихъ волнъ. По-русски нельзя перевести иначе, чѣмъ сдѣлалъ я, потому что саранча у насъ не имѣетъ множественнаго числа.

бря, Ноября, Декабря, Января и Февраля) [3]. А истязаніе ихъ похоже на истязаніе Скорпіона, когда онъ жалитъ человѣка (ударомъ своего хвоста). Въ тѣ дни люди (на морѣ?) будутъ призывать смерть и не найдутъ ее. Захотятъ умереть, но смерть убѣжитъ отъ нихъ.

7 По виду своему эта саранча морскихъ валовъ подобна конямъ, снаряженнымъ на войну. Ихъ головы увѣнчаны (гребнями), какъ будто золотыми

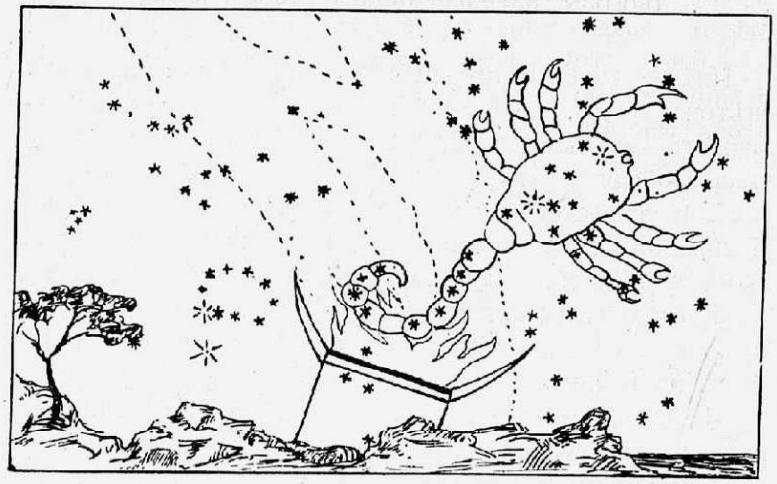


Рис. 30. Созвѣздіе Скорпіона и Жертвенника вечеромъ 30 Сентября 395 года.

вѣнцами, а лбы ихъ—какъ лбы людей. Ихъ гривы (пѣны)
8 развѣвалися, какъ волосы у женщинъ, а зубы ихъ (мо-
9 гучіе), какъ у львовъ. На нихъ были какъ бы стальныя брони (отъ металлическаго отблеска волнъ подъ грозовыми тучами), и шумъ ихъ крыльевъ былъ, какъ

[3] По астрономическимъ вычисленіямъ гроза эта пронеслась надъ Патмосомъ 30 Сентября 395 года, а пять мѣсяцевъ, слѣдующихъ за Сентябремъ, являются самыми бурными въ Средиземномъ морѣ.

громъ отъ колесницъ, когда множество коней скачутъ на войну. Хвосты ихъ (всплески волнъ) были, 10
какъ хвосты у скорпіоновъ, съ остріями (на своихъ вершинахъ). Во всѣ пять (зимнихъ) мѣсяцевъ дана была имъ власть наносить вредъ людямъ. 11

И царствовалъ надъ ними (т. е. направлялъ съ горизонта на берегъ) духъ морской бездны (созвѣздіе Скорпіона), имя которому по-еврейски Губитель [4], а по-гречески Истребитель.

Прошло это горе, и вотъ идутъ еще два новыя бѣд- 12
ствія!

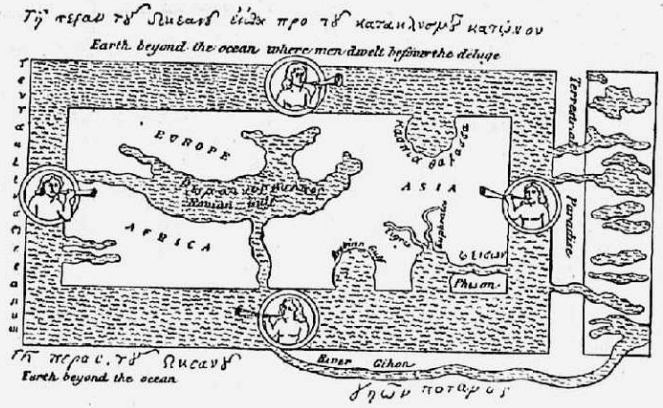


Рис. 31. Земля по Кузьмѣ Индикоплову 6-го вѣка, съ окружающей его рѣкой-океаномъ и четырьмя эолами, властелинами вѣтровъ.

Шестой гонецъ грозы протрубилъ, и я услышалъ 13
голосъ, исходящій изъ четырехъ роговъ золотого Жертвенника (рис. 30), стоящаго передъ Богомъ. И онъ 14
сказалъ шестому трубному гонцу:

— Освободи четырехъ посланниковъ (всѣхъ четы-

[4] אבדון (awaddōn)—гибель, уничтоженіе.

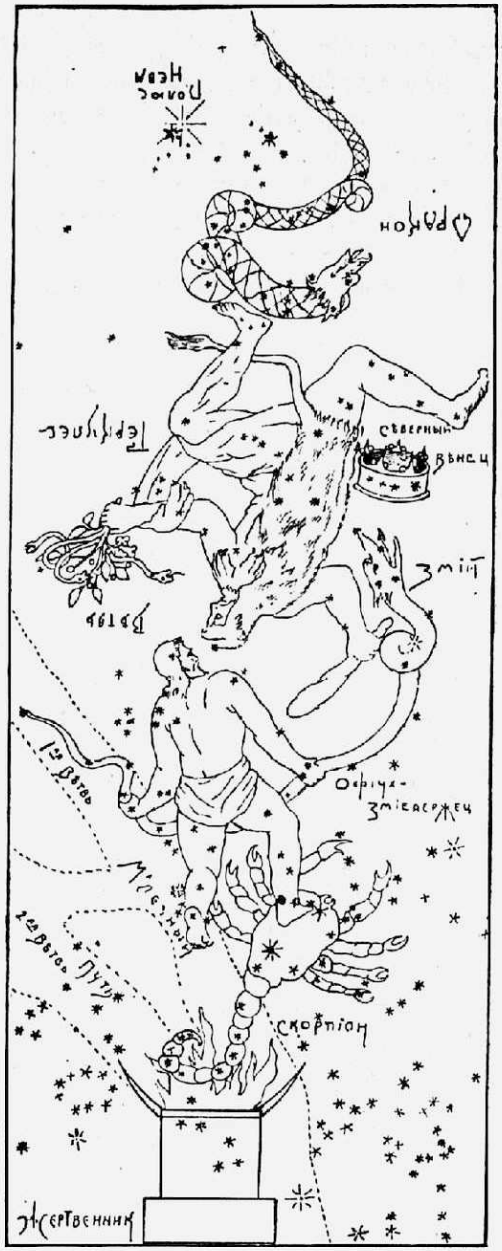


Рис. 32. Полоса созвѣздій между жертвенникомъ и сѣвернымъ полюсомъ неба.

рехъ вѣтровъ бури, (рис. 32) [5], удерживаемыхъ на востокѣ надъ великой рѣкой Ефратомъ.

И освободились четыре посланника, снаряженные на тотъ часъ, день, мѣсяцъ и годъ для того, чтобъ истребить третью часть людей.

Число коннаго войска (валовъ) было двѣсти милліоновъ. Я слышалъ это число и видѣлъ созерцательно (въ волнахъ, засверкавшихъ вдругъ отъ лучей проглянувшаго между тучъ солнца) всадниковъ и коней, имѣющихъ на себѣ (свѣтовыя) брони огненныя, лиловыя и желтыя, какъ сѣра [6]. Головы коней походили на головы львовъ, а изъ пастей ихъ выходили огонь (отраженныхъ солнечныхъ лучей), дымъ (брызговъ) и сѣра (желтой мути), и отъ нихъ (казалось мнѣ) погибла третья часть людей, потому что сила этихъ коней заключалась въ ихъ пастяхъ и хвостахъ. Хвосты же ихъ извивались подобно змѣямъ, а головами своими они наносили удары.

Оставшіеся же (символизируемые въ качающихся отъ вѣтра травахъ?) люди, не умершіе отъ этихъ бѣдствій, не раскаялись въ дѣлахъ рукъ своихъ и не перестали преклоняться передъ духами умершихъ [7], передъ золотыми, мѣдными, серебряными, каменными и деревянными изображеніями, не могущими ни видѣть, ни слышать, ни ходить. И не раскаялись ни въ своихъ убійствахъ, ни въ своихъ шарлатанствахъ, ни въ безнравственности, ни въ обманахъ своихъ.

---

[5] Вѣтеръ рѣзко перемѣнился на юго-восточный. О томъ, что эти посланники—восточные властелины, сказано прямо въ главѣ 16, ст. 12 Апокалипсиса. Дѣло въ томъ, что въ концѣ IV вѣка Византійская Имперія подвергалась постояннымъ нападеніямъ при-евфратскихъ народовъ: армянъ, персовъ, арабовъ, сарацинъ.

[6] θειώδης — сѣрнаго цвѣта.

[7] δαιμόνια — духи умершихъ, геніи-хранители. Въ „демоновъ“ они превратились только въ средніе вѣка.

ГЛАВА X.

Первая мимолетная радуга. Буря бросаетъ Іоанну кусокъ горькой коры.

1 И я видѣлъ другого могущественнаго гонца (не принадлежащаго къ числу семи), спускающагося съ неба

Рис. 33. Облачный вѣстникъ съ радугой надъ головой.

въ облачной одеждѣ [1]. Надъ головой его была радуга, и солнце (появившееся на мигъ среди тучъ) было напротивъ его [2], а ноги его какъ огненныя колоны. Онъ 2
обладалъ [3] кускомъ развернутой коры (несшимся по волнамъ?) [4]. И поставилъ онъ свою правую ногу на море, а лѣвую на землю (рис. 33) и крикнулъ громо- 3
вымъ звукомъ, какъ рычитъ левъ, и семь раскатовъ грома проговорили голосами своими.

Я хотѣлъ было записать значеніе ихъ словъ, но 4
услышалъ голосъ съ неба (дополнительный ударъ молніи?), сказавшій мнѣ:

— Скрой, что говорили семь раскатовъ грома (предназначеннаго земнымъ царямъ) [5]. Не пиши этого!

А гонецъ, котораго я видѣлъ, стоящимъ на морѣ и 5
на землѣ, поднялъ свою руку къ небу и клялся Вѣчно- 6
живущимъ, сооружившимъ и небо, и землю, и море, и

---

[1] Здѣсь авторъ прямо обнаруживаетъ природу своихъ гонцовъ, указавъ ихъ облачныя одежды.

Читатель уже замѣтилъ, что Іоаннъ придаетъ числу семь мистическое значеніе, отсчитывая семь звѣздъ въ созвѣздіи, семь роговъ въ облакѣ, семь гонцовъ въ бурѣ. Благодаря этой предвзятой идеѣ, онъ часто дѣлаетъ натяжки и исключаетъ всякій излишекъ. Такъ и въ данномъ случаѣ онъ исключилъ этого гонца изъ числа названныхъ имъ семи, объявивъ его инымъ гонцомъ, не принадлежащимъ къ семи.

[2] Въ современныхъ копіяхъ здѣсь стоитъ καὶ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ, очевидно, передѣланное переписчиками изъ κατα πρόσωπον αὐτοῦ, такъ какъ солнце обязательно бываетъ противъ радуги.

[3] εἶχεν ἐν τῇ χειρὶ — имѣлъ въ рукѣ, имѣлъ въ своей власти, направлялъ.

[4] Здѣсь слово: βιβλαρίδιον — кусочекъ коры для письма, уменьшительное отъ βιβλίον — листъ коры папируса и вообще кусокъ всякой коры, употреблявшейся въ старое время, по причинѣ неумѣнія дѣлать бумагу для переписки.

[5] Это видно изъ главы XI ст. 15, гл. 19 ст. 18, и изъ ст. 7 этой самой главы, когда сопоставимъ ихъ между собою.

все, что есть на нихъ и въ нихъ, что ничего временного уже не будетъ болѣе, но что въ тѣ дни, когда
7 раздастся голосъ седьмого гонца, собирающагося трубить, исполнится божественная тайна, о которой сообщалъ онъ своимъ слугамъ, провозвѣстникамъ истины (т. е. Іисусъ сойдетъ съ неба и, поразивъ своимъ мечемъ всѣхъ земныхъ царей, самъ будетъ царствовать вмѣсто нихъ на землѣ, гл. 11 ст. 15 и гл. 19 ст. 18).

8 И голосъ (бури), который я слышалъ въ небѣ, опять заговорилъ со мною и сказалъ мнѣ:

— Подойди (къ берегу) и возьми тамъ кусокъ коры, развернутой [5] рукою посланника, стоящаго на морѣ и на землѣ.

9 И я выступилъ передъ гонцомъ, говоря ему:

— Дай мнѣ эту кору!

И онъ отвѣтилъ мнѣ:

— Возьми и съѣшь ее. Будетъ горько въ твоемъ желудкѣ, но во рту твоемъ она будетъ сладка, какъ медъ [6].

10 И я взялъ кору изъ руки гонца и съѣлъ ее. Она была сладка какъ медъ во рту моемъ, но когда я проглотилъ ее—горько стало въ моемъ желудкѣ.

— Тебѣ снова придется, сказала она мнѣ, (своей го-
11 речью) возстать въ своихъ пророчествахъ на племена, народы и нарѣчія и на множество царей.

[5] ἀνοίγνυμι — значитъ въ переносномъ смыслѣ: достигаю открытаго моря. Обыкновенно же: развертываюсь, открываю.

[6] Вѣроятно, кора была изъ сладкихъ, но завѣдомо тошнотворныхъ. Все это наивное мѣсто вполнѣ понятно со старинной, мистической и одухотворявшей всю природу точки зрѣнія. Буря бросила ему кусокъ отслоившейся коры, а онъ, экзальтированный уже посланнымъ для него знаменьемъ съ неба, считалъ, что въ этой бурѣ не можетъ быть ничего, не имѣющаго мистическаго значенія. Привыкшій писать свои письма на кусочкахъ коры, какъ тогда всѣ дѣлали, онъ естественно подошелъ и взялъ ее, предполагая, что на ней написано что-нибудь для него. Но не найдя ничего, заключилъ, что это письмо мистическое, которое нужно съѣсть, чтобъ почувствовать его содержаніе.

ГЛАВА XI.

Море выбрасываетъ Іоанну тростниковый стебель. Картина борьбы двухъ чаекъ съ ураганомъ. Появленіе новой радуги.

И переданъ мнѣ (моремъ) тростникъ, [1] подобный по- 1
соху, а гонецъ въ облачной одеждѣ уже вступилъ [2]
(въ море), говоря мнѣ:

— Подбери его и измѣрь имъ потомъ (повидимому, на размѣрахъ Патмосскаго пшеничнаго [3] поля) жилище Бога (небо) и *созвѣздіе* Жертвенника и исчисли преклоняющихся въ божьемъ жилищѣ (звѣздъ). А про- 2
ходное [4] мѣсто внутри жилища Бога (землю) исключи и не измѣряй, потому что оно отдано во власть толпищамъ. Они еще будутъ попирать Святую Твердыню (вселенную) въ продолженіе сорока двухъ мѣсяцевъ (1260

[1] κάλαμος — тростникъ.

[2] εἰστήκει — давнопрошедшее отъ ἵστημι — стою, вступаю.

[3] Этотъ случай особенно характеренъ въ мистическомъ отношеніи. Изъ гл. 21 ст. 15 и др. будетъ видно, что на разсвѣтѣ слѣдующаго дня Іоаннъ дѣйствительно сдѣлалъ этимъ стеблемъ измѣреніе чего-то,—повидимому, хлѣбнаго поля,—на островѣ, считая, что его величина символизируетъ величину міра, а тростникъ своей длиной символически представляетъ стадію, а толщиною—локоть, и что колышущаяся отъ вѣтра въ полѣ пшеница представляетъ молящихся вѣрныхъ, по извѣстной притчѣ о пшеницѣ и плевелахъ.

[4] αὐλή — проходное мѣсто.

дней, до воскресенья 13 марта 399 года, когда, по вычисленію автора, долженъ былъ придти на землю воскресшій изъ мертвыхъ Іисусъ). Но я дамъ власть двумъ
3 провозвѣстникамъ моимъ пророчествовать въ эти 1260 дней [5] въ ихъ бѣлыхъ саккосахъ (накидкахъ-безрукавкахъ, придававшихъ старинным византійскимъ архіереямъ нѣкоторое сходство съ бѣлогрудыми и чернокрылыми чайками) [6].

4 Вонъ онѣ, эти двѣ мои оливочки, два свѣточа (вѣроятно, двѣ береговыя чайки), избравшіе свое жилище передъ
5 властителемъ земли. Если кто захочетъ ихъ обидѣть (т. е. пророковъ, представляемыхъ этими чайками), огонь изойдетъ изъ ихъ устъ (блеснула молнія?) и пожретъ враговъ ихъ, такъ что обидчику ихъ надлежитъ быть убиту.

6 Вонъ они [7] имѣютъ власть затворять небо (ливень пронесся далѣе), чтобы не шелъ дождь во время ихъ провозвѣстничества, могутъ дѣлать воды кровавыми (новымъ отблескомъ алой молніи?) и могутъ поражать землю всякой язвой, какъ только захотятъ.

---

[5] Этому сроку въ 1260 дней авторъ придаетъ такое большое значеніе, что изображаетъ его нѣсколькими различными способами, очевидно, во избѣжаніе порчи его переписчиками. Здѣсь онъ представилъ его въ двухъ видахъ: въ видѣ 42 мѣсяцевъ и прямо въ видѣ 1260 дней. Далѣе мы увидимъ, какъ онъ будетъ изображать его въ видѣ суммы года, двухъ лѣтъ и полугодія, что составляетъ тѣ же самые 1260 дней. Все это указываетъ на предпослѣднее воскресенье передъ весеннимъ равноденствіемъ 399 года, приходившимся тоже въ воскресную ночь, такъ какъ сутки въ то время начинались съ утра, а не съ полуночи, какъ теперь.

[6] σάκκος — саккосъ — накидка изъ бѣлой козьей шерсти, безъ рукавовъ, набрасывавшаяся поверхъ обыкновенной одежды, рукава которой высовывались изъ подъ саккоса, какъ черныя крылья чаекъ.

[7] οὗτοι — вонъ они, отъ οὗτος — вотъ этотъ.

Когда же они исполнятъ свое провозвѣстничество, 7
звѣрь, выходящій теперь изъ морской бездны (въ символѣ новой грозовой тучи), сразится съ ними, и побѣдитъ, и убьетъ ихъ. И вонъ они лежатъ какъ мертвыя 8
на дорогахъ Великой Твердыни (вѣроятно, птички спустились отъ дождя на большой утесъ), которая духовно обозначаетъ собою тотъ Содомъ и Египетъ (Іерусалимъ?) [8], гдѣ и Христосъ былъ распятъ. И будутъ смотрѣть на 9
ихъ трупы множество народныхъ скопищъ и толпъ, племенъ и языковъ (символизируемыхъ волнами бушующаго Средиземнаго моря, какъ говоритъ далѣе самъ авторъ въ гл. 17 ст. 15) въ продолженіе трехъ съ половиною [9]
оборотовъ солнца, и не позволятъ положить ихъ въ гробницы (гнѣзда на обрывѣ утеса?) А живущіе на сушѣ 10
(символизируемые растущими на утесѣ травами?) будутъ радоваться и веселиться этому (травы кланялись другъ другу, качаемыя вѣтромъ?) и будутъ посылать дары другъ другу, потому что два эти провозвѣстника терзали живущихъ на сушѣ (помяли травы своимъ паденіемъ?) [10].

---

[8] Такое отношеніе автора къ Іерусалиму конца IV вѣка объясняется тѣмъ, что въ это время въ немъ, вѣроятно, практиковалось уже низведеніе огней съ неба на гробъ Іисуса, которое существуетъ до настоящаго времени въ праздники Пасхи. Эта догадка подтверждается выраженіемъ въ гл. 13, ст. 13, гдѣ говорится: „даже огонь низводитъ (лжепророкъ) съ неба на землю“.

Выраженіе современныхъ каноническихъ копій πόλεως τῆς μεγάλης я перевелъ: Великой Твердыни, такъ какъ πόλις обозначаетъ одновременно и городъ, и крѣпость, и государство, что можно соединить вмѣстѣ только въ словѣ Твердыня.

[9] Греческое ἡμέρα — день, фигурально употребляется въ смыслѣ всякаго опредѣленнаго цикла времени. Здѣсь дѣло идетъ, очевидно, о тѣхъ же самыхъ $3\frac{1}{2}$ годахъ или 1260 дняхъ, оставшихся до 13 марта 399 года.

[10] Пусть читатель не подумаетъ, что эта символистика бездоказательна. Далѣе, въ концѣ главы 17 авторъ самъ указываетъ, что волны моря у него символизировали толпы и

11 Но вотъ послѣ трехъ сроковъ съ половиною вошелъ въ нихъ духъ жизни Божьей (чайки очнулись?). Онѣ встали на свои ноги, и великій страхъ напалъ на смотрѣвшихъ на нихъ (травы приникли къ землѣ
12 отъ сильнаго порыва вѣтра?). И услышали они громовой звукъ съ неба, говорящій имъ:

— Подымитесь сюда!

И поднялись они въ облака, въ небо, и смотрѣли на нихъ враги ихъ (волны и тучи).

13 И въ тотъ же мигъ раздался сильный (третій) ударъ землетрясенія, и десятая часть твердыни (утеса) обрушилась, и погибло при этомъ крушеніи семь тысячъ (травъ) подобій [11] человѣческихъ, а на остальныхъ напалъ страхъ (всѣ приникли къ землѣ отъ новаго порыва урагана) и воздали хвалу Богу неба [12].

---

15 И вотъ затрубилъ седьмой гонецъ бури (и вмѣстѣ съ нимъ солнце снова выглянуло изъ тучъ), и раздались въ небесахъ могучіе звуки, говорящіе:

— Отнынѣ Царство Міра стало царствомъ самого нашего Властелина и его Посвященнаго, и будетъ онъ царствовать въ вѣкахъ вѣковъ!

16 А двадцать четыре старца-часа, сидящіе на тронахъ
вѣчности передъ Богомъ, падали на свои лица и пре-
17 клонялись передъ Богомъ, говоря Ему:

— Благодаримъ тебя, Властелинъ нашъ, Богъ все-

народныя массы и т. д. Вся эта книга типическій образчикъ древнихъ гаданій по звѣздамъ, полету птицъ, колебанью травъ, движенію облаковъ и т. д. Все въ природѣ автору казалось символическимъ.

[11] ὄνομα — названіе, символъ предмета.

[12] Здѣсь вставлена кѣмъ-то совершенно излишняя фраза „второе (??) горе прошло, вотъ идетъ третье (?!) горе", между тѣмъ какъ далѣе описывается вовсе не горе, а радость.

могущій, который былъ, есть и будетъ: ты принялъ свою великую власть, и самъ воцарился на землѣ. Воз- 18
мущены народы (несправедливостями?), и пришелъ часъ твоего гнѣва, и время судить мертвыхъ, и вознаградить твоихъ слугъ, провозвѣстниковъ и непорочныхъ, и всѣхъ почитающихъ твое имя, большихъ и малыхъ, и погубить губящихъ землю.

И раскрылся (между тучъ) голубой шатеръ Божій 19
на небѣ, и появилась (радуга) хранительница [13] обѣщанья Бога (Ною, что не будетъ болѣе потопа отъ дождей), и произошли молніи и громы, и шумъ, и большой градъ.

---

[13] κιβωτὸς τῆς διαθήκης — хранительница завѣщанія. Такъ авторъ называетъ радугу, руководясь легендой, приводимой въ гл. 9. ст. 12—16 книги Бытія.

ГЛАВА XII.

Картина солнца въ созвѣздіи Дѣвы. Новая борьба тучъ.

1 И появилось на небѣ (среди тучъ) новое знаменье великое и чудное: женщина, одѣтая солнцемъ (рис. 34). Внизу ногъ ея была луна, а надъ головой ея (висѣлъ

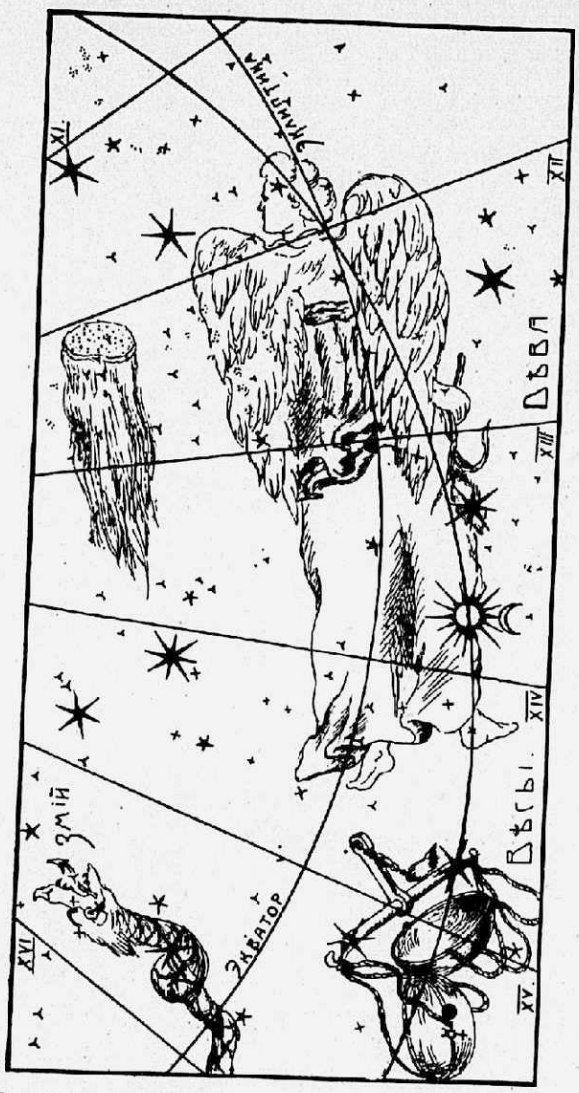


Рис. 34. Солнце и луна въ ногахъ созвѣздія Дѣвы 30 сентября 395 года (Луна для ясности обозначена нѣсколько ниже солнца).

вверху) вѣнокъ изъ двѣнадцати звѣздъ (созвѣздіе Волосъ Вереники) [1]. Она была беременна (наполнявшимъ 2
ее клочкомъ тучи) и рыдала, какъ отъ мученій, сопровождающихъ роды (капли дождя, вызвавшія съ противоположной стороны радугу, падали между солнцемъ и Іоанномъ, какъ яркія слезинки плачущей Дѣвы). И вотъ, пока она готовилась къ родамъ, явилось на небѣ 3
другого рода знаменье.

Вонъ большой бурый семиглавый драконъ (уродливая извивающаяся туча въ созвѣздіи Змѣя у ногъ Дѣвы, рис. 34) съ десятью рогами.

На головахъ его семь (облачныхъ) коронъ, а хвостъ 4
его захватилъ третью часть звѣздъ, и увлекалъ ихъ (вмѣстѣ съ собою, къ закату) на землю.

Драконъ этотъ сталъ передъ женщиной, которой надлежало родить, и хотѣлъ пожрать (заслонить) ея младенца (освобождавшееся отъ тучъ со стороны Дѣвы созвѣздіе Геркулеса), какъ только она родитъ его [2]. И 5
появился на свѣтъ (изъ-за тучъ) Могучій [3] Сынъ (созвѣздіе Геркулеса, рис. 35), который долженъ пасти всѣхъ змѣй [4] желѣзной дубиной. И медленно шествовало [5] дитя ея передъ Богомъ и его Тономъ, а женщина убѣжала (за облака) въ пустыню (небеснаго пространства), гдѣ находилось (среди созвѣздій зодіака) 6

[1] Это созвѣздіе приходилось тогда прямо надъ головой Дѣвы по направленію къ зениту. Авторъ считаетъ въ немъ двѣнадцать звѣздъ, очевидно, отбрасывая всѣ мелкія звѣзды.

[2] Припомнимъ, что драконъ фигурируетъ, такимъ образомъ, во всѣхъ древнихъ солнечныхъ затменіяхъ.

[3] ἄῤῥεν — мужественный, могучій.

[4] Здѣсь очевидная описка переписчиковъ, не понимавшихъ астрономическаго смысла этой картины: вмѣсто τοὺς ὄφεας — змѣй, стоитъ τὰ ἔθνη — народовъ. Изъ смысла всего этого мѣста и изъ названія Могучій Сынъ ясно, что дѣло идетъ о созвѣздіи Геркулеса, пасущаго змѣй желѣзной дубиной.

[5] ἔρπω — медленно, торжественно шествую.

мѣсто, приготовленное для нея Богомъ, чтобъ содержали ее тамъ еще 1260 дней (т. е. до 13 марта 399 года).

7 И вотъ произошла въ небѣ война (между тучами, стремившимися другъ на друга). Богоподобный (солнеч-

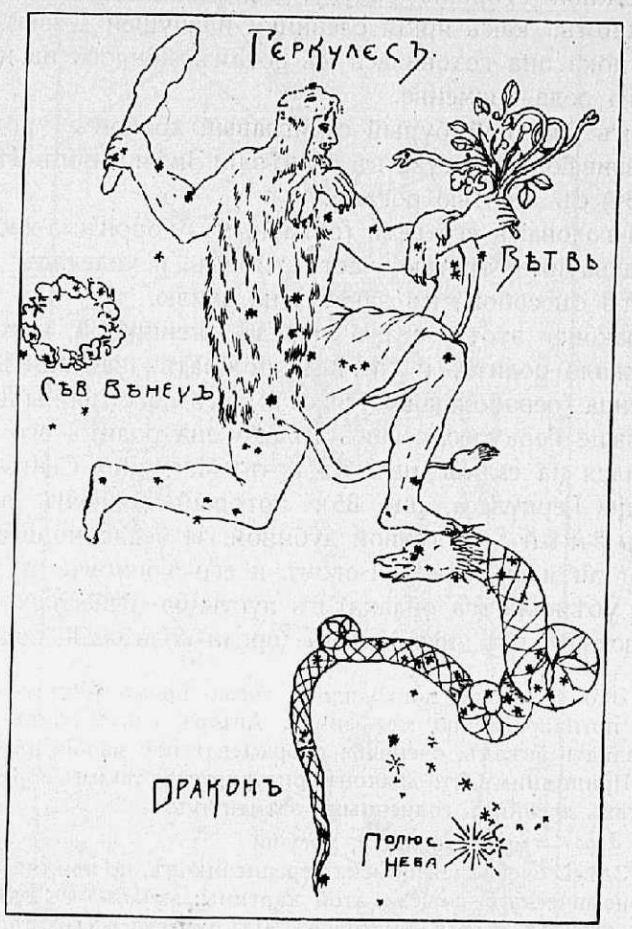


Рис. 35. Созвѣздіе Геркулеса, избивающаго змѣй дубиной (По манускр. Гринбергера въ Пулк. обсерв.).

ный [6] ликъ) и его свѣтлые, облачные вѣстники воевали противъ дракона (неслись на него въ вышинѣ), а драконъ и его мрачные, грозовые гонцы воевали противъ нихъ, но не устояли, и не нашлось уже имъ 8
мѣста на небѣ.

И повернулся въ это время внизъ (прошелъ черезъ 9
меридіанъ) Большой Драконъ (рис. 36), древній змѣй, называемый клеветникомъ [7] и преградителемъ [8], обольщенье всей обитаемой земли, началъ спускаться (въ своемъ суточномъ вращеніи) на землю вмѣстѣ съ гонцами своими.

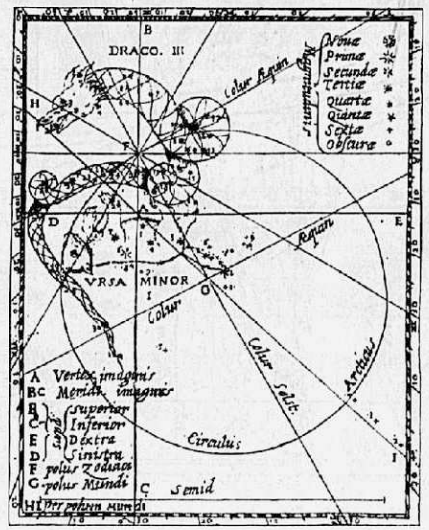


Рис. 36. Созвѣздіе Дракона, по манускрипту Гринбергера въ Пулк. Обсерв.

И услышалъ я могучій голосъ (вѣтра?), звучавшій въ небесахъ: 10

— Настало избавленье! Настали власть и царство нашего Бога и торжество его Посвященнаго! Низверженъ предатель нашихъ братьевъ, клеветавшій на нихъ передъ Богомъ дни и ночи. Но они побѣдили его кровью 11
Овна и тѣмъ, что возвѣщали истину, не жалѣя душъ

[6] Михаилъ по-еврейски значитъ: тотъ, кто какъ Богъ. Авторъ употребилъ фигурально это выраженье для обозначенія „богоподобнаго солнца".

[7] διαβόλος — клеветникъ, отъ обычнаго греческаго разговорнаго слова διαβολή — клевета.

[8] Сатана по-еврейски значитъ: преграда.

12 своихъ, до самой смерти. Радуйтесь же небеса и всѣ
живущіе на нихъ! Но горе находящимся на землѣ и
морѣ! Къ вамъ сошелъ предатель въ страшной ярости
за то, что мало времени осталось ему жить!

13 Когда Драконъ увидѣлъ, что уже спускается
на землю, онъ послѣдовалъ за женщиной (Дѣвой),

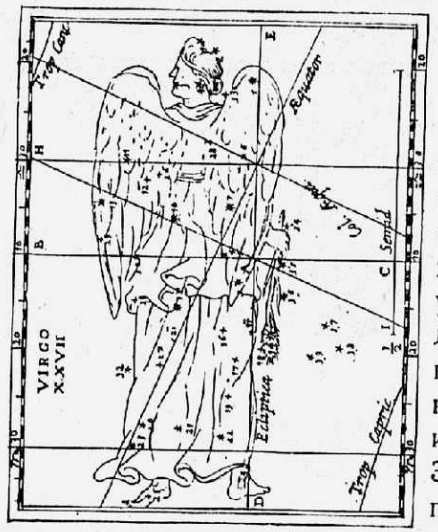
14 

Рис. 37. Созвѣздіе Дѣвы, по Гринбергеру.

16

родившей Могучаго Сына (Геркулеса). Но были ей даны два крыла большого орла (рис. 37), и улетѣла она отъ лица Змѣя на свое мѣсто въ пустынѣ небеснаго пространства, чтобы жить тамъ (какъ было уже сказано) въ продолженіе одного (годичнаго) срока, двухъ сроковъ [9] и полусрока. И извергнуло

15 созвѣздіе Змѣя [10] изъ своей пасти потоки (дождевой) воды вслѣдъ за женщиной, чтобы смыть ее водою, но земля помогла ей.

[9] Здѣсь опять явная ошибка переписчика: вмѣсто двойственнаго числа καίρω стоитъ въ современныхъ копіяхъ множественное καιροὺς, тогда какъ по самому смыслу очевидно, что дѣло здѣсь идетъ о тѣхъ же 3½ годахъ или 1260 дняхъ, остающихся до вычисленнаго авторомъ пришествія Іисуса 13 марта 399 года.

[10] ὄφις — въ астрономіи значитъ: созвѣздіе Змѣя. Точно также и δράκων — драконъ означаетъ и соотвѣтствующее созвѣздіе (дракона) и большого змѣя. Здѣсь авторъ сильно играетъ на двойственномъ значеніи этихъ словъ, прилагая ихъ то къ

Она раскрыла свои поры и поглотила потоки, выброшенные Змѣемъ изъ своей пасти.

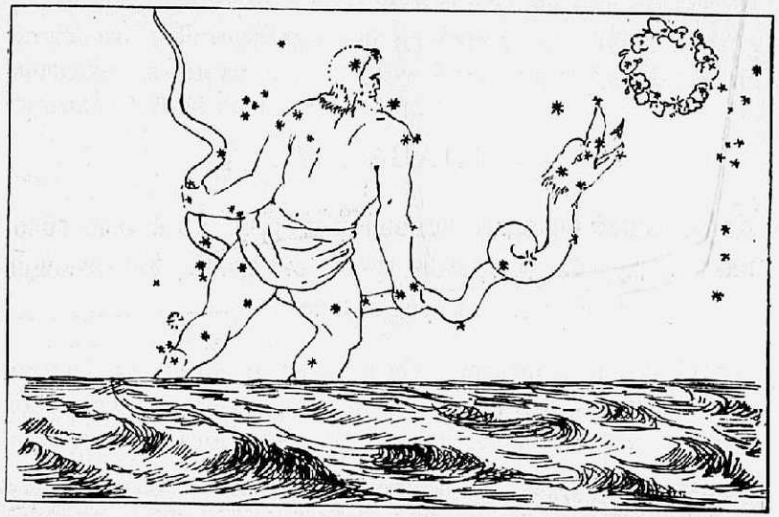


Рис. 38. Захожденіе Змѣя и Змѣеносца на Патмосскомъ горизонтѣ.

17 И разсвирѣпѣлъ Драконъ на женщину и ушелъ (за тучи?), чтобы приготовиться къ войнѣ съ остальными ея дѣтьми, соблюдающими божественные завѣты и съ провозвѣстниками Іисуса-Посвященнаго.

созвѣздіямъ, главнымъ образомъ, къ драконовидному змѣю офіуха, то къ находившимся въ этихъ созвѣздіяхъ уродливымъ тучамъ грозы.

ГЛАВА XIII.

Дальнѣйшее описаніе чудовищной тучи съ семью головами и другой, двурогой тучи, священнодѣйствующей передъ нею.

Я сталъ на морскомъ пескѣ, чтобъ разсмотрѣть звѣря, выходившаго изъ моря (въ видѣ чудовищной грозовой тучи) съ семью головами и десятью рогами (рис. 39).

Рис. 39. Туча-Звѣрь съ семью головами - смерчами и десятью отрогами (видѣнная мною въ Швейцаріи).

На рогахъ его были десять коронъ, а надъ головой его эмблема [1] богохульства (поднявшаяся къ небу голова созвѣздія Змѣя?)

Звѣрь, котораго я видѣлъ въ облакахъ, былъ похожъ въ дѣйствительности на барса, его ноги какъ у медвѣдя, а пасть его, какъ у льва (контуръ Византійско-римской имперіи, рис. 40). 2

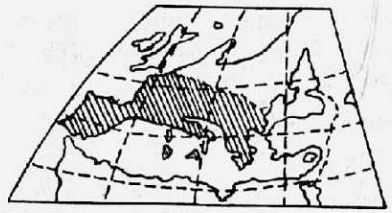


Рис. 40. Византійско-римская имперія конца IV вѣка. Голова – Испанія, какъ у льва, ноги—Италія и Греція, какъ у медвѣдя (По Птоломею).

И далъ ему Драконъ свою силу и тронъ, и великую власть. И я видѣлъ, что одна изъ головъ его была какъ бы смертельно ранена, но эта смертельная рана исцѣлилась (туловище звѣрообразной тучи приблизилось къ оторванной головѣ). И вся земля дивилась этому звѣрю. И преклонялись люди (символизируемые въ качающихся отъ вѣтра травахъ?) передъ нимъ и передъ Драконом, давшимъ ему власть, говоря: 4

— Кто подобенъ этому звѣрю, и кто можетъ съ нимъ сразиться?

Ему были даны уста, говорящія гордо и кощунственно, и власть вести войну сорокъ два мѣсяца (тѣ же самые 1260 дней до воскресенья 13 марта 399 года [2]). 5

И онъ открылъ свои уста, чтобы клеветать на Бога 6

[1] ὄνομα βλασφημίας — имя (названіе, символъ) клеветы.

[2] Мы видимъ, какъ авторъ всевозможными способами обозначаетъ тотъ же самый срокъ 1260 дней, остающійся до предполагаемаго исполненія его предсказанія 13 марта 399 года, какъ бы боясь, что переписчики или фальсификаторы могутъ его исказить.

и позорить его славу [1] и его жилище-н е б о (на которое, вѣроятно, взбиралась туча съ громовымъ ударомъ по созвѣздію Жертвенника) и тѣхъ, кто обитаетъ въ
7 немъ. И было ему позволено вести борьбу съ чистыми душою и побѣдить ихъ. И дана ему власть надъ всѣми племенами и народами, надъ всѣми языками и нарѣчіями (символизируемыми въ волнахъ Средиземнаго моря, надъ которыми поднималась туча, см. гл. 17 ст. 15). И
8 будутъ падать ницъ передъ нимъ всѣ живущіе на землѣ (какъ травы, пригнувшіяся отъ вѣтра передъ тучей), имена которыхъ не записаны въ книгѣ жизни у Овна, заколотаго (въ своемъ созвѣздіи) при созданіи вселенной [4].

9 У кого есть уши, пусть слышитъ: кто ведетъ въ
10 плѣнъ, самъ попадетъ въ плѣнъ, кто убиваетъ мечемъ, тотъ долженъ быть самъ убитъ мечемъ! Въ этомъ коренится терпѣнье и надежда любящихъ правду.

---

11 И увидѣлъ я новаго звѣря (символъ государственной церкви), выходящаго (въ видѣ другой уродливой тучи) со стороны суши. У него были два рога, похожіе на рога Овна (рис. 41), но говорилъ онъ, какъ Драконъ (ударомъ молніи изъ этого созвѣздія?), и пріобрѣлъ для
12 себя такую же власть, какъ и первый звѣрь (имперія), и заставляетъ всю землю и живущихъ на ней (въ символѣ кланяющихся отъ вѣтра полевыхъ травъ) преклоняться передъ первымъ звѣремъ, у котораго зажила

---

3. ὄνομα — фигурально обозначаетъ С л а в у.

4 Это выраженіе, очевидно, навѣяно тѣмъ, что фигура Овна въ своемъ созвѣздіи, возникшемъ „при созданіи Вселенной", изображалась на картахъ съ повисшей назадъ, какъ бы надрѣзанной, головой.

на головѣ смертельная рана. Этотъ двурогій звѣрь 13
производитъ великія чудотворства, даже огонь низводитъ съ неба (въ молніяхъ?) на землю передъ людьми, и вводитъ въ заблужденье живущихъ на землѣ чудотворства- 14
ми, которыя производитъ передъ первымъ звѣремъ, побуждая живущихъ на землѣ поклоняться изображенію звѣря, имѣвшаго на головѣ рану отъ меча и исцѣлившемуся отъ ея.

Рис. 41. Двурогій звѣрь.

И было ему позволено надѣлить дыханьемъ изобра- 15
женіе звѣря (отъ котораго пронесся теперь сильный порывъ вѣтра), и чтобъ заговорило оно (ударами грома?), и чтобъ были убиты (молніями, ударившими по неподвижнымъ вершинамъ острова?) тѣ, кто не преклоняется передъ изображеніемъ звѣря.

16 И вотъ Звѣрь (т. е. византійская имперія VI вѣка, символизируемая звѣроподобной тучей) постановляетъ теперь [5], чтобы всѣмъ, большимъ и малымъ, богатымъ и бѣднымъ, свободнымъ и рабамъ, выдавали особые значки (по изслѣдованіямъ Ньютона—кресты) [6] для ношенія ихъ на правой рукѣ или на головѣ, чтобъ не смѣли ни покупать, ни продавать (какъ пове-

[5] ποιεῖ — постановляетъ, здѣсь настоящее время, а не будущее.

[6] The mark +, or the name λατεῖνος, or the number thereof χξς. 666 (I. Newtoni Opera, tom. V, Londini, 1785. Имѣется у меня и въ Пулковской Обсерваторіи). Къ сожалѣнію, я не нашелъ въ этомъ толкованіи Ньютона на Апокалипсисъ ничего такого, что показывало бы пониманіе Ньютономъ астрономическаго и метеорологическаго смысла апокалиптическихъ звѣрей.

Греческія буквы представляли въ то же время и цифры,

α′ =	1	ϛ′ =	6	κ′ =	20	ο′ =	70	τ′ =	300	ω′ =	800
β′ =	2	ζ′ =	7	λ′ =	30	π′ =	80	υ′ =	400	ϡ′ =	900
γ′ =	3	η′ =	8	μ′ =	40	ϙ′ =	90	φ′ =	500	,α =	1000
δ′ =	4	θ′ =	9	ν′ =	50	ρ′ =	100	χ′ =	600	,β =	2000
ε′ =	5	ι′ =	10	ξ′ =	60	σ′ =	200	ψ′ =	700	. . . .	

а потому для каждаго имени можно было высчитать и „его число", т. е. сумму буквъ, какъ это и дѣлаетъ здѣсь Іоаннъ. Ренанъ думалъ, что это сумма буквъ еврейской фразы: императоръ Неронъ (נרון קסר). Дѣйствительно, она даетъ число 666, но натяжка въ томъ, что это не простое имя, какъ требуется авторомъ, а цѣлыхъ два слова: имя и титулъ носящаго его лица. Вотъ почему толкованіе Ньютона мнѣ кажется единственно допустимымъ. Знакъ звѣря, крестъ (+), показываетъ, что Латинско-Византійская имперія была уже христіанской и что на язычниковъ и всѣхъ, не принадлежавшихъ къ господствовавшей тогда (какъ увидимъ далѣе: Николаитской) церкви, совершались въ то время сильныя гоненія, какъ и видно изъ эдикта имп. Ѳеодосія, относящагося къ началу 395 года, объявившаго еретиковъ (къ которымъ, очевидно, причислялся и Іоаннъ) лишенными гражданскихъ правъ и даже отнявшаго у нихъ право передавать свои имѣнія другимъ лицамъ по завѣщанію (Исторія Шлоссера, т. 2, стр. 221).

лѣваетъ эдиктъ имп. Ѳеодосія 395 года) всѣ тѣ, кто 17
не имѣетъ на себѣ этого значка звѣря или его имени (*латинянинъ*) или числового изображенія (суммы буквъ) его имени.

λ =	30
α =	1
τ =	300
ε =	5
ι =	10
ν =	50
ο =	70
ϛ =	200
Сумма =	666

Рис. 42.
Сумма числовыхъ значеній для буквъ греческаго слова: Латинянинъ.

Здѣсь мудрость: у кого есть умъ, сосчитай число 18
звѣря, потому что оно доступно человѣку. Число это шестьсотъ шестьдесятъ шесть (Сумма буквъ греческаго слова *латинянинъ*, рис. 42).

ГЛАВА XIV.

Восхожденіе созвѣздія Овна. Восторженное ожиданіе тихой звѣздной ночи послѣ грозы и землетрясенія. Кровавая полоса вечерней зари.

1 Я взглянулъ, и вотъ Овенъ стоитъ надъ Надгробнымъ Холмомъ [1] (рис. 43), и за нимъ слѣдуютъ 144

Рис. 43. Восхожденіе созвѣздія Овна.

[1] גל по-еврейски значитъ: надгробный холмъ, груда камней (на могилѣ).

тысячи (звѣздъ), на лицахъ которыхъ написана слава его отца. И слышался мнѣ (въ грохотѣ моря и воѣ 2
бури) голосъ съ неба, какъ шумъ множества волнъ, какъ звукъ могучихъ громовъ; и слышалась мнѣ (въ таинственномъ мерцаніи первыхъ появляющихся звѣздъ?), какъ бы музыка арфистовъ, играющихъ на своихъ арфахъ. Они поютъ свою новую пѣсню (гимнъ Овну) [2] 3
передъ созвѣздіемъ Трона и передъ Четырьмя Животными и передъ Старцами (часами дня и ночи). И никто не могъ научиться этой пѣснѣ, кромѣ тѣхъ 144 тысячъ неземныхъ. Они дѣвственно-чисты душою и потому слѣ- 4
дуютъ за Овномъ, куда бы онъ ни шелъ (въ своемъ суточномъ круговращеніи по небесному своду). Они искуплены изъ среды людей въ даръ Богу и Овну. Въ устахъ ихъ нѣтъ обмана, они безукоризненны 5
передъ Богомъ.

И увидѣлъ я иного рода вѣстника (вѣроятно, голубя 6
или ласточку), летящаго посрединѣ неба съ вѣчнымъ благовѣствованіемъ, возвѣщая добрую вѣсть (окончанія грозы) всѣмъ живущимъ на землѣ народамъ и племенамъ, нарѣчіямъ и національностямъ. И говорилъ онъ 7
громкимъ голосомъ:

— Почитайте Бога и хвалите его, потому что наступилъ часъ его суда. Преклонитесь передъ устроившимъ небо и землю, и море, и водные источники.

И другой вѣстникъ слѣдовалъ за нимъ, восклицая: 8

— Пала, пала великая трердыня—Врата Господни [3] (государственная церковь, символизированная въ двурогой тучѣ-звѣрѣ и въ развалившемся отъ землетрясенія утесѣ), пала за то, что возмутительнымъ виномъ своей безнравственности она напоила (въ обрядѣ причащенія?) [4] всѣ народы.

[2] Я уже говорилъ, что Овенъ восходилъ 30 сентября 395 года около 6 часовъ вечера при закатѣ солнца.

[3] Бабъ-Илу значитъ: Врата Господни.

[4] Это ясно изъ гл. 17, ст. 4—5.

9 И третій вѣстникъ промчался за ними, говоря могучимъ голосомъ:

— Кто преклоняется передъ звѣремъ (имперіей) и его изображеніемъ (въ тучѣ) и принимаетъ его знакъ (крестъ) для ношенья на правой рукѣ или на головѣ,
10 тотъ будетъ пить вино Божьяго возмущенья, приготовленое безъ примѣси въ Чашѣ его гнѣва (Созвѣздіе Чаши зашло въ это время въ огненной полосѣ вечерней зари). И будутъ мучить его огнемъ и горящей сѣрой (символизируемыми въ оттѣнкахъ загорѣвшагося заката) передъ непорочными вѣстниками и Овномъ. И
11 дымъ отъ ихъ мученій будетъ восходить въ вѣка вѣковъ. И не будутъ имѣть покоя ни днемъ, ни ночью преклоняющіеся передъ звѣремъ и его изображеніемъ, и принимающіе на себя знакъ принадлежности ему. Въ
12 этомъ причина терпѣнія непорочныхъ, соблюдающихъ велѣнія Бога и вѣру въ Іисуса!

13 И я слышалъ небесный голосъ, говорившій мнѣ:

— Напиши: отнынѣ счастливы тѣ, кто умираетъ, сохранивъ божественные завѣты. Да! говоритъ вдохновенье, они успокоятся отъ трудовъ своихъ, и дѣла ихъ пойдутъ вслѣдъ за ними!

14 Я взглянулъ (на западъ), и вотъ тамъ свѣтлое облако, а на облакѣ сидитъ (заходящее солнце) подобіе Сына Человѣческаго съ золотымъ вѣнцомъ (лучей) на своей головѣ и съ острымъ серпомъ (новорожденной [5] луны) въ рукѣ.

15 И другой (легкій, облачный) вѣстникъ вышелъ изъ

---

[5] Луна по астрономическимъ вычисленіямъ находилась въ это время въ періодѣ новолунія, сопровождавшагося затменіемъ 30 сентября 395 г., проходившимъ въ этотъ моментъ по Тихому океану, но авторъ, повидимому, нѣсколько ошибся въ своихъ расчетахъ и, не видя за тучами солнца, считалъ затменіе уже закончившимся.

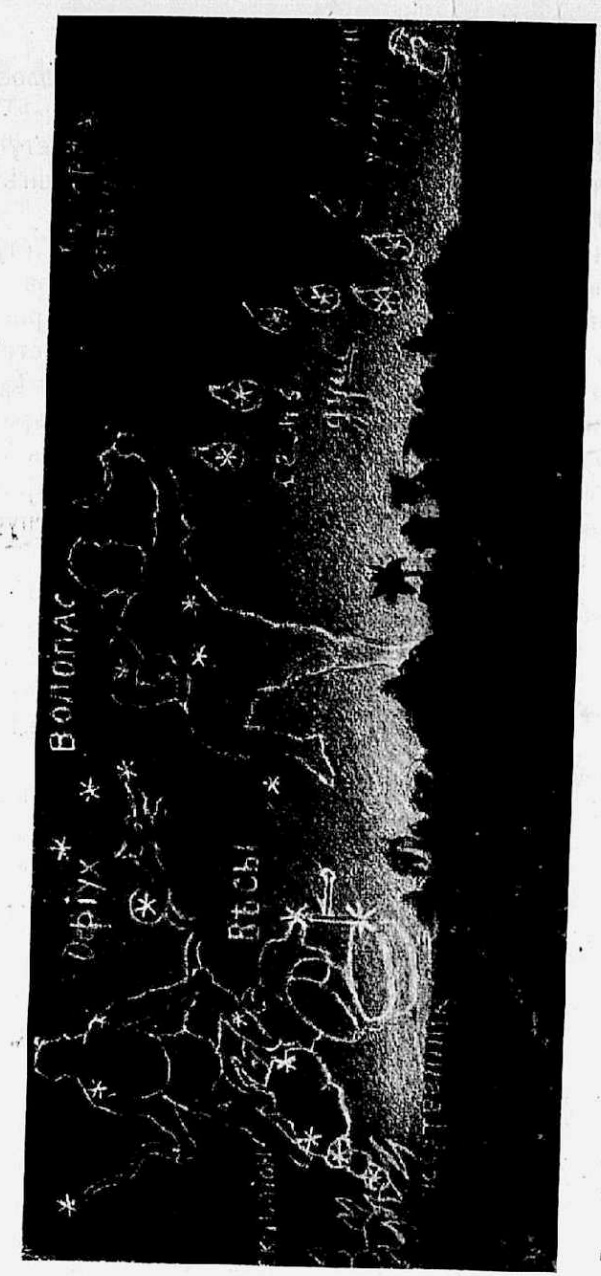


Рис. 44. Захожденіе Волопаса съ его серпомъ надъ Патмосскимъ виноградникомъ. Огненно-кровавая полоса вечерней зари разлилась отъ созвѣздія Жертвенника на юго-западѣ до Конскихъ Узд, почти на сѣверѣ.

жилища Бога неба и воскликнулъ громкимъ голосомъ сидящему на облакѣ:

— Опусти свой серпъ и соверши жатву. Наступило ея время, потому что пшеница созрѣла на лашнѣ (за которой заходила серповидная луна).

16 И опустилъ сидящій на облакѣ свой серпъ (луну), на землю, а на землѣ была уже совершена жатва.

17 И иного рода вѣстникъ (созвѣздіе Волопаса, рис. 44) вышелъ изъ жилища Бога на небѣ тоже съ острымъ
18 серпомъ въ рукѣ, а еще другой вѣстникъ, имѣющій власть надъ огнемъ, вышелъ (въ видѣ тучки, окрашенной зарею въ огненные цвѣта) отъ созвѣздія Жертвенника (уже зашедшаго подъ горизонтъ) и закричалъ онъ громкимъ голосомъ вѣстнику съ серпомъ (спускавшемуся за виноградникомъ Волопасу):

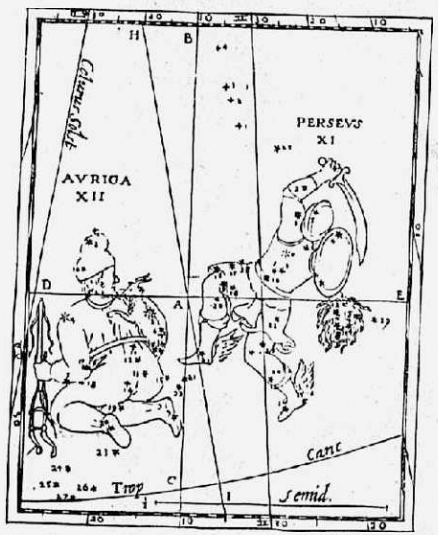


Рис. 45. Созвѣздія Возничаго Конскихъ Уздъ и Персея (по Гринбергеру, 1612 г.).

— Опусти свой острый серпъ и обрѣжь гроздья винограда на землѣ, потому что онѣ созрѣли!

19 И опустилъ вѣстникъ свой серпъ на землю, и (какъ бы) срѣзалъ на полѣ кисти винограда, и бросилъ его въ великое корыто божьяго гнѣва (кровавую полосу вечерней зари, на которой обрисовывались темные силуэты растеній виноградника), и потопталъ ногами

(рис. 44) это корыто, (находящееся) внѣ обитаемаго мѣста (за окраиной земли), и разлилась черезъ край кровь (вечерней зари) изъ корыта-горизонта на тысячу шестьсотъ стадій до самыхъ Конскихъ Уздъ (группа звѣздъ въ созвѣздіи Возничаго, находившагося тогда почти на самомъ сѣверѣ рис. 44 и 45).

ГЛАВА XV.

Первыя крупныя звѣзды появляются на восточной потемнѣвшей части неба.

2 И я видѣлъ надъ собою [1], какъ бы стеклянное море, смѣшанное съ огнемъ (зари), а тѣ, кто остался побѣдителемъ звѣря (имперіи) и его изображенія (въ тучѣ),

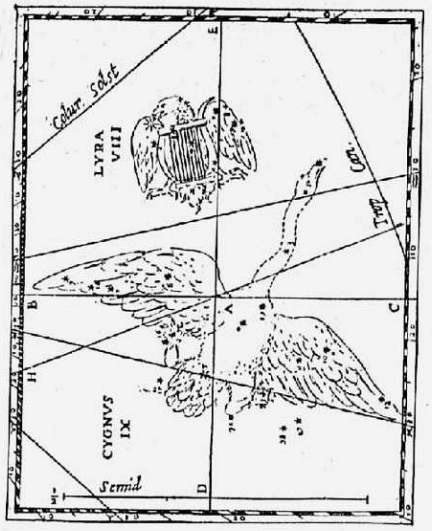


Рис. 46. Созвѣздіе Лебедя и Лиры (по атласу Гринбергера, 1612 г.)

и его помѣтки (креста), и числа имени его, стояли на этомъ стеклянномъ морѣ (въ видѣ звѣздъ) съ цитрою Бога [2] (созвѣздіемъ Лиры, рис. 46, находившимся въ зенитѣ?). Они пѣли гимнъ божьяго служителя Моисея. („Внимай небо: я буду говорить. Слушай земля слова устъ моихъ. Польется, какъ дождь, ученье мое, какъ роса, будетъ рѣчь моя, какъ мелкій дождь на зелень, какъ ливень на

[1] Первый стихъ перенесенъ мною въ слѣдующую главу, откуда онъ по ошибкѣ забѣжавшаго впередъ переписчика былъ помѣщенъ сюда, какъ ясно по смыслу.

[2] Множественное число, повидимому, принадлежитъ переписчику.

траву. Имя Властелина прославляю, воздайте хвалу Богу нашему. Онъ твердыня, и совершенны всѣ дѣла его... Богъ вѣренъ и нѣтъ неправды въ немъ) [2].

И они пѣли гимнъ Овна:

Велики и чудны дѣянья твои,
Могучій властитель міровъ!
Твои справедливы и вѣрны пути,
Ты вождь всѣхъ за правду борцовъ!
Кто славы тебѣ не воздастъ на землѣ, 4
Твой путь не признаетъ святымъ?
Сольются народы въ могучей хвалѣ
Предвѣчнымъ законамъ твоимъ!

И вотъ раскрылась въ небѣ внутренняя часть голубого шатра свидѣтельства (мелькнули первыя крупныя 5
звѣзды), и появились (на западѣ) семь новыхъ (облач- 6
ныхъ) посланниковъ съ семью послѣдними наказаньями (ливнями дождя).

Они были одѣты въ свѣтлыя и чистыя льняныя одежды и опоясаны по грудямъ (отъ отблеска вечерней зари) золотыми поясами. И одно изъ четырехъ живот- 7
ныхъ (созвѣздіе Стрѣльца [3]) дало имъ семь золотыхъ (облачныхъ же) чашъ, полныхъ возмущеніемъ вѣчнаго Бога. И наполнилась обитаемая (звѣздами) часть жи- 8
лища Бога дымкой (затуманилась) отъ славы Божьей и силы его, и никто не могъ проникнуть во внутрь неба, пока не окончатся семь наказаній этихъ посланниковъ.

[2] Второзаконіе, гл. 32 начало.

[3] Оно находилось тогда на южной части горизонта, а облака съ чашами были на западѣ, какъ видно по ихъ золотистому оттѣнку.

ГЛАВА XVI.

Семь короткихъ дождевыхъ ливней изъ тучекъ, спутниковъ грозы, пролетѣвшихъ во время вечерней зари.

И увидѣлъ я въ небѣ новое знаменье, великое и чудное: семь посланниковъ съ семью послѣдними наказаньями, чтобъ утолился ими гнѣвъ божій [1]. И услышалъ я громкій голосъ изъ обитаемой (звѣздами) верхней части жилища Бога, говорящій:

— Идите и вылейте на землю семь чашъ божьяго негодованья!

И вышелъ первый посланникъ и вылилъ свою чашу на почву (песчанаго прибрежья), и появилась скверная и злокачественная сыпь (брызги грязи?) на людяхъ (вѣроятно, на сбѣжавшихся сюда отъ страха передъ землетрясеніемъ Патмосцахъ), имѣющихъ знакъ звѣря (крестъ) и преклоняющихся передъ его изображеніемъ.

Второй посланникъ вылилъ свою чашу на море, и оно стало (отъ кроваваго отблеска вечерней зари), какъ бы кровью убитаго, и всякая живая душа почила въ морѣ (заснула до утра).

Третій посланникъ вылилъ свою чашу на рѣки и источники водъ (острова), и они тоже стали кровавыми.

И услышалъ я голосъ вѣстника водъ (журчащаго ручейка), говорившаго:

[1] Эта строка по ошибкѣ переписчика помѣшена въ началѣ предыдущей главы, гдѣ ей совсѣмъ не мѣсто по содержанію. Вѣроятно, онъ прямо началъ переписывать эту главу сейчасъ же послѣ пятнадцатой, но спохватился и, не желая портить драгоцѣннаго для древнихъ папируса, оставилъ ее тамъ.

— Ты правъ, нашъ повелитель, который былъ, есть и будешь непороченъ, въ томъ, что постановилъ такой приговоръ. Эти люди пролили кровь ищущихъ правды и провозвѣстниковъ твоихъ, и ты назначилъ имъ пить кровь. Они достойны этого!

И услышалъ я (во всплескахъ почти успокоившагося моря?) другой голосъ отъ созвѣздія Жертвенника:

— Да, властелинъ нашъ, Богъ всемогущій, истинны и справедливы твои приговоры.

И вылилъ четвертый посланникъ свою чашу надъ зашедшимъ солнцемъ, и далъ ему власть жечь людей въ огнѣ (вечерней зари). И жегъ ихъ сильный жаръ, и они хулили имя Бога, владѣющаго такими язвами, и не догадались прославить его.

И вылилъ пятый посланникъ свою чашу надъ тономъ звѣря (императора) [2], и стало мрачно его царство (въ сгустившихся сумеркахъ), и кусали его подданные свои языки отъ отчаянья. И проклинали Бога небесъ за свои бѣдствія и несчастья, но не раскаялись въ дѣлахъ своихъ.

Шестой посланникъ вылилъ свою чашу (къ востоку) надъ великой рѣкой Евфратомъ, и высохла въ ней вода, чтобы открыть путь восточнымъ царямъ (символизируемымъ восходившимъ изъ-за Евфрата созвѣздіемъ Персея, съ его приподнятымъ мечемъ).

И увидѣлъ я какъ выходили изъ устъ созвѣздія Дракона (на вершинѣ неба) и изъ пасти звѣря (со стороны Испаніи, рис. 40) и изъ устъ лжепророка (со стороны Іерусалима?) три нечистыхъ выдыханья (темныя уродливыя облака), принявшія форму жабъ. Это духи языческихъ боговъ, творящіе чудеса. Они нисходятъ на земныхъ царей во всей вселенной для того, чтобы вести ихъ на войну противъ Овна въ тотъ великій день всемогущаго Бога.

[2] т. е. по направленію къ Константинополю.

16 И собрались они на мѣстѣ, называемомъ по еврейски Сторожъ Благовѣствованія (созвѣздіе Стрѣльца, астрологическій домъ Вѣроисповѣданія?).

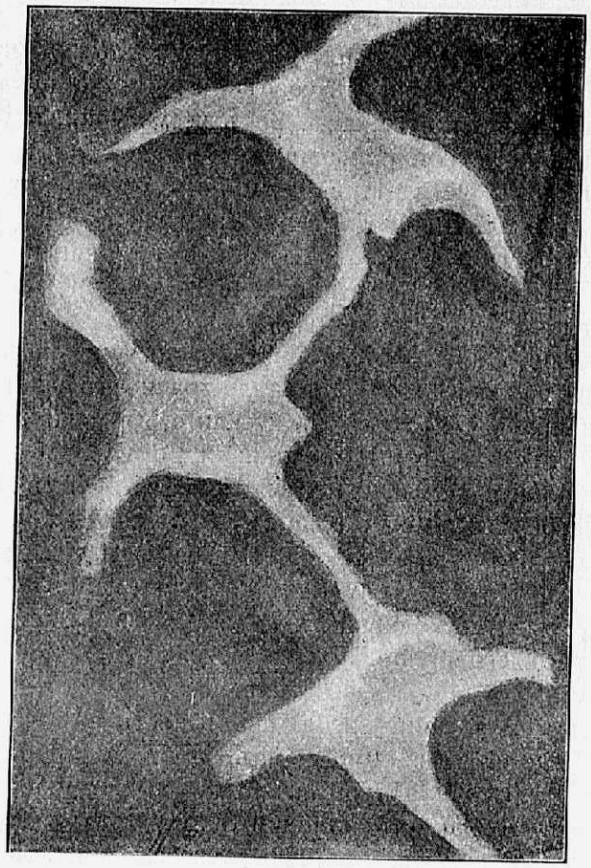


Рис. 47. Облачныя жабы.

15 [Вотъ иду, какъ воръ! Счастливъ, кто не спитъ и бережетъ свою одежду, чтобы не ходить ему потомъ голымъ, и не видѣли его неприличія!].

Седьмой посланникъ вылилъ свою чашу на воздухъ 17
(туча пронеслась безъ дождя), и изъ обитаемой (звѣздами) внутренности небеснаго шатра раздался отъ Трона громкій голосъ:

— Свершилось!

И тутъ произошли грохотъ и звуки, и громовыя 18
стрѣлы [3], и большой (четвертый) ударъ землетрясенія, какого еще не было съ тѣхъ поръ, какъ появились люди на этой землѣ. Такой ударъ! Такой большой! И Великая 19
Твердыня (прибрежный утесъ) разсѣлась на три части, и свалились поселенія народовъ. Были этимъ вспомянуты передъ Богомъ великія „Врата Господни“ [4] (господствующая церковь), чтобы далъ онъ имъ пить чашу возмущенія и гнѣва своего. И весь островъ [5] бросился 20
бѣжать (обычная иллюзія отъ отхлынувшей отъ берега воды по причинѣ колебанія дна) и (прибрежныхъ) высотъ не стало болѣе. И градъ (камней отъ обвалившагося 21
утеса) до полутора пуда вѣсомъ [6] посыпался съ поднебесной высоты на людей (собравшихся у прибрежья?) И ругали люди Бога за пораненья отъ этого града, потому что боль отъ нихъ очень тяжкая.

---

[3] ἀστραπαί — громовыя стрѣлы, молніи; сокращено изъ ἀστεροπαί.

[4] Вавилонъ (Ваб-Илу) значитъ Врата Господни.

[5] πᾶσα νῆσος — весь островъ.

[6] ταλαντιαῖος — вѣсомъ въ талантъ (55 фунт. 2 лота).

ГЛАВА XVII.

Облачный силуэтъ женщины съ чашей на багряномъ фонѣ догорающей вечерней зари.

1 И снова выступилъ (на небѣ) одинъ изъ семи (облачныхъ) вѣстниковъ, имѣвшихъ ранѣе семь чашъ. И сталъ внушать [1] мнѣ:

— Пойдемъ, я покажу тебѣ приговоръ надъ великой самопродажницей (государственной церковью [2], сидя-
2 щей на множествѣ волнъ (народовъ). Ее покупали цари земные, и напоены обитатели земли виномъ ея безнравственности.

3 И увелъ онъ меня въ восторженномъ состояніи въ пустынное мѣсто. И увидѣлъ я оттуда (въ силуэтахъ

---

[1] λαλέω — звучу, щебечу, болтаю, нашептываю.

[2] То есть, фракціей Θеофила Александрійскаго, господствовавшей въ 395 году въ Византіи. Весь этотъ періодъ Византійской исторіи былъ ознаменованъ безпощадной борьбой государственной церкви въ Византіи съ фракціями первоначальнаго христіанства, не признававшими союза церкви и государства. Во главѣ оппозиціи стоялъ въ это время самый талантливый проповѣдникъ первыхъ вѣковъ христіанства—Іоаннъ Хризостомъ. Въ послѣдней части моего изслѣдованія я покажу, что апокалипсисъ почти несомнѣнно одинъ изъ его памфлетовъ.

Рис. 48. Облачный силуэтъ на созвѣздіяхъ: Самка Гидры и Чаша.

облаковъ на огненномъ фонѣ вечерней зари) женщину, сидящую на багряномъ семиголовомъ звѣрѣ съ десятью рогами, наполненномъ символами богохульства (созвѣз-
4 діе Самка Гидры). И была женщина одѣта въ порфиру

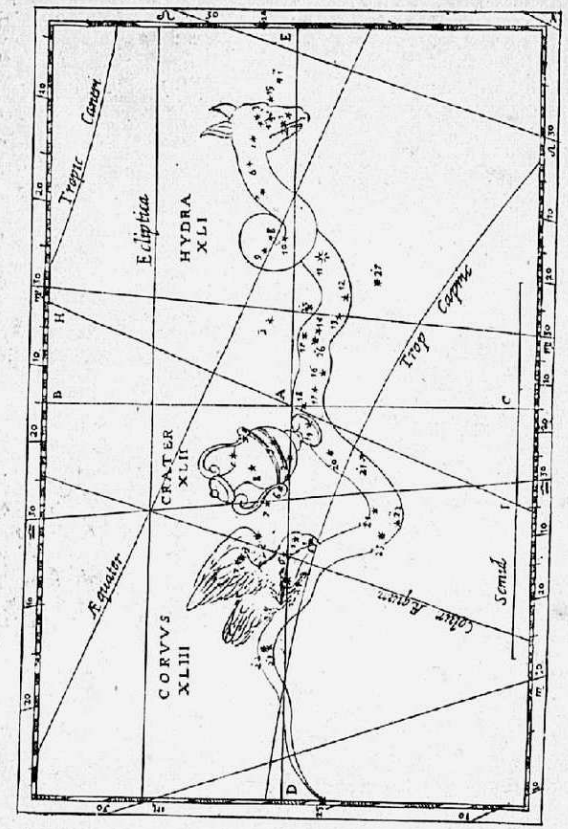


Рис. 49. Созвѣздіе Самка Гидры и Чаша.

и багряницу (вечерней зари) и украшена золотомъ и жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Въ рукѣ ея была Золотая Чаша (изъ облаковъ или на Самкѣ

Гидры фиг. 49), наполненная мерзостями и нечистотами ея безнравственности. А на лбу ея надпись: 5

ТАИНСТВО! [3].

Великая Твердыня „Врата Господни“,

мать блудниковъ и мерзостей земли!

И я видѣлъ, что женщина эта была обагрена (на 6
аломъ фонѣ зари) кровью ищущихъ правды и провоз-

---

[3] μυστήριον — значитъ: религіозное таинство, мистерія. Для обычной же тайны, секрета, употреблялись другія слова, напр.: τὰ κρυπτά. Здѣсь дѣло идетъ несомнѣнно о таинствѣ причащенія, которое одно совершалось и совершается въ золотыхъ чашахъ во всѣхъ восточныхъ церквахъ.

Очевидно, Византійскіе епископы IV вѣка прибавляли въ вино для причащенія какой-то „мерзости“, придававшей вину видъ и вкусъ крови, и выдавали это превращеніе за чудо. Только тогда и становятся понятны всѣ выраженія Іоанна, встрѣчаемыя въ этой книгѣ, и то, почему (въ гл. 16) онъ хотѣлъ заставить всѣхъ, служащихъ звѣрю (церкви и имперіи) пить кровь. Вотъ дальнѣйшія мѣста апокалипсиса, утверждающія въ той же мысли: Всѣ народы отвѣдали возмутительнаго вина ея блудливости (πορνείας, гл. 18,2) „ . . . “ Поступите съ ней такъ, какъ она поступала съ вами! Отплатите ей вдвое за ея выдумку: въ чашѣ, въ которой она разбавляла вамъ вино, разбавьте ей самой вдвое (гл. 18,6)! „ . . . . . “ микстурою (φαρμακείᾳ) твоею введены въ заблужденіе всѣ народы (гл. 18,24)! “ . . . . “ Кто преклоняется передъ звѣремъ, будетъ пить вино божьяго возмущенія, приготовленное безъ примѣси въ чашѣ его гнѣва (гл. 14,10)!

Читатель самъ увидитъ другія мѣста въ томъ же самомъ родѣ. Если бъ византійскіе епископы, государственной фракціи, прибавляли въ вино чистой теплой воды, то автору незачѣмъ было бы называть эту смѣсь мерзостью и нечистотой и угрожать Великой Твердынѣ, что ей самой разбавятъ вдвое тѣмъ же способомъ.

Прибавлю еще, что Вавилонъ (Баб-Илу) значитъ въ переводѣ „Врата Господни“, чѣмъ и объясняется примѣненіе Іоанномъ этого названія къ Византійской церкви.

вѣстниковъ Іисуса и, разсматривая ее, я дивился вели-
7 кимъ удивленіемъ. Но вѣстникъ сказалъ мнѣ:

— Чему ты удивляешься? Я объясню тебѣ таинство этой женщины и носящаго ее семиголоваго звѣря
8 съ десятью рогами. Звѣрь, котораго ты видѣлъ, былъ и нѣтъ его теперь (имперія уже раздѣлилась между Аркадіемъ и Гоноріемъ) [4], и долженъ будетъ снова выйти изъ бездны, чтобы пойти на свою погибель. И будутъ удивляться живущіе на землѣ [имена которыхъ не записаны въ предвѣчномъ [5] свиткѣ жизни], глядя на звѣря, который былъ ранѣе и не существуетъ те-
9 перь, но явится. Здѣсь мудрый смыслъ: семь головъ— это семь холмовъ, на которыхъ сидитъ женщина (Византійская церковь), и въ тоже время это семь (византійскихъ) царей [6].

10 Пять изъ нихъ уже царствовали (Константинъ, Констанцій, Юліанъ, Валентъ и Ѳеодосій), шестой (Аркадій) есть теперь, а седьмой (Іовіанъ, провозглашенный въ 363 г. во время похода, но умершій, не дойдя до Византіи) еще не пришелъ, а когда придетъ, то недолго
11 ему быть (только до 13 марта 399 года). Звѣрь же, который былъ ранѣе (въ тучѣ) и не существуетъ теперь, есть восьмой властелинъ (сама Имперія), и (состоитъ)
12 изъ этихъ семи и пойдетъ въ погибель. А десять роговъ, что ты видѣлъ, это десять царей, которые еще не

[4] Въ Январѣ 365 года, за восемь мѣсяцевъ до этой бури.

[5] ἀπὸ καταβολῆς κόσμου — отъ начала міра. Это выраженіе, повидимому, относится къ стоящему передъ нимъ слову βιβλίον Въ копіи, съ которой я переводилъ, вся эта фраза поставлена въ скобки, какъ вводная.

[6] Основатель Византійской имперіи Константинъ I, съ 330 до 337 года и его наслѣдники: Констанцій (337—361); Юліанъ (361—363;) не дошедшій до Византіи Іовіанъ (363—364); Валентъ (364—378); Ѳеодосій (378—17 января 395 г.), и, наконецъ, Аркадій (17 янв. 395—408 г.).

получили царствъ, но получатъ съ помощью звѣря (имперіи) на одинъ часъ.

Всѣ они будутъ имѣть тотъ же самый образъ мы- 13
слей и отдадутъ силу и власть свою въ распоряженіе звѣря. Они будутъ воевать съ Овномъ, но Овенъ по- 14
бѣдитъ ихъ, потому что онъ властелинъ властелиновъ и царь царей, и съ нимъ будутъ всѣ желанные и избранные, и вѣрные. 15

И сказалъ онъ мнѣ еще:

— Волны (Средиземнаго моря), которыя ты видишь тамъ, гдѣ сидитъ продажная женщина, представляютъ собою народныя скопища и толпы, племена и нарѣчія. А сама женщина изображаетъ собою Великую Твердыню 18
(государственную церковь), царствующую надъ земными 16
царями [7]. Десять же роговъ, которые ты видѣлъ (въ тучахъ) на звѣрѣ, возненавидятъ ее и разорятъ, и отнимутъ ея одежды, и пожрутъ, и сожгутъ ее въ огнѣ. Потому что Богъ вложилъ въ ихъ сердца исполнить 17
его волю, только одну эту волю, и затѣмъ отдать ихъ царства звѣрю, пока не исполнятся слова Бога.

[7] Эту фразу, поставленную, повидимому, пропустившимъ ее переписчикомъ въ концѣ главы, я перенесъ сюда, чтобъ сохранить логическій смыслъ всего мѣста.

ГЛАВА XVIII.

Ночной метеоръ и плачъ всѣхъ царей и торговцевъ земныхъ о гибели Великой Твердыни „Врата Господни“.

1 И увидѣлъ я послѣ этого (въ наступившей ночной
темнотѣ) новаго вѣстника (яркій ночной метеоръ). Онъ
сходилъ съ неба съ великимъ блескомъ. Земля освѣ-
2 тилась отъ его славы. И воскликнулъ онъ, въ своемъ
могуществѣ, громкимъ голосомъ:

— Пала, пала великая твердыня „Врата Господни!“ Сдѣлалась жилищемъ языческихъ боговъ [1], пристанищемъ всякой нечистой души, всякой грязной и отвратительной птицы! Всѣ народы отвѣдали возмутитель-
3 наго вина ея безнравственности. Съ ней развратничали
цари земные, и торговцы земли обогатились отъ ея не-
обыкновенной роскоши!

4 И услышалъ я другой голосъ съ неба, говорящій:

— Выйди изъ нея, мой народъ, чтобъ не участвовать тебѣ въ ея преступленіяхъ и не принять ея нака-
5 занья, потому что дошли до неба ея преступленія, и
вспомнилъ Богъ ея обиды. Поступите съ ней такъ, какъ
6 она поступала съ вами! Отплатите ей вдвое за ея вы-
думку [2]: въ чашѣ, въ которой она разбавляла [3] вамъ

[1] δαίμων — языческое божество, геній, духъ-хранитель, домашній богъ грековъ и римлянъ.

[2] ἔργον — дѣло, произведеніе, выдумка.

[3] ἐκέρασε отъ κεράννυμι — разбавляю вино водой.

вино, разбавьте ей самой вдвое (той же самой мерзостью и нечистотой)! Сколько она гордилась и роскошествовала, 7
столько же воздайте ей униженій и обидъ, потому что она говоритъ въ своемъ сердцѣ: сижу царицей (нахожусь въ союзѣ съ царями). Я не вдова и не увижу печали!

За то въ одинъ и тотъ же день придутъ на нее и 8
напасти, и гибель, и униженіе, и бѣдность, и будетъ сожжена огнемъ, потому что силенъ Богъ, ея судья! И заплачутъ, и зарыдаютъ о ней всѣ цари земные, поку- 9
павшіе ее и роскошествовавшіе съ нею, видя дымъ отъ ея пожара. Стоя вдали, отъ страха подвергнуться ея 10
мученіямъ, они будутъ восклицать:

— Горе, горе тебѣ, великая твердыня „Врата Господни“, сильная крѣпость! Въ одинъ часъ рѣшилась твоя судьба!

И купцы земные заплачутъ и зарыдаютъ о ней, по- 11
тому что корабельные грузы ихъ, пришедшіе для нея, останутся непроданными: грузы золота, и серебра, и 12
драгоцѣнныхъ камней, и бисера, и тонкихъ полотенъ, и шелка, и багряницы, и кипарисоваго дерева [4], и издѣлій изъ слоновой кости, и всякихъ произведеній изъ дорогого дерева, желѣза, мѣди и мрамора. И не купитъ у нихъ никто корицы и кажденій [5], и мура, и ладана, 13
и вина, и елея, и пшеницы, и жита, и крупнаго скота, и овецъ, и лошадей, и колесницъ, и человѣческихъ тѣлъ и душъ.

И плодовъ земныхъ, пріятныхъ для души твоей, не 14
стало у тебя, и все пышное и блестящее ушло отъ тебя, и ты уже не найдешь его болѣе!

И станутъ въ отдаленіи всѣ, продававшіе эти то- 15
вары и обогатившіеся отъ тебя, изъ страха подвергнуться твоимъ бѣдствіямъ, плача и рыдая, и говоря:

[4] θυία — кипарисъ.

[5] θυμίαμα — кажденіе, откуда θυμιατήριον — кадильница.

16 — Горе, горе тебѣ, Великая Твердыня, одѣтая въ тонкое полотно, порфиру и багряницу, и украшенная зо-
17 лотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Въ одинъ часъ пропало такое богатство!

И всѣ кормчіе, и корабельщики, и мореходы, и все множество плывущихъ къ ней, встали вдали отъ нея и
18 зарыдали, видя дымъ отъ ея пожара, и говоря:

— Было ли что-нибудь подобное этой Великой Твердынѣ?

19 И посыпали они золой свои головы и восклицали, плача и рыдая:

— Горе, горе тебѣ, Великая Твердыня, отъ роскоши которой обогатились всѣ, владѣющіе судами на морѣ! Опустѣла въ одинъ часъ!

20 [Радуйся объ этомъ небо и всѣ непорочные посланники и провозвѣстники: совершилъ Богъ свой судъ надъ нею!].

21 И одинъ изъ сильныхъ (невидимыхъ во мракѣ ночи) вѣстниковъ взялъ (на берегу) большой, какъ жерновъ, камень и бросилъ его въ море (послышался во тьмѣ всплескъ отъ его паденія) и сказалъ этимъ:

— Съ такой же стремительностью будетъ низвержена Великая Твердыня „Врата Господни“ и болѣе не будетъ ея!

22 И не будетъ въ тебѣ слышно ни звуковъ играющихъ арфистовъ, ни голоса поющихъ, ни трубныхъ звуковъ, ни музыки играющихъ на свирѣляхъ и другихъ инструментахъ! И не будетъ въ тебѣ болѣе никакого художника и художества, и шума жернововъ уже не будетъ
23 болѣе слышно въ тебѣ! Свѣтъ свѣтильника не заблеститъ въ тебѣ, и голосъ жениха и невѣсты не раздастся въ тебѣ, потому что земные вельможи входили съ тобою въ сдѣлки, и смѣсью твоею (въ золотой чашѣ)
24 введены въ заблужденіе всѣ народы. И найдена въ тебѣ кровь всѣхъ провозвѣстниковъ истины и непорочныхъ и всѣхъ замученныхъ за правду на землѣ.

ГЛАВА XIX.

Ночныя грезы Іоанна.

И мнѣ слышался (въ мерцаніи звѣздъ) на небѣ какъ 1
бы гимнъ многочисленнаго народа, говорящаго:

— Хвала создавшему міръ! Счастливое возвращеніе! Слава, почетъ и могущество властелину-нашему Богу! Истинны и справедливы его приговоры! Осудилъ онъ ве- 2
ликую самопродажницу, опозорившую землю, и взыскалъ съ нея за кровь своихъ вѣрныхъ, обагрившую ея руки! И вторично всѣ воскликнули: хвала создав- 3
шему міръ!

И дымъ отъ ея мученій восходилъ (въ видѣ морского тумана) въ вѣчность. А Четыре Животныхъ (времень года) и двадцать четыре Старца-часа преклоня- 4
лись передъ Тономъ на небѣ, говоря этимъ:

— Да будетъ такъ! Хвала Создавшему міръ!

И раздался голосъ отъ созвѣздія Трона: 5

— Хвалите Бога всѣ его слуги и всѣ почитающіе его, малые и великіе!

И мнѣ слышался (въ звукахъ морского прибоя) какъ 6
бы гимнъ многочисленнаго народа, звучавшій какъ шумъ множества волнъ, какъ голосъ могучихъ громовъ:

— Хвала создавшему міръ! Сталъ царемъ надъ нами самъ Богъ всемогущій! Будемъ же радоваться и весе- 7

литься и прославлять его! Вотъ наступила полночь, брачный часъ Овна (время его сентябрьскихъ прохожденій черезъ меридіанъ [1], и жена его (Земля) уже при-

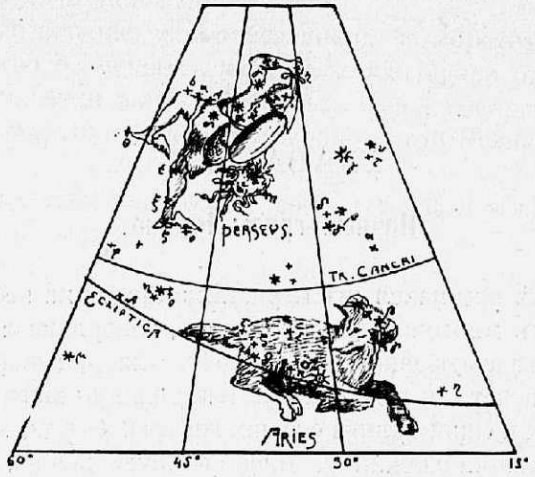


Рис. 50. Прохожденіе Овна черезъ меридіанъ.

8 готовила себя, и окутывается она въ чистый и тонкій покровъ (ночного тумана).

Этотъ покровъ есть символъ непорочности чистыхъ душою.

---

9 И сказалъ мнѣ вѣстникъ (звѣздное небо?):

— Напиши: счастливы тѣ, кто будетъ позванъ на полуденный [2] брачный пиръ Овна (черезъ три съ половиною года). Это истинныя слова божества небесъ.

10 Я упалъ къ его ногамъ, чтобъ поклониться ему, но онъ сказалъ мнѣ:

---

[1] Созвѣздіе Овна проходитъ около полуночи черезъ меридіанъ только въ сентябрѣ.

[2] δεῖπνον — главный полуденный шаръ.

— Не нужно! Я товарищъ тебѣ и твоимъ братьямъ, свидѣтельствующимъ объ Іисусѣ. Богу поклонись, такъ какъ свидѣтельство объ Іисусѣ есть духъ пророчества.

И (перенесшись воображеніемъ черезъ три съ по- 11
ловиною года [3]), увидѣлъ я раскрывшееся небо, и вотъ тамъ бѣлый конь (Юпитеръ), а сидящій на немъ (Овенъ) называется истинный и вѣрный, справедливый на судѣ и въ бою. Его глаза (звѣзды), какъ огненное пламя. 12
На головѣ его много діадемъ (изъ одѣвающихъ его солнечныхъ лучей), и начертаннаго на немъ имени не знаетъ никто, кромѣ его самого.

На немъ одежда, обагренная кровью, а имя его— 13
Слово Бога. Всѣ небесныя воинства (созвѣздія) слѣ- 14
довали за нимъ на своихъ свѣтлыхъ коняхъ, облеченныя въ бѣлые и чистые покровы. Острый мечъ 15
(всемогущаго слова?) исходилъ изъ его устъ, чтобы имъ поразить образопоклонниковъ (господствующей церкви [4]). Онъ пасетъ ихъ желѣзнымъ посохомъ и давитъ въ корытѣ вино гнѣва и возмущенья Бога (на великую самопродажницу) [5]. На бедрѣ его одежды 16

---

[3] Все это опять относится къ Воскресенью 13 марта 399 г., астрологически вычисленному Іоанномъ дню пришествія Іисуса на землю, такъ какъ побѣдоносный бѣлый конь-Юпитеръ (гл. 6, стих. 2), „вышедшій, чтобы побѣдить", будетъ въ это время въ Овнѣ, и Овенъ спустится на немъ на землю.

[4] Въ каноническихъ копіяхъ стоитъ: τὰ ἔθνη, слово, обозначающее у церковныхъ писателей одновременно и народы, и язычниковъ, или идопоклонниковъ. Очень можетъ быть, что здѣсь описка древнихъ переписчиковъ, такъ какъ соотвѣтствующая фраза въ псалмѣ 2-мъ, приписываемомъ легендарному Давиду, скорѣе вставлена въ него изъ апокалипсиса, чѣмъ въ апокалипсисъ изъ него. Апокалипсисъ совершенно оригинальное произведеніе, безъ заимствованій изъ другихъ авторовъ. Притомъ же въ концѣ этой главы (ст. 29) прямо сказано, что убиты были цари и лжепророки, а не цѣлые народы.

[5] Очевидно, ту же самую, о которой говорится въ гл. 14, ст. 20 и гл. 17.

написано его имя: царь царей и властелинъ властелиновъ.

17 И увидѣлъ я (мысленно) одного небеснаго вѣстника (созвѣздіе Персея [6]), стоящаго надъ солнцемъ. И воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ ко всѣмъ птицамъ, летающимъ посреди небесъ (въ созвѣздіяхъ Орла и Ворона?):

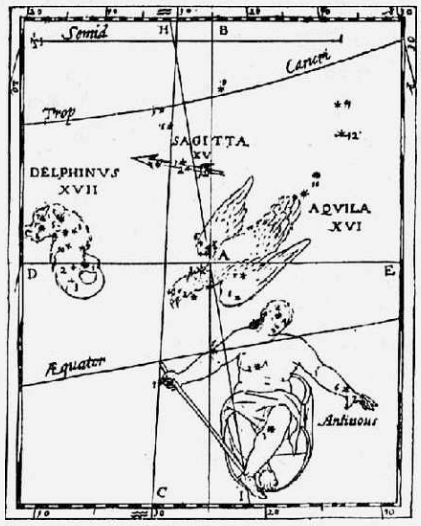


Рис. 51. Созвѣздіе Орла, Дельфина и Антиная (по Гринбергеру).

18 — Летите и собирайтесь на великій божій пиръ! Пожрите трупы царей, трупы полководцевъ, трупы сановниковъ, трупы коней и всадниковъ, и трупы всѣхъ ихъ вольныхъ и рабовъ, и большихъ, и малыхъ!

19 И видѣлъ я звѣря (имперію), и царей земныхъ, и ихъ войска, собранныя, чтобы вести войну съ сидящимъ на конѣ и его воинствами. Но былъ побѣжденъ

20 звѣрь, а съ нимъ и лжепророкъ (союзная ему церковь), устраивавшій чудеса передъ его лицемъ и завлекавшій ими въ свои сѣти всѣхъ, принявшихъ знакъ звѣря (крестъ) и преклонявшихся передъ его изображеніемъ. И оба

[6]) Въ день ожидаемаго Іоанномъ пришествія Іисуса, 13 марта 399 года, Персей долженъ былъ находиться почти надъ солнцемъ.

были живыми выброшены въ лагуну (вечерней зари), пылающую огнемъ и сѣрой. Остальные же были пора- 21

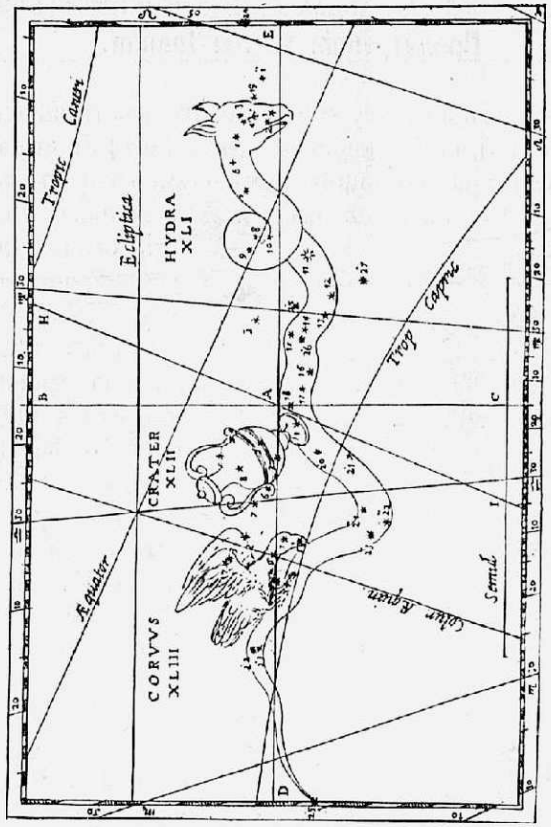


Рис. 52. Созвѣздіе Самка Гидры и Чаша.

жены на смерть мечемъ, выходящимъ изъ устъ сидящаго на конѣ, и всѣ птицы напитались ихъ трупами.

ГЛАВА XX.

Предутреннія мечты Іоанна.

1 И я видѣлъ (въ эту ночь) новаго вѣстника (созвѣздіе Зміеносца), спускающагося (на западѣ) съ высоты небеснаго свода съ большой цѣпью (небеснымъ экваторомъ, рис. 53) на рукѣ его, и владѣющаго ключемъ отъ бездны (Средиземнаго моря, въ глубину котораго онъ

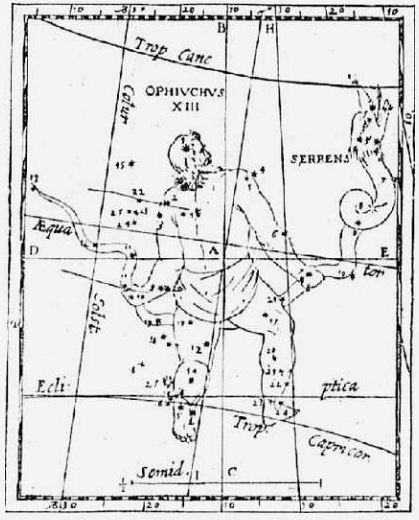


Рис. 53. Созвѣздіе Зміеносца, съ небеснымъ экваторомъ, опоясывающимъ видимый сводъ.

2 заходилъ [1]. Онъ удерживалъ драконовидное чудовище [2] древняго Змѣя, клеветника и преградителя, и связалъ его (небеснымъ экваторомъ?) на тысячу лѣтъ (на всю эту ночь до утра).

3 И погрузилъ его въ бездну моря (куда закатился Змѣй) и замкнулъ въ ней, и наложилъ надъ нимъ печать (морского тумана), чтобы не соблазнялъ болѣе на-

[1] Это было передъ полуночью.

[2] δράκων—змѣй, драконъ, зміевидное чудовище. Изъ рисунка видно, что Іоаннъ предполагаетъ здѣсь не созвѣздіе Дракона, а созвѣздіе Змѣя, котораго удерживаетъ Зміеносецъ.

роды, пока не окончится назначенный ему срокъ [3]. А послѣ этого онъ долженъ быть снова выпущенъ на малое время (долженъ взойти на разсвѣтѣ наступающаго дня для того, чтобъ тотчасъ опять потонуть въ огненномъ сіяніи утренней зари, рис. 54).

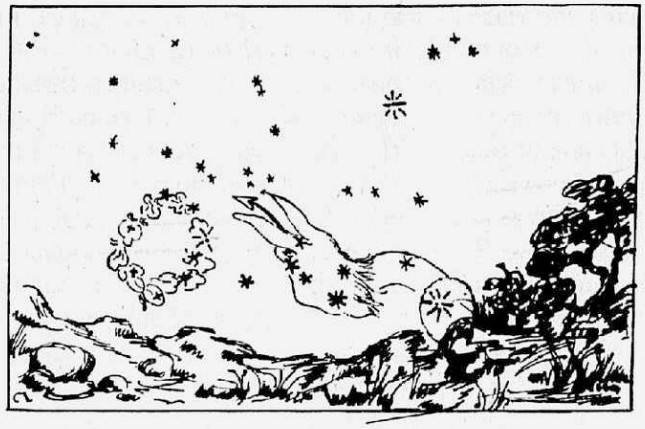


Рис. 54. Восхожденіе Змѣя утромъ 1 октября 399 г. на Патмосѣ.

4 И увидѣлъ я (на снова прояснившемся небѣ) сѣдалища и сидящихъ на нихъ (24 звѣздныхъ часа сутокъ), и дана имъ власть судить людей. И души убитыхъ за провозвѣстничество Іисуса и за божью науку, и души тѣхъ, которые не преклонялись передъ звѣремъ (имперіей) и его изображеніемъ и не приняли его знака (креста) для ношенія на своемъ лбу или правой рукѣ,—всѣ ожили снова (въ видѣ звѣздъ, выступившихъ изъ ночного тумана) и воцарились вмѣстѣ съ Посвященнымъ (Овномъ, не заходившимъ всю эту ночь до восхода солнца) на тысячу лѣтъ (до конца ночи).

[3] Т. е. тысячу лѣтъ, считая, вѣроятно, каждый часъ этой ночи за вѣкъ.

5 Остальные же изъ умершихъ (уже зашедшихъ звѣздъ) не ожили (не взошли снова), пока не окончится
6 этотъ срокъ. Это первое пробужденіе! [4] Счастливы и непорочны участвующіе въ первомъ возрожденіи! [5] Они не умрутъ вторично (не зайдутъ уже болѣе до самаго восхода солнца), но будутъ служителями Бога и Посвященнаго на тысячу лѣтъ.

7 Когда же окончится тысяча лѣтъ (пройдетъ вся эта ночь), тогда освобожденъ будетъ клеветникъ изъ своей темницы (голова Змѣя снова покажется изъ-подъ земли на сѣверо-востокѣ, гдѣ жили въ это время гунны и монголы) и выйдетъ обольщать народы, находящіеся на четвертомъ углу земли, Гога и Магога [6], чтобы вести ихъ на войну. Число же ихъ, какъ песокъ морской.

8 И вышли они на равнину земли (на Заднѣпровскія степи?) и окружили лагерь непорочныхъ и возлюблен-

---

[4] ἀνάστασις — пробужденіе, вставаніе.

[5] ἀναξάσις — возрожденіе.

[6] Въ этомъ мѣстѣ каноническихъ копій, по моему, два искаженія: 1) вмѣсто: „на четвертомъ углу земли“ стоитъ: „на четырехъ углахъ земли“. По астрономическому смыслу даннаго мѣста видно, что дѣло идетъ лишь о сѣверо-восточномъ, четвертомъ отъ древняго Эдема, углѣ земли, предполагавшейся Іоанномъ квадратной. 2) Названія Гогъ и Магогъ передѣланы здѣсь изъ Гунны и Монголы переписчикомъ, слѣдующимъ образомъ:

Τὼγ καὶ Μενώγ = Гогъ и Магогъ.

Γούν καὶ Μογωλ = Гунъ и Моголъ.

Произошло это, вѣроятно, оттого, что почеркъ Іоанна не отличался разборчивостью, особенно въ конечныхъ буквахъ, какъ бываетъ у всѣхъ людей, пишущихъ много и скоро. Въ пользу этого моего предположенія говорятъ и историческіе факты: Гунны (Хун-ну — китайскихъ лѣтописей) наводили въ это время ужасъ на всю сѣверо-восточную часть извѣстной Іоанну земной поверхности. Они внезапно нахлынули на Византійскую Имперію въ 375 г., ровно за 20 лѣтъ до описываемой въ этой книгѣ бури.

ный городъ, но вотъ упалъ огонь съ неба отъ Бога 9
(въ видѣ огненной полосы утренней зари, занявшейся
на сѣверо-востокѣ) и поглотилъ ихъ. А клеветникъ и 10
соблазнитель (созвѣздіе Змѣя) попалъ въ лиманъ, пылающій огнемъ и сѣрой (исчезъ въ этой полосѣ зари), гдѣ были уже (вечеромъ) и звѣрь, и лжепророкъ. И будутъ они мучиться и день, и ночь, въ вѣкахъ вѣковъ.

И представился мнѣ большой свѣтлый престолъ и 11
сидящій на немъ, отъ лица котораго (казалось) бѣжали
небо и земля, и не нашлось имъ мѣста. И представи- 12
лись мнѣ (въ померкшихъ звѣздахъ) умершіе, и малые, и
большіе, стоящіе передъ Богомъ, и развернутые свитки папируса и еще одинъ свитокъ—папирусъ жизни (зодіакальная полоса). И были судимы умершіе по напи-
санному въ этихъ свиткахъ, по своимъ дѣламъ. И отдало 13
море умершихъ въ немъ, а смерть и богъ подземнаго царства [7] отдали своихъ умершихъ, и каждый былъ судимъ по его дѣламъ.

А сами смерть и богъ подземнаго царства, и всѣ, 14
кто не былъ вписанъ въ папирусѣ жизни, были бро- 15
шены въ огненный лиманъ (утренней зари). Вотъ она вторая смерть!

---

[7] ἅδης = ἅϊδης — Гадесъ или Плутонъ, богъ подземнаго царства древнихъ грековъ, откуда въ средніе вѣка произошелъ адъ.

ГЛАВА XXI.

Утро новаго дня. Іоаннъ измѣряетъ тростью, выброшенной ему моремъ, величину вселенной.

1 И увидѣлъ я (въ мерцаніи разсвѣта) новое небо и новую землю, потому что прежнее (вчерашнее) небо и прежняя (вчерашняя) земля уже ушли въ прошлое, и моря передо мной (удалившимся въ глубину острова),
2 уже болѣе нѣтъ. И увидѣлъ я, Іоаннъ, Святую Твердыню—Новое Царство Мира [1] (новую голубую завѣсу неба), спускающуюся съ высоты отъ Бога, какъ невѣста, украшенная для своего жениха.

3 И мнѣ слышался могучій голосъ съ неба, говорящій:

— Вотъ шатеръ Бога и людей. Въ немъ онъ поселится съ ними, они будутъ его народомъ, и самъ, жи-
4 вущій съ ними Богъ, будетъ ихъ божествомъ. И отретъ онъ всякую слезу съ ихъ глазъ, и смерти уже не будетъ. И не будетъ болѣе ни горя, ни рыданій, ни болѣзней, потому что прежнее миновало.

5 И сказалъ мнѣ сидящій на Тронѣ:

— Вотъ видишь, обновляю все... Запиши эти слова: они истинны и вѣрны. Все проходитъ! Я первая и послѣдняя буква алфавита, начало и конецъ. Я напою
6 жаждущаго изъ источника живой воды [2]. Побѣдитель

---

[1] Іерусалимъ по-еврейски значитъ Царство Мира, здѣсь Іоаннъ употребилъ это слово, какъ эпитетъ-орнансъ.

[2] Повидимому, подъ источникомъ живой воды авторъ подразумѣваетъ Млечный Путь, а подъ Побѣдителемъ—Зміеносца, попирающаго ногами Скорпіона. Рис. 55.

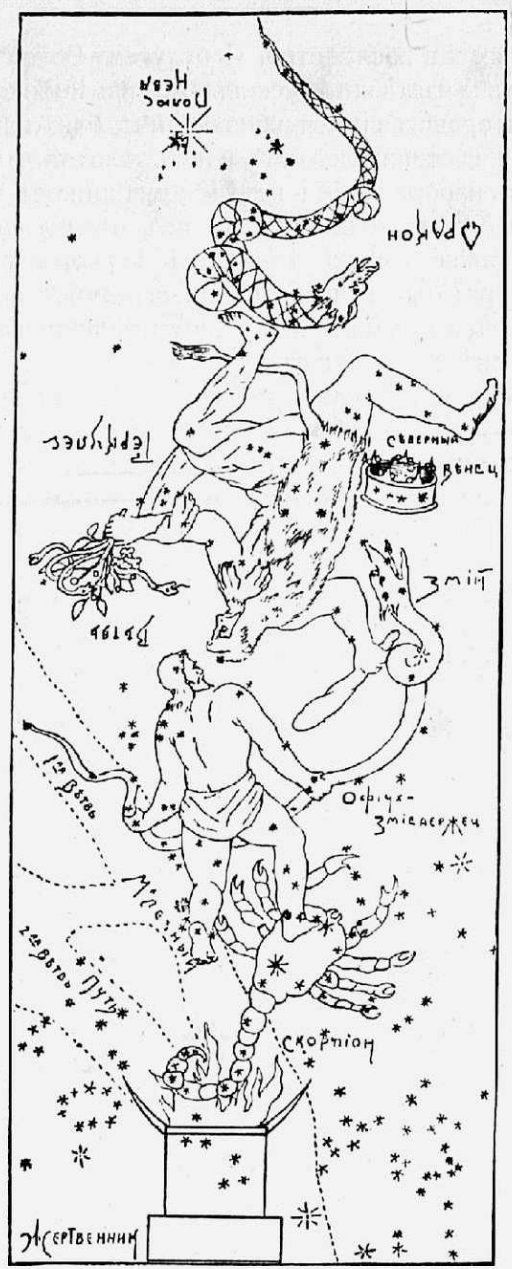


Рис. 55 Созвѣздія: Жертвенникъ, Скорпіонъ, Зміеносецъ, Геркулесъ и Драконъ, въ ихъ послѣдовательности на небѣ.

получитъ все въ наслѣдство. Я буду ему Богомъ, а онъ
8 мнѣ сыномъ. Участь же трусливыхъ и измѣнниковъ, опустившихся нравственно и убивающихъ ближняго, шарлатановъ и составителей смѣси (въ золотой чашѣ), поклонниковъ изображеній и всѣхъ обманщиковъ—лагуна, пылающая огнемъ и сѣрой. Это ихъ вторая смерть!

9 И появился передо мною (въ первомъ розовомъ облачкѣ утра) одинъ изъ семи посланниковъ, выходившихъ (вчера) съ семью послѣдними чашами воздаяній, и началъ мнѣ нашептывать:

— Пойдемъ, я покажу тебѣ невѣсту—жену Овна.

10 И онъ привелъ меня, въ порывѣ вдохновенья, на большой и высокій холмъ и показалъ мнѣ оттуда (въ полумглѣ разсвѣта) всю святую твердыню—Новое Царство Мира (небесную лазурь), спускающуюся съ неба

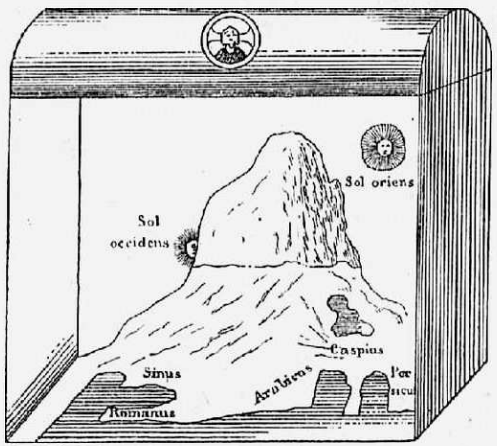


Рис. 56 Вселенная древнихъ христіанъ изъ Cosmas Indicopleustes, 535 г.

11 отъ Бога. На ней лежала слава божья, а свѣтило ея (восходящее солнце) было подобно драгоцѣнному камню, какъ бы красножелтой кристаллической яшмѣ. Ее окру-

жаетъ (за горизонтомъ, рис. 56) большая и высокая 12
стѣна съ двѣнадцатью воротами, на которыхъ находятся двѣнадцать вѣстниковъ (знаковъ зодіака рис. 57), и написаны имена двѣнадцати племенъ Народа-Богоборца [3]. Съ 13
каждой изъ четырехъ странъ свѣта — востока, сѣвера, юга и запада—по трое воротъ. А подъ двѣнадцатью частями стѣны между воротами (у земного горизонта) заложены фундаменты и на нихъ имена двѣнадцати посланниковъ Овна (знаковъ зодіака).

Рис. 57. Астрологическій гороскопъ древнихъ грековъ.

Въ распоряженіи нашептывавшаго мнѣ это имѣлась въ моихъ рукахъ [4] мѣра изъ золотистаго тростника (выброшенная моремъ во время вчераш- 15

---

[3] Ранѣе въ примѣч. 2-мъ къ гл. 7 мы видѣли уже соотношеніе между смысломъ названій 12 племенъ Народа-Богоборца и названіями 12 знаковъ зодіака и 12 астрологическихъ домовъ. Здѣсь, на рис. 57, я привожу образчикъ гороскопа изъ древнихъ астрологій, гдѣ основаніе міра — земля — предполагается четыреугольнымъ. Желающій можетъ внести сюда, какъ это дѣлаетъ Іоаннъ, и 12 племенъ Народа-Богоборца по тому же самому примѣчанію 2 къ гл. 7.

[4] ὁ λαλῶν μετ' ἐμοῦ εἶχε вѣроятно, корректировано не понимавшими смысла переписчиками изъ ὁ λαλῶν εἶχε μετ' ἐμοῦ или изъ ὁ λαλῶν μετ' ἐμοῦ εἶχε μετ' ἐμοῦ, т. е. говорившій со мною имѣлъ черезъ мое посредство золотистый тростникъ (κάλαμον χρυσοῦν).

ней грозы [5]) для измѣренья Святой Твердыни съ ея оградой и воротами (символическимъ образомъ, вѣроятно, на размѣрахъ хлѣбнаго поля по извѣстной притчѣ о
16 пшеницѣ и плевелахъ). Твердыня расположена четыреугольникомъ, длина ея такая же, какъ и ширина (рис. 56). И измѣрилъ ее тростниковый стебель на двѣнадцать тысячъ стадій (считая, вѣроятно, длину тростника за символъ стадіи [6]). Высота твердыни (разстояніе до вер-
17 шины небеснаго свода) такая же, какъ и длина и ширина. И измѣрилъ онъ высоту стѣны (поддерживающей небесный сводъ) въ сто сорокъ четыре локтя (вѣроятно, по высотѣ ограды того же поля, считая толщину стебля за символъ одного локтя). Мѣра же находилась теперь въ распоряженіи человѣка, и была та самая, которая была у вѣстника (выбросившаго этотъ тростникъ во
18 время вчерашней грозы). А стѣна была построена изъ яшмы (кремневыхъ камней), и окруженное ею мѣсто (небесный сводъ) было золотистое и чистое, какъ про-
19 зрачное стекло. Его основанія (въ сіяніи утренней зари) отливали поочередно оттѣнками всевозможныхъ драгоцѣнныхъ камней: оранжевой яшмой, синимъ сапфиромъ, молочно-бѣлымъ халцедономъ, зеленымъ изумру-
20 домъ, бѣлымъ сардониксомъ съ его красными полосами (утренней зари), краснымъ сердоликомъ, желтовато-зеленымъ хризолитомъ, синимъ аквамариномъ, прозрачнымъ топазомъ, зеленоватымъ хризопразомъ, красноватымъ гіацинтомъ и фіолетовымъ аметистомъ [7].

[5] гл. 11, ст. 1.

[6] Стадія равнялась приблизительно 125 шагамъ.

[7] Авторъ, выросшій, очевидно, въ очень богатой семьѣ, такъ хорошо знаетъ оттѣнки всѣхъ драгоцѣнныхъ камней, что довольствуется здѣсь одними ихъ голыми названіями, не замѣчая, что большинству изъ его читателей они неизвѣстны. Вотъ почему я и опредѣлилъ здѣсь прилагательными цвѣтъ каждаго камня, чтобъ читателю была доступна описываемая

А двѣнадцать воротъ (съ земли на небо) — двѣнадцать 21
жемчужинъ. Каждыя ворота изъ одной жемчужины. Площади трердыни (поверхность утренняго неба) были чистое золото, какъ прозрачное стекло. Храма же я не 22
видѣлъ на ней, потому что храмъ ея самъ Богъ всемогущій и Овенъ.

И не имѣетъ она нужды ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ, 23
такъ какъ слава Бога освѣщаетъ ее, и свѣтильникъ ея самъ Овенъ. Толпы спасенныхъ будутъ ходить въ его 24
свѣтѣ [8]. Ея ворота не будутъ запираться днемъ, а 25
ночи тамъ не будетъ. И принесутъ въ нее славу и 26
честь народовъ. И не взойдетъ въ нее ничто нечистое, 27
ничто преданное мерзости и обману, а только тѣ, чьи имена начертаны въ книгѣ жизни у Овна.

Іоанномъ картина неба. Онъ перечисляетъ здѣсь въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ цвѣта горизонта, которые наблюдались имъ утромъ, 1 октября 395 года, начиная съ запада и идя черезъ сѣверъ къ востоку, югу и обратно къ западу.

[8] Сюда перенесенъ кѣмъ-то 26-й стихъ этой самой главы, но только вмѣсто τὰ ἔθνα поставлено οἱ βασιλεῖς, что совершенно противорѣчитъ главѣ 19 ст. 18—19 и др. мѣстамъ въ томъ же родѣ.

ГЛАВА XXII.

Заключеніе.

1 Вѣстникъ, нашептывавшій мнѣ все это, указалъ
мнѣ (на небѣ) свѣтлую рѣку живой воды (Млечный
Путь), прозрачную, какъ кристаллъ, и вытекающую изъ
2 Трона Бога и Овна. Тамъ посреди гладкой поверхности
(небеснаго свода), простираясь съ одной стороны рѣки
на другую (съ сѣвернаго полушарія на южное), нахо-
дится ось жизни (ось вращенія небеснаго свода), двѣ-
надцать разъ въ годъ приносящая дары, на каждый
мѣсяцъ свой особый даръ, и вѣтвями своими (звѣзд-
ными часами) охраняющая народы.

3 И не будетъ уже (на небѣ) ничего проклятаго (ни
Дракона, ни Змѣя и ни какихъ другихъ чудовищъ),
но только Тронъ Бога и Овна, и всѣ вѣрные будутъ
4 служить Богу. И увидятъ его лицо, и имя его будетъ
5 написано на ихъ лицахъ. И ночи тамъ не будетъ, и не
будетъ тамъ нужды ни въ свѣтильникахъ, ни въ сол-
нечномъ свѣтѣ: самъ Богъ освѣтитъ ихъ, и будутъ
они царствовать въ вѣкахъ вѣковъ.

6 — Слова эти истинны и вѣрны, снова сказалъ мнѣ
вѣстникъ. Самъ властелинъ нашъ, Богъ святыхъ про-
возвѣстниковъ, послалъ своего гонца (вчерашнюю бурю)
показать своимъ слугамъ, что должно случиться вскорѣ [1].

---

[1] Здѣсь вставка, нарушающая связность содержанія. Вписано кѣмъ-то: „вотъ приду скоро! Счастливъ соблюдающій пророческія слова этой книги“.

8 И я, Іоаннъ, видѣлъ и слышалъ все это! Я упалъ
къ ногамъ вѣстника, показывавшаго мнѣ всѣ эти
таинственные намеки и знаменья въ при-
родѣ, чтобы поклониться ему, но онъ сказалъ мнѣ:
9

— Смотри, не дѣлай этого, я товарищъ тебѣ и
твоимъ братьямъ, провозвѣстникамъ истины. Преклони-
лись передъ творцомъ міра, и не запечатывай словъ
10 этого пророчества, потому что время его исполненія
11 близко. Несправедливый пусть еще дѣлаетъ несправед-
ливости, нечистый пусть оскверняется еще, добрый же
пусть еще дѣлаетъ добро и чистый душою пусть очи-
шается еще.

12 — Вотъ приду скоро (говоритъ Іисусъ) и всѣмъ
принесу съ собою мое возмездіе и воздамъ каждому по
13 его дѣламъ. Я первая и послѣдняя буква алфавита,
14 начало и конецъ. Счастливы исполняющіе мои завѣты:
ось (міровой) жизни будетъ въ ихъ власти и они вой-
15 дутъ въ твердыню (небесъ) воротами. А всѣ льстецы,
шарлатаны, безнравственные, убійцы и поклонники
изображеній, и всякій любящій и дѣлающій не-
16 правду—будутъ внѣ ея. Я, Іисусъ, послалъ моего вѣст-
ника засвидѣтельствовать все это на собраніяхъ вѣр-
ныхъ. Я корень и потомокъ Любви, звѣзда свѣтлая и
утренняя!

17 И чувство вдохновенья и невѣста (Земля) говорятъ
ему: приди! Пусть же скажетъ и слушающій: приди!
Жаждущій пусть приходитъ и пусть беретъ воду
жизни даромъ!

---

18 И я говорю всякому, слушающему слова этого про-
возвѣстничества: если кто приложитъ къ нимъ что-
нибудь отъ себя, на того Богъ наложитъ всѣ бѣдствія,
19 о которыхъ говорится въ этой книгѣ, а если кто отни-

метъ что-нибудь отъ нихъ, у того Богъ отниметъ участіе въ книгѣ жизни!

20 Сообщающій это говоритъ: ой, приду скоро!
О, приходи, властелинъ нашъ Іисусъ!

21 Да будетъ надъ всѣми вами благосклонность нашего повелителя Іисуса-Посвященнаго!
Да будетъ такъ!

ЧАСТЬ III

КОГДА НАПИСАНО „ОТКРОВЕНІЕ ВЪ ГРОЗѢ И БУРѢ?“ ОПРЕДѢЛЕНІЕ ВРЕМЕНИ ПО ЗАКЛЮЧАЮЩИМСЯ ВЪ НЕМЪ САМОМЪ АСТРОНОМИЧЕСКИМЪ УКАЗАНІЯМЪ.

I.

О томъ, какъ можно опредѣлить простыми астрономическими способами точное время составленія Апокалипсиса.

Когда, во время моего заключенія въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, я въ первый разъ прочелъ Апокалипсисъ [1] и сразу понялъ почти всю его астрономическую и темпестологическую часть совершенно такъ же, какъ она приведена здѣсь въ моемъ переводѣ,—я былъ просто изумленъ и невольно спрашивалъ себя: какимъ образомъ могло случиться, что до сихъ поръ никто не замѣчалъ въ Апокалипсисѣ того, что было такъ ясно для меня [2], несмотря на отвратительный французскій переводъ, по которому я прочелъ эту книгу?

Вѣдь большая часть созвѣздій нашего сѣвернаго неба названа здѣсь прямо по именамъ, или вполнѣ точно описана въ фигурахъ представлявшихъ ихъ животныхъ, имена которыхъ остались за соотвѣтству-

[1] Осенью 1882 г.

[2] Послѣ выхода изъ Шлиссельбургской крѣпости въ Ноябрѣ 1905 года, я разыскалъ въ библіотекѣ Пулковской Обсерваторіи толкованіе Ньютона на Апокалипсисъ (J. Newtoni Opera T. V. Londini 1785) на англійскомъ языкѣ, но не нашелъ въ ней ничего кромѣ мистики. Ньютонъ, по моему глубокому убѣжденію, не могъ не понимать астрономическаго смысла этой книги, но боялся объяснить его своему читателю.

ющими группами звѣздъ и до настоящаго времени. Вездѣ указано, что эти фигуры находятся на звѣздномъ небѣ, да и само это небо, со всѣми его годичными и суточными движеніями описано здѣсь замѣчательно поэтично...

Точно также изъ всѣхъ послѣдовательныхъ картинъ обычнаго развитія грозы не забыта здѣсь ни одна... Здѣсь есть и характерное мертвое затишье въ природѣ въ моментъ приближенія главной грозовой тучи съ ея передовымъ краемъ, завернувшимся внизъ, какъ свитокъ стариннаго папируса, и сама эта туча, и каждый громовой ударъ дальнѣйшихъ тучъ—гонцовъ этой бури, съ усиленнымъ ливнемъ послѣ каждаго удара молніи, — и появленіе радуги, и типическія чудовищныя фигуры разорванныхъ на клочья облаковъ, постоянно появляющіяся послѣ пролета надъ головой наблюдателя первой грозовой тучи, и нѣсколько маленькихъ дополнительныхъ ливней изъ этихъ тучъ... Все это здѣсь описано безъ всякихъ иносказаній и притомъ иногда удивительно художественно.

И не разъ приходило мнѣ въ голову при моихъ одинокихъ размышленіяхъ объ этомъ предметѣ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, какъ мало большинство теологовъ знаетъ о тѣхъ явленіяхъ, которыя творятся надъ ихъ головами, въ этомъ бездонномъ звѣздномъ небѣ, красотой котораго мы такъ часто восхищаемся въ ясныя зимнія ночи.

Я сейчасъ же замѣтилъ, что по положенію конейпланетъ въ созвѣздіяхъ, указанныхъ Іоанномъ, было бы нетрудно вычислить съ астрономической точностью и самое время, когда пронеслась описываемая имъ гроза, ея годъ, и мѣсяцъ, и день, и даже доли дня, для отдѣльныхъ ея періодовъ, съ точностью до получаса... Уже простой расчетъ по теоріи вѣроятностей указывалъ мнѣ, что если картина звѣзднаго неба, такъ подробно

нарисованная Іоанномъ, была его фантазія, то мы не нашли бы ее за весь древній періодъ исторіи, а если она реальность, то нашли бы ее только разъ: въ тотъ самый годъ и день, когда она дѣйствительно была. Но все показывало мнѣ, что книга Іоанна не фантазія, а точный и добросовѣстный разсказъ о томъ, что онъ дѣйствительно наблюдалъ, и что написана книга подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этихъ наблюденій въ слѣдующіе за нимъ дни.

Однако взяться немедленно за вычисленія я не имѣлъ тогда никакой возможности. Въ первые двѣнадцать лѣтъ моего заключенія въ равелинѣ и въ Шлиссельбургской крѣпости не было въ моихъ рукахъ не только употребляемыхъ для этого таблицъ Леверрье, но даже и простыхъ элементовъ планетныхъ орбитъ, при помощи которыхъ можно сдѣлать съ достаточнымъ приближеніемъ подобныя вычисленія.

Только впослѣдствіи, черезъ десятокъ лѣтъ или даже болѣе, у меня явились эти элементы въ добытыхъ мною съ большимъ трудомъ нѣсколькихъ курсахъ астрономіи, но я въ то время былъ уже занятъ другими научными вопросами. Мои равелинскія размышленія объ этой книгѣ постепенно удалялись въ тотъ укромный уголокъ мозга, гдѣ у каждаго изъ насъ хранится куча полузабытыхъ предметовъ, подолгу не привлекающихъ къ себѣ нашего вниманія, а если и привлекающихъ его порой, то не затрагивающихъ уже по своей старости наше мышленіе достаточно сильно, чтобъ побудить насъ на ихъ спеціальную разработку...

Только теперь, въ 1903 году, просьба моей сосѣдки по заключенію (въ Шлиссельбургской крѣпости), Вѣры Николаевны Фигнеръ, написать для нея что-нибудь изъ моихъ размышленій и изслѣдованій, побудила меня не-

много порыться въ своей головѣ и неожиданно для себя извлечь оттуда этотъ полузабытый предметъ [3].

Прежде всего я принялся за вычисленія, чтобъ сначала точно опредѣлить время появленія Апокалипсиса, а затѣмъ уже уяснить себѣ и точный смыслъ нѣкоторыхъ его мѣстъ, касающихся историческихъ событій и жизни данной эпохи, такъ какъ, не зная, когда написана книга, очевидно, нельзя было пытаться уяснить себѣ заключающихся въ ней намековъ на тогдашнія событія. Вычисленія эти я первоначально произвелъ, исходя изъ такъ называемыхъ геліоцентрическихъ положеній каждой изслѣдуемой планеты, т. е. изъ мѣстъ, гдѣ она видна, если бы смотрѣть на нее изъ центра солнца [3]. Затѣмъ я переходилъ путемъ тригонометрическихъ выкладокъ къ ея геоцентрическимъ положеніямъ, т. е. къ тому, гдѣ эта планета была видна въ данное время съ нашей земли. Черезъ нѣсколько недѣль вычисленій этимъ утомительнымъ путемъ я нашелъ, что никогда за всѣ первые восемь вѣковъ нашей эры звѣздное небо не представляло съ о-ва Патмоса такой картины, какая описана Іоанномъ, за исключеніемъ одного единственнаго случая: вечера 30-го сентября 395-го года по Юліанскому стилю. Въ этотъ вечеръ все до мельчайшихъ подробностей было такъ, какъ это указано въ разсматриваемой нами книгѣ. Опредѣлилось даже, что главная туча грозы пронеслась около 3 — 4 часовъ вечера, радуга появилась около 5 часовъ, а послѣднія тучки „съ чашами бѣдствій“ были видны уже въ 7-мъ часу, вскорѣ послѣ заката солнца, совершившагося въ этотъ день приблизительно за четверть часа до шести.

Но этимъ дѣло еще не кончилось. Какъ только все

[3] Вся эта книга написана въ Шлиссельбургской крѣпости. Прибавлены лишь нѣсколько примѣчаній и приложенія въ концѣ.

вычисленіе было сдѣлано и провѣрено, со мной случилось то, что очень часто бываетъ (по крайней мѣрѣ, со мною) въ подобныхъ случаяхъ. Я увидѣлъ, что все это можно было бы въ десять разъ скорѣе вычислить другимъ, упрощеннымъ способомъ, имѣющимъ то преимущество, что всякій, кто знакомъ хотя бы съ элементарными основаніями астрономіи, можетъ его повторить и убѣдиться лично въ справедливости найденной мною даты 30 сентября 395 года, и въ томъ, что она единственная изъ всѣхъ возможныхъ. Вотъ этотъ-то способъ я и укажу теперь читателю, но отнесу его въ особую главу для того, чтобы любитель такого рода вычисленій, или очень интересующійся рѣшеніемъ вопроса о времени Апокалипсиса, произвелъ всѣ выкладки самъ, а тотъ, кто не считаетъ себя компетентнымъ, могъ бы прямо пропустить эту главу и приняться за слѣдующую [4].

[4] Послѣ моего выхода на свободу мои вычисленія были провѣрены пулковскими астрономами М. М. Каменскимъ и Н. М. Ляпинымъ, нашедшими для 30 сентября 395 года тѣ самыя положенія солнца, луны и планетъ, которыя опредѣлилъ и я. Такимъ образомъ, читатель, не знакомый съ астрономіей, можетъ положиться на точность моихъ выводовъ.

II.

Простой способъ опредѣленія времени, когда была написана разсматриваемая нами книга, и нѣсколько простыхъ способовъ провѣрить это опредѣленіе.

Изъ главы 12-й „Откровенія“, гдѣ говорится о **„женщинѣ, одѣтой солнцемъ, внизу ногъ которой была луна“** видно, что солнце въ это время находилось въ созвѣздіи Дѣвы. Другой женщины нѣтъ среди созвѣздій Зодіака. Дальнѣйшія главы говорятъ, что въ этотъ день было новолуніе (острый серпъ, зашедшій вслѣдъ за солнцемъ, въ гл. 14, ст. 15 и др. мѣста). Слѣдовательно, и солнце было въ нижней части ногъ Дѣвы около ея бедра, приблизительно подъ звѣздочкой п-Дѣвы, которая по ко-

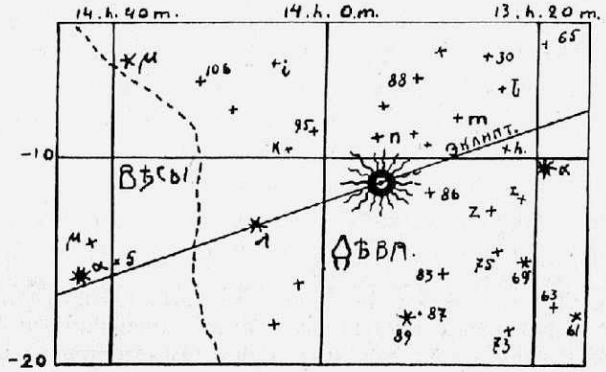


Рис. 58 Положеніе солнца въ созвѣздіи Дѣвы для 30 сентября 395 юліанскаго года.

ординатамъ конца 19-го вѣка приходилась на $13^h\ 48^m$ прямого восхожденія. Въ Петербургскій полдень солнце находилось почти какъ разъ подъ этой же звѣздочкой 10 октября 1895 юліанскаго года, да и теперь бываетъ почти тамъ же (рис. 58) каждый годъ въ это самое число. Но такъ какъ намъ придется оперировать съ годами, отстоящими отъ насъ не менѣе, какъ на 1500 лѣтъ назадъ, то намъ нужно прежде всего опредѣлить, какого числа по юліанскому счисленію солнце находилось ежегодно подъ той же звѣздочкой п—Дѣвы въ первые вѣка нашей эры. Этимъ я прежде всего и занялся и опредѣлилъ, что тогда оно было въ этой самой точкѣ неба ежегодно около 30 сентября по юліанскому стилю.

Это будетъ нашъ исходный пунктъ...

Значитъ, дѣло происходило осенью около 30 сентября. Это указывается не только положеніемъ солнца въ Дѣвѣ, но также и другими мѣстами разсматриваемой книги. Напримѣръ, въ концѣ главы 14-й говорится, что въ это время уже созрѣлъ виноградъ. Поэтому при нашихъ астрономическихъ вычисленіяхъ намъ нѣтъ нужды искать, какія положенія занимала та или другая планета во всѣ остальныя времена года. Намъ нужно знать только ихъ сентябрьско-октябрьскія положенія, какъ будто бы земля никогда и не сдвигалась съ той точки своей орбиты, съ которой солнце видимо подъ звѣздой п-Дѣвы, или, еще лучше, какъ будто бы наблюдатель сорвался съ земного шара 30 сентября въ одно изъ первыхъ столѣтій нашей эры, и все время висѣлъ въ пространствѣ въ этой точкѣ земной орбиты, которую мы назовемъ **апокалиптической точкой.**

Теперь вопросъ о времени появленія „Откровенія въ грозѣ и бурѣ“ рѣшается необыкновенно просто, какъ читатель самъ можетъ увидѣть, если прочтетъ слѣдующія нѣсколько страницъ.

А. — Эпохи прохожденія Сатурна по Скорпіону.

Возьмемъ прежде всего **Сатурна**, извѣстнаго въ астрологіи своими зловѣщими свойствами, **мертвенно-блѣднаго коня**, который, по главѣ 6-й, находился въ астрологическомъ символѣ смерти—**Скорпіонѣ.**

Изъ обычныхъ календарныхъ датъ для этой планеты мы легко опредѣлимъ, что онъ въ послѣдній разъ вступалъ изъ Вѣсовъ въ Скорпіона въ 1897 году и 10 октября того года находился у самой δ-Скорпіоновой клешни. Эта дата и приходится какъ разъ на нашу **апокалиптическую точку** земной орбиты, съ которой солнце видно подъ п-Дѣвы.

Но со времени начала нашей эры до 10 октября 1897-го юліанскаго года прошло 1896 лѣтъ (каждый въ $365^1/_4$ дней) плюсъ 283 дня, т. е. всего 692797 дней.

Очевидно, что если мы будемъ послѣдовательно вычитать изъ этого числа дней по полному звѣздному обращенію Сатурна (= 10759,$_{235}$ дней), то будемъ всегда получать тѣ времена, въ которыя Сатурнъ вступалъ въ клешню Скорпіона для нашего воображаемаго наблюдателя, какъ бы оторвавшагося отъ земного шара и всегда стоящаго на **апокалиптической точкѣ** земной орбиты.

Вычтемъ же сразу изъ найденнаго нами числа дней 64 полныхъ обращенія Сатурна, т. е. 688591 дней, и мы увидимъ, что въ остаткѣ получится 4206 дней, или 11 юліанскихъ лѣтъ и 188,$_{25}$ дней послѣ начала нашей эры.

Это значитъ, что въ 188,$_{25}$ день 12-го года нашей эры Сатурнъ вступалъ въ первый разъ со времени Рождества Христова въ созвѣздіе Скорпіона для нашего наблюдателя, прикованнаго къ своей апокалиптической точкѣ земной орбиты. Когда земля пришла въ эту точку въ концѣ Сентября 12-го года, Сатурнъ все еще оставался въ Скорпіонѣ, потому что для прохожденія одного созвѣздія Зодіака онъ употребляетъ слишкомъ два года. Но въ это время разбираемая нами книга еще не могла быть написана, такъ какъ Іисусъ былъ еще ребенкомъ, а въ книгѣ говорится о немъ, какъ о воскресшемъ послѣ смерти. Значитъ, будемъ прибавлять послѣдовательно къ этой основной датѣ времена полныхъ обращеній Сатурна (т. е. 10759,$_{235}$ дней = = 29 лѣтъ 167 дней), чтобъ узнать дальнѣйшіе сроки его появленій въ Скорпіонѣ.

Тогда легко найдемъ приложенную здѣсь таблицу I.

Таблица I-я.

Юліанскія времена вступленія Сатурна въ созвѣздіе Скорпіона (около δ-Скорпіоновой клешни) для наблюдателя, стоящаго на „**апокалиптической точкѣ**“ земной орбиты, съ которой солнце кажется подъ бедромъ Дѣвы.

1-й	разъ	въ	12-мъ	году	на	188	день	. . . . . (въ іюлѣ).
2-й	„	„	41-мъ	„	„	354	„	. . . . (въ декабрѣ).
3-й	„	„	71-мъ	„	„	156,$_5$	„	. . . . . (въ іюнѣ).
4-й	„	„	100-мъ	„	„	323,$_5$	„	. . . . . (въ ноябрѣ).
5-й	„	„	130-мъ	„	„	125,$_{25}$	„	. . . . . (въ маѣ).
6-й	„	„	159-мъ	„	„	192,$_{25}$	„	. . . (въ октябрѣ).
7-й	„	„	189-мъ	„	„	94	„	. . . . (въ апрѣлѣ)
8-й	„	„	218-мъ	„	„	261	„	. . . (въ сентябрѣ).
9-й	„	„	248-мъ	„	„	62,$_{75}$	„	. . . . (въ мартѣ).
10-й	„	„	277-мъ	„	„	230,$_{75}$	„	. . . (въ августѣ).
11-й	„	„	307-мъ	„	„	31,$_5$	„	. . (въ февралѣ).
12-й	„	„	336-мъ	„	„	198,$_5$	„	. . . . . (въ іюлѣ).
13-й	„	„	365-мъ	„	„	364,$_5$	„	. . . . (въ декабрѣ).
14-й	„	„	395-мъ	„	„	166,$_{25}$	„	. . . . . (16 іюня).

Такъ какъ Сатурнъ проходитъ фигуру Скорпіона въ годъ, а затѣмъ оказывается уже въ Зміеносцѣ, а черезъ два года переходитъ въ Стрѣльца, то, очевидно, что книга Іоанна могла быть написана только въ слѣдующій за этими датами Сентябрь, или же въ Сентябрѣ слѣдующаго за нимъ года (если захотимъ исключить Зміеносца изъ созвѣздій Зодіака), потому что во всѣ

остальные годы Сатурнъ находился въ другихъ созвѣздіяхъ. Отсюда получимъ:

Результатъ I-й.

Если апокалипсисъ былъ написанъ въ первые четыре вѣка нашей эры, то это, по Сатурну, могло быть лишь въ слѣдующіе годы:

12-13; 42-43; 71-72; 101-102; 130-131; 160-161; 189-190; 218-220; 248-249; 277-279; 307-308; 336-337; 395 гг.

В. — Эпохи прохожденія Юпитера по Стрѣльцу.

Воспользуемся и для **Юпитера** тѣмъ же методомъ. Изъ приведеннаго нами рисунка неба (фиг. 5-я стр. 12) съ вычерченнымъ на немъ путемъ Юпитера, или изъ соотвѣтствующей календарной даты видно, что 10 октября 1889 г. онъ проэктировался съ земли почти прямо надъ λ-Стрѣльца [1], т. е. около $18^h\ 23^m$ по координатамъ этого времени. Но именно здѣсь и начинается лукъ фигуры Стрѣльца. Пока планета не перешла за эту точку, она еще не вошла въ Стрѣльца.

У Іоанна Юпитеръ названъ **свѣтлымъ** (λευκός) конемъ, и затѣмъ сказано въ главѣ 6-й, что „у сидящаго на ярко-бѣломъ конѣ былъ въ рукахъ лукъ“ и что кромѣ того „былъ ему данъ вѣнецъ“. Никакой другой фигуры съ лукомъ и вѣнцомъ, кромѣ одного Стрѣльца, нѣтъ среди созвѣздій Зодіака. Значитъ, дѣло идетъ несомнѣнно о Стрѣльцѣ. Точно также и ярко-бѣлой (λευκός) планеты нѣтъ въ солнечной системѣ

[1] На рисункахъ 4, 5 и 6 (стр. 12 — 13) времена показаны по новому стилю и потому надъ λ-Стрѣльца Юпитеръ приходился не 10 октября, а 28 сентября.

никакой, кромѣ Юпитера и Венеры. Но Венера никогда не удаляется на такое разстояніе отъ солнца, чтобы быть въ Стрѣльцѣ, когда солнце находится въ Дѣвѣ, какъ это указано въ гл. 12, гдѣ говорится о „женщинѣ, одѣтой солнцемъ“. Значитъ, дѣло идетъ несомнѣнно о Юпитерѣ, что подтверждается и даннымъ ему эпитетомъ „побѣдоносный“.

Расчислимъ же теперь, когда Юпитеръ переходилъ за λ-Стрѣльца, т. е. вступалъ въ Стрѣльца въ первые четыре вѣка христіанства. Въ 1889 юліанскомъ году, какъ мы уже сказали, это было геоцентрически около 10 октября, а солнце въ этотъ моментъ проектировалось какъ разъ на бедро Дѣвы, согласно съ указаніями Іоанна въ главѣ 12-й (стих. 1). Значитъ, мы имѣемъ въ этомъ случаѣ какъ разъ входъ Юпитера въ Стрѣльца для наблюдателя, стоящаго **„на вышеозначенной апокалиптической точкѣ“** земной орбиты, точкѣ, которую земля проходила въ первые вѣка около 30 сентября.

До 10 октября 1889-го юліанскаго года прошло 1888 лѣтъ и 283 дня, т. е. 689875 дней. Очевидно, что если и здѣсь мы поступимъ такъ же, какъ съ Сатурномъ, т. е. вычтемъ изъ этого числа дней одно или нѣсколько полныхъ звѣздныхъ оборотовъ Юпитера, то остатокъ укажетъ намъ достаточно-точную дату для какого-либо изъ предыдущихъ вступленій Юпитера въ Стрѣльца.

Вычтемъ, напримѣръ, 159 полныхъ оборотовъ Юпитера, т. е. 688881 день. Въ остаткѣ окажется 994 дня, т. е. 2 года и $263{,}^5$ дней. Это значитъ, что въ первый разъ со времени Рождества Христова Юпитеръ входилъ въ Стрѣльца на $263{,}^5$ день 3-го года нашей эры. Если къ этой датѣ мы будемъ послѣдовательно прибавлять по одному звѣздному обращенію Юпитера ($=4332{,}^{589}$ дней $= 11$ юліанскихъ лѣтъ и $314{,}^{833}$ дней), то и полу-

чимъ всѣ послѣдующія даты, какъ они показаны на прилагаемой таблицѣ II-й.

Таблица II-я.

Юліанскія времена вхожденія Юпитера въ фигуру Стрѣльца, мимо λ его лука, для наблюдателя, стоящаго на **апоналиптической** точкѣ земной орбиты.

1-й	разъ	въ	3-мъ	году	на	263,5	день	(въ сент.).
2-й	„	„	15-мъ	„	„	213,085	„	(„ авг).
3-й	„	„	27-мъ	„	„	162,660	„	(„ іюнѣ).
4-й	„	„	39-мъ	„	„	111,050	„	(„ апр.).
5-й	„	„	51-мъ	„	„	61,235	„	(„ мар.).
6-й	„	„	63-мъ	„	„	10,820	„	(„ янв.).
7-й	„	„	74-мъ	„	„	325,055	„	(„ нояб.).
8-й	„	„	86-мъ	„	„	275,240	„	(„ сент.).
9-й	„	„	98-мъ	„	„	224,825	„	(„ авг.).
10-й	„	„	110-мъ	„	„	174,410	„	(„ іюнѣ).
11-й	„	„	122-мъ	„	„	123,995	„	(„ маѣ).
12-й	„	„	134-мъ	„	„	73,580	„	(„ мар.).
13-й	„	„	146-мъ	„	„	23,165	„	(„ янв.).
14-й	„	„	157-мъ	„	„	338,000	„	(„ дек.).
15-й	„	„	169-мъ	„	„	287,585	„	(„ окт.).
16-й	„	„	181-мъ	„	„	236,170	„	(„ авг.).
17-й	„	„	193-мъ	„	„	185,755	„	(„ іюль).
18-й	„	„	205-мъ	„	„	135,340	„	(„ май).
19-й	„	„	217-мъ	„	„	84,925	„	(„ мар).
20-й	„	„	229-мъ	„	„	34,510	„	(„ февр.).
21-й	„	„	240 мъ	„	„	349,345	„	(„ дек.).
22-й	„	„	252-мъ	„	„	298,930	„	(„ окт.).
23-й	„	„	264-мъ	„	„	248,515	„	(„ сент.).
24-й	„	„	276-мъ	„	„	198,100	„	(„ іюль).
25-й	„	„	288-мъ	„	„	147,685	„	(„ маѣ).
26-й	„	„	300-мъ	„	„	97,270	„	(„ апр.).
27-й	„	„	312-мъ	„	„	46,885	„	(„ февр.).
28-й	„	„	323-мъ	„	„	361,690	„	(„ дек.).
29-й	„	„	335-мъ	„	„	311,275	„	(„ нояб.).
30-й	„	„	347-мъ	„	„	260,860	„	(„ сент.).
31-й	„	„	359-мъ	„	„	210,445	„	(„ іюлѣ).
32-й	„	„	371-мъ	„	„	160,030	„	(„ іюнь).
33-й	„	„	383-мъ	„	„	109,615	„	(„ апр.).
34-й	„	„	395-мъ	„	„	59,200	„	(„ мартѣ.)

Такъ какъ Юпитеръ, если его наблюдать съ той же точки земной орбиты, никогда не остается въ одномъ созвѣздіи болѣе $11^1/_2$ мѣсяцевъ, то онъ могъ быть въ Стрѣльцѣ только въ тѣ изъ сентябрей и октябрей первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства, которые непосредственно слѣдуютъ за данными въ этой таблицѣ датами. Отсюда находимъ

Результатъ 2-й.

Если апокалипсисъ былъ написанъ въ первые четыре вѣка христіанской эры, то, по Юпитеру, это могло быть только въ слѣдующіе годы:

въ 3, 15, 27, 39, 51, 63, 75, 86, 98, 110, 122, 134, 146, 158, 170, 181, 193, 205, 217, 229, 241, 253, 264, 276, 288, 300, 312, 324, 336, (на выходѣ) 347, 359, 371, 383, 395 гг.

С. — Когда Юпитеръ былъ въ Стрѣльцѣ, а Сатурнъ въ Скорпіонѣ, одновременно съ пребываніемъ солнца въ Дѣвѣ?

Сопоставимъ теперь въ хронологическомъ порядкѣ полученныя нами (въ результатѣ 1-мъ этой главы) годы пребыванія Сатурна въ Скорпіонѣ съ годами пребыванія Юпитера въ Стрѣльцѣ (результатъ 2-й) для наблюдателя, всегда стоящаго на апокалиптической точкѣ земной орбиты, которую проходила наша планета въ первые вѣка христіанства около 30 сентября. Тогда мы получимъ приложенную таблицу 3-ю.

Таблица III-я,

показывающая, что въ продолженіе первыхъ четырехъ вѣковъ нашей эры одновременное пребываніе Сатурна въ Скорпіонѣ и Юпитера въ Стрѣльцѣ въ осеннее время было только въ 4-мъ вѣкѣ, въ 395 году.

(Непримѣнимость 336 года показана въ текстѣ).

I Въ какіе годы Юпитеръ былъ видѣнъ въ Стрѣльцѣ?	II Въ какіе годы Сатурнъ былъ видѣнъ въ Скорпіонѣ?
1-й вѣкъ.	
Въ 3-мъ	
	Въ 12-мъ
	„ 13-мъ
„ 15-мъ	
„ 27-мъ	
„ 39-мъ	
	„ 42-мъ
	„ 43-мъ
„ 51-мъ	
„ 63-мъ	
	„ 71-мъ
	„ 72-мъ
„ 75-мъ	
„ 86-мъ	
„ 98-мъ	
2-й вѣкъ.	
	Въ 101-мъ
	„ 102-мъ
Въ 110-мъ	
„ 122-мъ	
	„ 130-мъ
	„ 131-мъ
„ 134-мъ	
„ 146-мъ	
„ 158-мъ	
	„ 160-мъ
	„ 161-мъ
„ 170-мъ	
„ 181-мъ	
	„ 189-мъ
	„ 190-мъ
„ 193-мъ	

I Въ какіе годы Юпитеръ былъ видѣнъ въ Стрѣльцѣ?	II Въ какіе годы Сатурнъ былъ видѣнъ въ Скорпіонѣ?
3-й вѣкъ.	
Въ 205-мъ	
„ 217-мъ	
	Въ 218-мъ
	„ 219-мъ
	„ 220-мъ
„ 229-мъ	
„ 241-мъ	
	„ 248-мъ
	„ 249-мъ
„ 253-мъ	
„ 264-мъ	
„ 276-мъ	
	„ 277-мъ
	„ 278-мъ
„ 288-мъ	„ 279-мъ
„ 300-мъ	
4-й вѣкъ.	
	Въ 307-мъ
	„ 308-мъ
Въ 312-мъ	
„ 324-мъ	
„ 336-мъ на выходѣ.	„ 336-мъ на входѣ.
	Въ 337-мъ
Въ 347-мъ	
„ 359-мъ	
	„ 366-мъ
	„ 367-мъ
„ 371-мъ	
„ 383-мъ	
„ 395-мъ	„ 395-мъ

Присмотритесь къ этой таблицѣ, и вы замѣтите на ней очень любопытную вещь: во всѣ первые три съ четвертью столѣтія послѣ Рождества Христова не было ни одного случая, когда Юпитеръ оказался бы въ Стрѣльцѣ одновременно съ пребываніемъ Сатурна въ Скорпіонѣ, какъ это требуется въ главѣ 6 (стих. 8 и 2) Апокалипсиса. Каждый годъ, когда Сатурнъ оказывался въ Скорпіонѣ, Юпитера не было въ Стрѣльцѣ, и наоборотъ!

Только въ 336 году мы въ первый разъ встрѣчаемъ слабый намекъ на такое совпаденіе, но и эта дата не пригодна, такъ какъ, при болѣе детальномъ опредѣленіи, оказалось (какъ и по простому сопоставленію нашихъ таблицъ, приведенныхъ здѣсь для обоихъ планетъ), что въ 336 году Юпитеръ уже вышелъ изъ плаща Стрѣльца и находился въ промежуткѣ между нимъ и Козерогомъ. Положеніе Марса тоже оказалось не удовлетворительнымъ для этого года, и только 395-й годъ за всѣ четыре вѣка оказался вполнѣ точно приспособленнымъ для Апокалипсиса, во всѣхъ астрономическихъ отношеніяхъ [2].

Значитъ, буря съ землетрясеніемъ, о которой здѣсь говорится, пронеслась около 30 сентября 395 юліанскаго года, и не могла быть даже и на нѣсколько дней ранѣе или позднѣе этой даты.

---

[2] По координатамъ 1095 года, на основаніи вычисленій по таблицамъ Леверрье получаются для 30 сентября 395 года положенія:

Юпитеръ: $\alpha = 292^0\ 2'$ ($19^h\ 28^m\ 1$) и $\delta = -22^0\ 29'$

Сатурнъ: $\alpha = 241^0\ 17'$ ($16^h\ 5^m\ 1$) и $\delta = -19^0\ 4'$

См. приложеніе къ этой книгѣ.

III.

Другіе астрономическіе способы, которыми получается та же самая дата для времени возникновенія Апокалипсиса и подтверждается предыдущее вычисленіе.

Итакъ, время возникновенія книги Іоанна записано, такъ сказать, неизгладимыми буквами на самомъ небѣ, котораго еще никто не имѣлъ возможности поддѣлать для подтвержденія своихъ взглядовъ при политическихъ или религіозныхъ распряхъ среднихъ вѣковъ, когда разгоряченныя или фанатизированныя головы, желая во что бы то ни стало настоять на своемъ, не пренебрегали никакими средствами и завалили насъ цѣлыми грудами подложныхъ документовъ.

Но интереснѣе всего то, что въ данномъ случаѣ мы можемъ опредѣлить ту же самую дату не только однимъ приведеннымъ мною способомъ, но и другими, тоже астрономическими, средствами, независимыми отъ перваго. Можно, напримѣръ, движенія Юпитера, которыми я воспользовался выше, замѣнить независимыми отъ него перемѣщеніями Марса (огненно-краснаго коня подъ Персеемъ, о которомъ говорится въ главѣ 6-й) и перемѣщеніями Луны, для которой указано въ главѣ 12 новолуніе, и въ результатѣ мы получимъ опять ту же самую дату 30 сентября 395 года. Іоаннъ, какъ будто предчувствовалъ, что время его книги можетъ быть затеряно или поддѣлано, а потому и далъ на этотъ случай цѣлый рядъ замаскированныхъ лишь

для непосвященнаго астрономическихъ указаній, при помощи которыхъ было бы возможно не только опредѣлить истинное время его произведенія, но и подтвердить его нѣсколькими астрономическими путями.

Вотъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ этихъ удостовѣреній.

1-е удостовѣреніе. Въ главѣ 1-й сказано, что описываемая гроза произошла въ воскресенье. Какой день недѣли было 30 сентября 395 года? Примѣняя обыкновенныя таблички, помѣщаемыя во всѣхъ подробныхъ календаряхъ для опредѣленія дня недѣли въ любое число юліанскаго мѣсяца, находимъ безъ труда: 30-е сентября 395 юліанскаго года именно и было воскресенье.

2-е удостовѣреніе. Въ главѣ 6-й сказано, что у сидящаго надъ огненно-краснымъ конемъ (т. е. единственной огненно-красной планетой, Марсомъ) былъ въ рукѣ большой мечъ. Изъ всѣхъ фигуръ астрономическихъ созвѣздій надъ эклиптикой мечемъ обладаетъ одинъ Персей. Слѣдовательно, Марсъ былъ подъ Персеемъ въ то время, когда Іоаннъ производилъ свои наблюденія. Значитъ, если найденная нами дата вѣрна, то такъ и окажется, а если нѣтъ, то уже простой разсчетъ по теоріи вѣроятностей говоритъ, что на случайное совпаденіе здѣсь нельзя надѣяться.

Употребляя тотъ же методъ вычисленія, какой я объяснялъ на примѣрѣ Юпитера и Сатурна, я нашелъ, что 30 сентября 395 года Марсъ былъ видимъ съ земли подъ 34° долготы по современнымъ координатамъ, т. е. въ груди Овна (рис. 59).

Возможная ошибка не превышаетъ здѣсь трехъ градусовъ долготы [3], и она для насъ совершенно безраз-

[3] Провѣрявшіе мои вычисленія по таблицамъ Леверрье пулковскіе астрономы М. М. Каменскій и Н. М. Ляпинъ нашли долготу Марса 32°52′, т. е. менѣе, чѣмъ я, на 1°8′, что объясняется сильными неравномѣрностями въ движеніи Марса.

(Позднѣйшее примѣчаніе).

лична, такъ какъ Марсъ все таки остается подъ Персеемъ, прикрывающимъ сверху всего Овна.

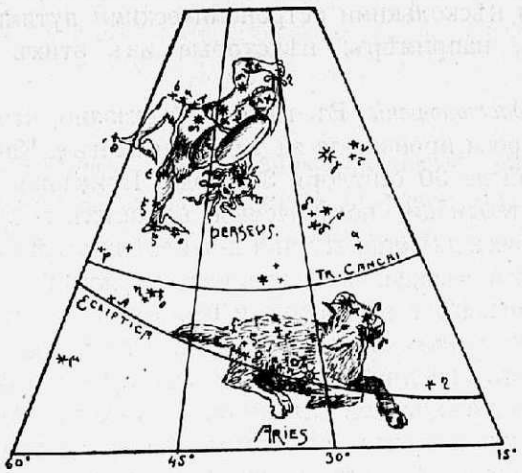


Рис. 59. Марсъ подъ Персеемъ въ Овнѣ.

Итакъ, положеніе Марса тоже удостовѣряетъ справедливость нашего перваго опредѣленія, что книга Іоанна писана осенью 395 года, потому что весь сентябрь этого года Марсъ шелъ по Овну, направляясь отъ Тельца къ Рыбамъ попятнымъ движеніемъ, для того, чтобъ, прекративъ его послѣ выхода изъ Овна въ Рыбы, снова повернуть назадъ и пройти въ слѣдующіе мѣсяцы подъ тѣмъ же Персеемъ изъ Овна въ Тельца прямымъ движеніемъ. Но почему же авторъ не сказалъ прямо, что на огненнокрасномъ конѣ-Марсѣ сидѣлъ Овенъ, а предпочелъ назвать фигуру, сидящую надъ Овномъ?

Прежде всего потому, что онъ принималъ сближеніе Персея съ конемъ войны—Марсомъ—за символъ близкаго нашествія Персовъ, такъ какъ въ главѣ 16-й

прямо говоритъ, что высохла вода въ великой рѣкѣ Евфратѣ для того, чтобы приготовить путь восточнымъ царямъ, первыми изъ которыхъ и являлись персидскіе. Съ другой стороны, въ моментъ наблюденія Іоанна, т. е. около 4—5 часовъ вечера 30 сентября 395 юліанскаго года, Овенъ вмѣстѣ съ Марсомъ былъ еще скрытъ подъ горизонтомъ, готовясь къ восходу, и его положеніе опредѣлялось по Персею, какъ бы лежавшему на этой самой части горизонта. Очень вѣроятно и вполнѣ согласно съ мистическимъ настроеніемъ автора, что онъ счелъ это за прямое указаніе съ неба не говорить, что Марсъ былъ въ Овнѣ, а опредѣлить его мѣсто именно по тому изъ лежащихъ надъ нимъ созвѣздій, которое уже находилось надъ горизонтомъ. Однако косвенные намеки, что Марсъ былъ въ Овнѣ, имѣются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги. Присутствіе въ немъ этой планеты гнѣва и войнъ и должно было дать Іоанну поводъ къ заключенію, что „Заколотый Овенъ“, наконецъ, разгнѣванъ и выступаетъ на войну противъ своихъ враговъ, и что война его должна будетъ окончиться черезъ $3^1/_2$ года, когда въ это же созвѣздіе войдетъ „побѣдоносный яркій конь“ Юпитеръ.

Но какова ни была бы въ глазахъ читателя цѣнность этихъ моихъ соображеній, фактъ остается фактомъ: Марсъ указанъ подъ Персеемъ, и мы нашли его тамъ въ установленную другими путями дату.

3-е удостовѣреніе. Меркурій въ главѣ 6-й названъ темнымъ конемъ (ἵππος μέλας—темный, мрачный, мутный конь). Ни къ какой другой планетѣ такой эпитетъ не можетъ относиться, къ Меркурію же онъ вполнѣ подходитъ. Это самая малая изъ всѣхъ пяти, извѣстныхъ древнимъ, планетъ, и въ полномъ смыслѣ планета-невидимка. Простымъ глазомъ ее можно наблюдать въ умѣренныхъ поясахъ земли лишь при исключительныхъ условіяхъ, изрѣдка осенью передъ восходомъ

солнца, или весной тотчасъ по закатѣ солнца, да и то лишь на нѣсколько минутъ, потому что она скоро тухнетъ въ лучахъ зари. Многимъ астрономамъ сѣверныхъ странъ никогда не удавалось видѣть Меркурія простымъ глазомъ. На Средиземномъ же морѣ, гдѣ атмосферическія условія лучше, ее время отъ времени можно видѣть, хотя и не каждый годъ.

Такъ какъ наблюденія Іоанна производились въ осеннее время (когда солнце бываетъ въ созвѣздіи Дѣвы), то онъ не могъ видѣть вечеромъ Меркурія, потому что въ это время Меркурій бываетъ (даже въ случаѣ наибольшаго удаленія отъ солнца) очень низко надъ горизонтомъ и теряется въ лучахъ вечерней зари. Вотъ почему онъ и названъ здѣсь темнымъ, т. е. невидимымъ конемъ, подобно тому, какъ темная луна бываетъ невидима во время новолуній. Но Іоаннъ, какъ жившій послѣ знаменитаго астронома Птоломея, имѣлъ уже вполнѣ пригодные способы для опредѣленія положенія этой планеты среди созвѣздій Зодіака для любой недѣли. Положеніе это онъ и указываетъ очень точно въ той же главѣ 6-й, говоря, что у сидящаго надъ темнымъ конемъ были въ рукѣ Вѣсы (ζυγός—коромысло). Это самое слово—ζυγός — и употреблялось въ греческой астрономіи и астрологіи для обозначенія созвѣздія Вѣсовъ, такъ что никакихъ недоразумѣній здѣсь быть не можетъ. А подъ сидящимъ надъ темнымъ конемъ подразумѣвается, очевидно, созвѣздіе Змѣя, находящееся прямо надъ Вѣсами.

Въ той же самой главѣ 6-й, какъ бы во избѣжаніе даже тѣни недоразумѣнія относительно природы темнаго коня, упоминается и его астрологическая спеціальность. Меркурій въ миѳологіи—богъ торговли, поэтому вполнѣ понятно и данное ему повелѣніе: „Дневная порція хлѣба за динарій, и за динарій же три дневныхъ порціи ячменя! Но масла и вина не повреждай".

Съ такимъ повелѣніемъ можно было обращаться только къ одной планетѣ—Меркурію.

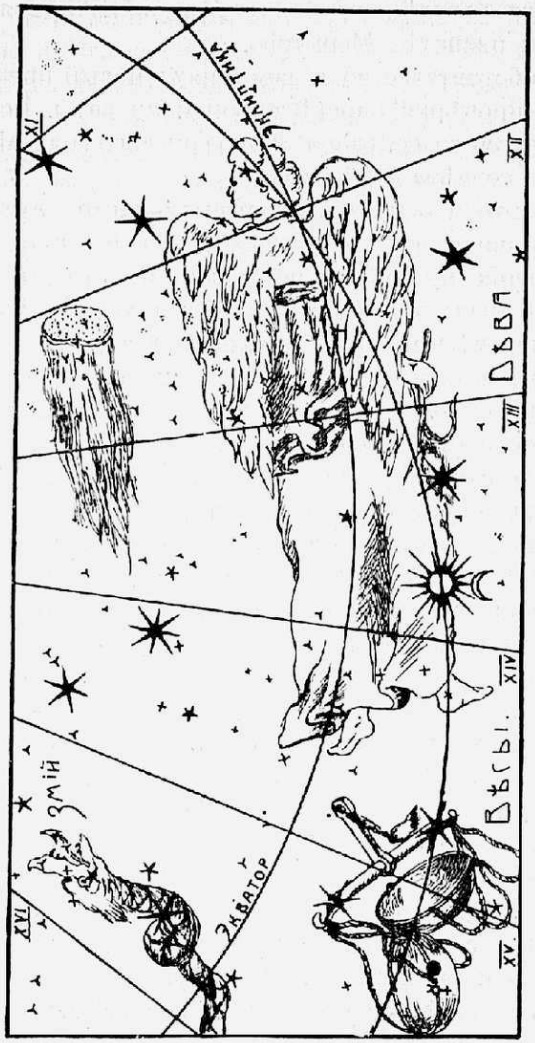
Это обстоятельство и даетъ намъ новый прекрасный способъ провѣрки опредѣленной нами даты. Если дата вѣрна, то 30-го сентября 395 юліанскаго года Меркурій былъ въ созвѣздіи Вѣсовъ.

Такъ это и было въ дѣйствительности. Астрономическія вычисленія, сдѣланныя мною по цикламъ его прохожденія по солнцу, показали, что въ этотъ день Меркурій былъ въ глубинѣ созвѣздія Вѣсовъ. Онъ готовился перемѣнить свое прямое движеніе на обратное, на пути къ своему нижнему соединенію съ солнцемъ, находившимся, какъ мы уже знаемъ, около бедра Дѣвы, по близости отъ Вѣсовъ [4].

4-е удостовѣреніе. О лунѣ сказано въ главѣ 12 совершенно опредѣленно и притомъ безъ всякихъ иносказаній. Тамъ прямо говорится, что внизу ногъ Дѣвы была луна. Это указываетъ на новолуніе въ тотъ же самый день 30 сентября 395 года, потому что луна движется очень быстро и проходитъ въ сутки около $13^1/_2{}^0$, а солнце по дальнѣйшимъ указаніямъ находилось въ это время уже въ бедрѣ Дѣвы. Даже въ самый моментъ новолунія можно было сказать, что луна находилась „внизу ногъ" Дѣвы, такъ какъ по склоненію она была дѣйствительно въ нижней ихъ части по направленію къ горизонту (фиг. 60).

Итакъ, скажемъ мы снова, если опредѣленная нами ранѣе дата вѣрна, то 30-го сентября 395 года было новолуніе, а если мы опредѣлили эту дату ошибочно, то нечего и расчитывать на случайное совпаденіе, потому что новолунія бываютъ не каждый день. Дѣйстви-

[4] Вычисленія провѣрявшихъ меня пулковскихъ астрономовъ дали для Меркурія очень близкую къ моей величину: $\alpha = 299^{0}3' = 15^{h}\ 16^{m}2$, и $\beta = -3^{0}1$, какъ разъ въ глубинѣ Вѣсовъ.



Фиг. 60. Положеніе солнца и луны 30 сентября 395 года (луна показана нѣсколько южнѣе солнца).

тельно вычисленіе по цикламъ затменій сейчасъ же показало мнѣ, что въ этотъ день и было новолуніе.

Такимъ образомъ, изслѣдованіе пути луны снова удостовѣряетъ насъ въ справедливости нашего первоначальнаго опредѣленія времени появленія Апокалипсиса. И притомъ еще какъ удостовѣряетъ! Оно неожиданно даетъ намъ разгадку нѣкоторыхъ темныхъ выраженій, находящихся въ двухъ мѣстахъ этой книги.

Когда я въ первый разъ прочелъ въ концѣ главы шестой фразу: „и солнце стало мрачно, какъ волосяной мѣшокъ [5], а луна (темная по причинѣ новолунія) вся цѣликомъ [6], какъ кровавое пятно“, и „звѣзды небесныя попàдали [7] на землю“,—мнѣ сразу пришло въ голову, что здѣсь говорится о солнечномъ затменіи. Къ тому же самому заключенію приводилъ и конецъ главы восьмой, гдѣ говорится: „и поражена была третья часть солнца и третья часть луны“.

Вотъ почему, рѣшивъ вопросъ о томъ, что 30-го сентября 395 года дѣйствительно былъ моментъ новолунія, я сейчасъ же воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобъ посмотрѣть, не сопровождался ли этотъ моментъ солнечнымъ затменіемъ. Въ данномъ случаѣ вопросъ рѣшался очень просто. Въ имѣвшемся у меня журналѣ Knowledge, vol. 26, находилась точная формула для опредѣленія положенія луны для всякаго времени, и я вычислилъ по ней, что вечеромъ 30 сен-

---

[5] σάκκος τρίχινος — волосяная сумка.

[6] ὅλη — вся, цѣлая.

[7] ἔπεσαν εἰς τὴν γῆν испорчено переписчиками изъ ἐπῆεσαν εἰς τὴν γῆν — выступали предъ землею, прошедшее несовершеное отъ ἔπειμι — предстаю предъ кѣмъ, выступаю впередъ, приближаюсь къ чему-либо, а εἰς — означаетъ: при, противъ, въ присутствіи, на, въ. Производить отъ πίπτω — падаю — здѣсь неудобно.

тября дѣйствительно было кольцеобразное солнечное затменіе, проходившее черезъ Южную Америку [4].

Съ этого мгновенія стали для меня ясны и вышеприведенныя двѣ загадочныя фразы. Какъ одинъ изъ усерднѣйшихъ астрономовъ и астрологовъ своего времени, Іоаннъ, не могъ не знать Саросскаго цикла за-

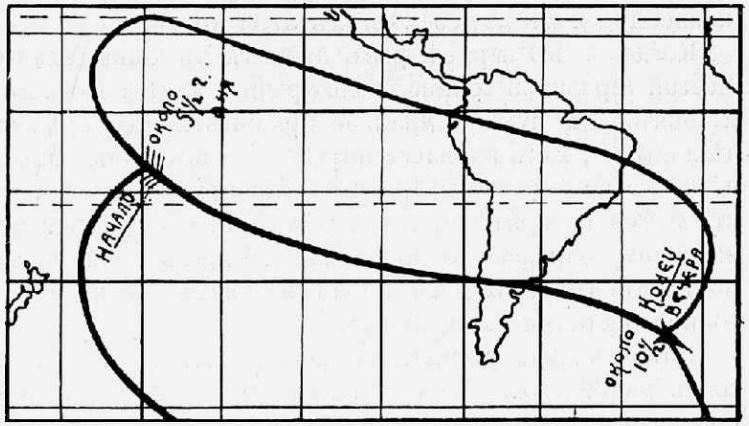


Рис. 61. Путь солнечнаго затменія 30 сентября 395 г. по Патмосскому времени.

тменій (черезъ каждые 18 лѣтъ и 11 дней), посредствомъ котораго халдеи задолго до него уже предсказывали затменія. Этотъ циклъ употреблялся въ его время и греческими, и египетскими астрономами. Онъ не давалъ Іоанну возможности точно вычислить время дня, въ которое наступитъ затменіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пункты земной поверхности, съ которыхъ оно будетъ видимо, но благодаря ему Іоаннъ хорошо з н а л ъ, что

[4] По таблицамъ Oppolzer'a, взятымъ мною изъ библіотеки Пулковской обсерваторіи, оно проходило какъ показано на приложенной картѣ (рис. 61).

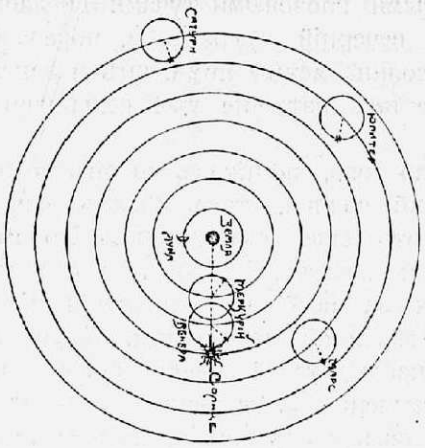
(Позднѣйшее примѣчаніе).

въ этотъ самый день затменіе неизбѣжно, и что, можетъ быть, его уже видятъ гдѣ-нибудь на землѣ, и „всѣ цари земли бѣгутъ скрыться въ пещеры горъ".

Онъ, очевидно, ждалъ его весь этотъ день, для него и вышелъ на берегъ Патмоса, а когда въ моментъ закрытія солнца толстыми грозовыми тучами внезапно наступилъ какъ бы вечерній сумракъ и показался „г н ѣ в н ы й л и к ъ" солнца между ними, онъ и заключилъ, что ожидаемое имъ затменіе уже совершается наверху за тучами.

Что же касается до того, понималъ ли онъ истинную причину затменій солнца, какъ факта закрытія его луной, то это еще сомнительно. Его собственное описаніе показываетъ, что онъ просто признавалъ эти явленія за особенныя знаменія Бога, подчиняющіяся опредѣленной законности. Дѣло въ томъ, что древнихъ наблюдателей совершенно сбивали съ толку л у н н ы я затменія. Пока земля не считалась такой же планетой, какъ и всѣ другія, пока ее представляли, какъ Іоаннъ, четырехугольнымъ дномъ міровой коробочки, прикрытой стекляннымъ колпакомъ, по которому ходятъ небесныя свѣтила,—лунныя затменія не могли быть ничѣмъ объяснены, а это бросало тѣнь таинственнности и на соовѣтствующія имъ солнечныя затменія. Правда, что въ половинѣ второго вѣка уже появилась книга Птоломея, представлявшая землю шарообразной и пытавшаяся объяснить небесныя явленія обращеніемъ вокругъ земли солнца и луны по цикламъ (рис. 62), а остальныхъ планетъ по цикламъ и эпицикламъ, „какъ будто бы колесо находилось въ колесѣ" (Іезекіиль, I). Но эта система, благодаря выдѣленію земли въ центръ вселенной, являлась настолько запутанной, что могла возбуждать недовѣріе у людей, считавшихъ, какъ Іоаннъ, библію за непосредственное откровеніе самого Бога.

Для человѣка съ такимъ міровоззрѣніемъ, какое изложено въ первыхъ главахъ Книги Бытія, тотъ фактъ, что лунныя затменія бываютъ только въ ночи полнолуній, а солнечныя въ дни новолуній, долженъ былъ представляться простымъ совпаденіемъ. Все, что могъ бы сказать по этому поводу Іоаннъ, придерживавшійся, какъ мы видѣли изъ его книги, библейскаго міровоззрѣнія, это то, что Богъ открылъ древнимъ халдеямъ Саросскій циклъ затменій и этимъ посвятилъ людей въ часть своихъ таинственныхъ предопредѣленій, но на вопросъ, какимъ путемъ потемняетъ Богъ свѣтила, онъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы, что „однимъ своимъ всемогущимъ словомъ“, а правильность этихъ явленій объяснилъ бы безъ колебаній правильностью самихъ предопредѣленій Бога.



Фиг. 62. Система Птоломея (половина 2-го вѣка).

Но какъ бы ни думалъ объ этихъ предметахъ Іоаннъ, изъ его книги ясно слѣдующее: онъ зналъ заранѣе, что въ данный день должно произойти солнечное затменіе. А этотъ фактъ служитъ новымъ удостовѣреніемъ правильности нашей даты.

IV.

Заключеніе.

Итакъ, многочисленныя астрономическія данныя, разсѣянныя по всему Апокалипсису не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что гроза, описанная Іоанномъ, пронеслась надъ Патмосомъ около 5 часовъ вечера 30 сентября 395 года. Описаннаго имъ вида звѣзднаго неба, по всей вѣроятности, вообще не было ни разу за весь историческій періодъ времени [1], кромѣ указаннаго здѣсь дня. Еслибъ противъ этой даты были цѣлыя горы древнихъ манускриптовъ, то и тогда ихъ всѣхъ пришлось бы считать подложными.

Но на самомъ дѣлѣ мы не имѣемъ о ней за первые четыре вѣка никакихъ серьезныхъ свѣдѣній, кромѣ десятка взаимно опровергающихъ другъ друга цитатъ, голословно приписываемыхъ тому или другому изъ христіанскихъ епископовъ и дошедшихъ до насъ лишь въ копіяхъ средневѣковыхъ монаховъ. Въ самомъ же „Откровеніи въ грозѣ и бурѣ“, какъ довольно хорошо сохранившемся древнемъ документѣ, мы находимъ помимо астрономіи цѣлый рядъ чисто историческихъ указаній на его принадлежность концу четвертаго вѣка, согласно нашимъ вычисленіямъ. Все его содержаніе говоритъ о распряхъ, происходившихъ въ это время между различными сектами христіанскаго міра, о высо-

[1] Я продолжилъ свои вычисленія до 10 вѣка, но считаю излишнимъ приводить ихъ здѣсь въ виду несомнѣнности, что дѣло было 30 сентября 395 года, а не позже.

комъ государственномъ положеніи византійскаго духовенства, его роскоши, вліяніи и различныхъ порокахъ, компрометировавшихъ его въ глазахъ всѣхъ искреннихъ и правдивыхъ людей того времени.

Нѣкоторыя изъ этихъ историческихъ указаній я привелъ уже въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ своему переводу, другія же сами собой выяснятся далѣе.

Что же касается до того, что днемъ для исполненія астрологическаго предсказанія было назначено Іоанномъ воскресенье 13 марта 399 года нашего современнаго лѣтосчисленія, то этотъ фактъ тоже чрезвычайно знаменателенъ и находится въ полномъ согласіи съ мистическимъ отношеніемъ автора къ числамъ и годамъ. Въ мартѣ этого года у многихъ древнихъ христіанъ, въ томъ числѣ, очевидно, и у автора, кончались полные четыре вѣка послѣ предполагемаго ими времени рожденія Христа. Дѣло въ томъ, что наше современное лѣтосчисленіе было изобрѣтено лишь въ 6-мъ вѣкѣ католическимъ монахомъ Діонисіемъ Малымъ (Dionisius Exiguus), умершимъ около 556 года. Онъ опредѣлилъ рожденіе Христа въ субботу 25 декабря 753 года отъ основанія Рима [2] (очевидно, въ ночь съ субботы на воскресеніе) и первымъ годомъ христіанской эры назначилъ 754 годъ отъ основанія Рима (когда 25 декабря приходилось уже въ воскресеніе). Это лѣтосчисленіе было официально принято въ Италіи только въ 10-мъ вѣкѣ, при папѣ Іоаннѣ XIII (968—970 гг.), а затѣмъ распространилось и по другимъ странамъ континента Европы, дойдя въ 14-мъ вѣкѣ до Испаніи, въ 15-мъ до Греціи и въ 1700-мъ году до Россіи. Въ первые же четыре вѣка нашей эры этого нынѣшняго лѣтосчисленія не было и въ поминѣ. Годы считались въ Римско-Византійской имперіи отъ предполагаемаго „Основанія Рима“, а годъ, мѣсяцъ и день рожденія Христа еще не были установлены официально. Въ одной изъ рѣчей, приписываемыхъ Іоанну Хризостому (относимой къ первымъ годамъ 5-го вѣка), говорится о спорахъ между современными ему христіанами относительно мѣсяца и дня рожденія Христа, а что касается до года его рожденія, то историки-богословы и до сихъ поръ опредѣляютъ его различно. Одни теологи 4-го и 5-го вѣка утверждали, что онъ родился за 4 года до принятой нами теперь эры, а другіе опредѣляли это событіе за два года до нея, какъ и дѣлаютъ до сихъ поръ англійскіе богословы.

[2] Это былъ предпервый годъ нашей эры, или минусъ первый.

Считая по этому послѣднему способу, мы находимъ, что указываемый Іоанномъ день 13 марта 399 года, какъ время исполненія его астрологическаго пророчества, назывался тогда 13-мъ марта 401-го года послѣ предполагаемаго рожденія Христа, т. е. срокъ исполненія помѣченъ начальнымъ годомъ новаго, пятаго, вѣка послѣ этого выдающагося событія. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что годъ въ то время начинался не съ января, какъ теперь, а съ марта, въ которомъ находилось, 20-го числа, весеннее равноденствіе. По еврейскому счету съ этого самаго равноденствія и начинался новый годъ, а граждане римской имперіи считали свой годъ съ 1-го марта.

Почему же авторъ отнесъ моментъ исполненія своего предсказанія именно къ 13-му марта? — Очевидно, потому, что, кромѣ астрологическихъ соображеній, это былъ послѣдній воскресный день четвертаго вѣка, такъ какъ слѣдующее воскресенье, 20-го марта 399 года нашей эры, или 20 марта 401 года отъ предполагаемаго имъ года рожденія Христа, являлось уже воскреснымъ днемъ новаго, пятаго, столѣтія. Въ эту знаменательную недѣлю между 13 и 20 марта и

должна была совершиться описанная авторомъ борьба Іисуса съ его византійскими врагами-клерикалами и его судъ надъ ними, и новый пятый вѣкъ долженъ былъ сойти съ небесъ уже на обновленную землю. Все это вполнѣ совпадаетъ съ мистическимъ міровоззрѣніемъ автора, по которому вся исторія міра и людей была распредѣлена въ стройномъ порядкѣ по годамъ и числамъ. Мы это видѣли уже не разъ въ „Откровеніи въ грозѣ и бурѣ“, гдѣ вмѣстѣ со звѣринымъ числомъ 666 фигурируютъ и другія числа: семь гонцовъ бури, семь вѣстниковъ съ чашами, четыре животныхъ передъ престоломъ творца міра и т. д. и т. д. Всѣ эти отдѣльныя примѣненія чиселъ только различныя проявленія одной и той же общей мистической идеи автора о числѣ, какъ выдающемся факторѣ въ мірозданіи.

ЧАСТЬ IV

ХАРАКТЕРИСТИКА ВИЗАНТІЙСКОЙ ЖИЗНИ КОНЦА IV ВѢКА И ПОСЛАНІЯ АВТОРА АПОКАЛИПСИСА КЪ СЕМИ МАЛОАЗІАТСКИМЪ СОБРАНІЯМЪ ВѢРНЫХЪ.

I.

Главныя фракціи христіанскаго міра къ концу четвертаго вѣка.

Когда при долгихъ блужданіяхъ по какой-либо очень темной и плохо изслѣдованной научной области вамъ приходится напасть на слѣдъ какого-либо неожиданнаго открытія, этотъ слѣдъ всегда имѣетъ для васъ что-то обаятельное и невольно влечетъ къ себѣ все далѣе и далѣе, какъ неизвѣстная полузаглохшая тропинка въ глубину дремучаго лѣса. И вы идете по ней въ невѣдомыя мѣста, сбиваетесь съ едва замѣтнаго слѣда и снова возвращаетесь на него, пока тропинка не пропадетъ совсѣмъ, или не приведетъ васъ къ какому-либо обитаемому мѣсту, уведя васъ иногда на такое большое разстояніе и въ такія отдаленныя мѣста, которыхъ вы и не собирались посѣщать.

Точно то же было и со мной, когда я заинтересовался близкой для меня, по обычному роду занятій, астрономической и темпестологической частью „Апокалипсиса“. Она завлекла меня на время въ такую область, которая, казалось, не имѣла никакого соприкосновенія съ физико-математическими науками: въ исторію первыхъ вѣковъ христіанства. И все это было совершенно неизбѣжно: одинъ шагъ влекъ за собою другой и остановиться на одномъ, не перейдя къ другому, значило бы бросить даромъ всю работу.

Едва было окончено астрономическое вычисленіе, до-

казавшее мнѣ неожиданно позднее время появленія Апокалипсиса, какъ сейчасъ же явились вопросы: кто бы могъ быть его авторомъ, какова была его дальнѣйшая судьба, и съ какой цѣлью или по какимъ причинамъ византійскіе теологи среднихъ вѣковъ приписали его совсѣмъ другому времени и другому лицу и этимъ сбили съ толку всѣхъ послѣдующихъ изслѣдователей?

Къ счастью, въ моемъ распоряженіи въ Шлиссельбургской крѣпости, кромѣ моихъ прежнихъ свѣдѣній по исторіи древняго міра, было нѣсколько подходящихъ для этого книгъ: „Бесѣды Ст҃аго Їоа́нна Златоу́стаго“ (шестое изданіе, Москва, 1877 г.), „Исторія первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства“ Муравьева (1866 г.) и 12 объемистыхъ томовъ, „Жи́тія Ст҃ыхъ“, перепечатанныхъ съ поправками въ 1852 году съ изданія 1689 года [1]. Эти послѣднія книги, несмотря на свою односторонность, имѣли для меня особенную цѣнность, такъ какъ они, можно сказать, документальны. Они представляютъ изъ себя большею частью переводы древнихъ Византійскихъ историковъ и писателей, собранные наивнымъ и ограниченнымъ Макаріемъ Московскимъ и редактированныя потомъ Димитріемъ Ростовскимъ, бравшимъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были написаны, почти не стирая своей обработкой оригинальной окраски документовъ.

[1] По выходѣ изъ Шлиссельбургской крѣпости я сейчасъ же обратился къ иностраннымъ источникамъ, имѣющимся въ Публичной, Университетской и Академической библіотекахъ, чтобъ пополнить и исправить эту монографію, но въ результатѣ, кромѣ нѣсколькихъ подтвержденій моихъ выводовъ, не нашелъ въ нихъ ничего новаго. Вотъ почему я и печатаю теперь мое изслѣдованіе въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было написано въ моемъ „старомъ жилищѣ“, дополнивъ его лишь нѣсколькими цитатами изъ книгъ: Amédée Thierry: St Jean Chrysostome et l'impératrice Eudoxie (Paris, 1872), Dialogus Historicus Palladii, Σωκράτους Σχολαστικοῦ Ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορία (въ изданіи Patrologiae cursus completus 1859 г.) и Aimé Puech: St Jean Chrysostome et les moeurs de son temps (Paris 1891). Всѣ эти дополненія обозначены спеціальными отмѣтками внизу страницъ.

Позднѣйшее примѣчаніе.

Приводить здѣсь всего, прочитаннаго мною по этому поводу, было бы, конечно, неумѣстно, а потому я и дамъ только очень короткій очеркъ состоянія христіанскаго міра во время появленія книги Іоанна, а также и его собственной жизни, избѣгая всякихъ второстепенныхъ подробностей.

Въ концѣ четвертаго вѣка, при шестомъ византійско-римскомъ императорѣ Ѳеодосіи Первомъ (378—394), мы застаемъ римскую имперію въ періодѣ своего окончательнаго распаденія на двѣ части: восточную и западную. Начиная съ Константина Перваго (325—337 г.), перенесшаго столицу имперіи изъ Рима въ Византію (330 г.) и объявившаго христіанство государственной религіей, хотя самъ онъ и не крестился до самой смерти, государство дѣлилось очень часто между двумя или нѣсколькими соправителями. Сыновья и родственники каждаго умирающаго императора немедленно начинали между собою кровопролитныя войны, пока одному изъ нихъ не удавалось перебить всѣхъ своихъ братьевъ и соправителей, чтобъ достигнуть единовластія. Вычисленный нами для книги Іоанна 395-й годъ былъ также и годомъ окончательнаго распаденія обѣихъ половинъ имперіи, изъ которыхъ каждая пошла съ этого времени (съ 17 января 395 г.) своимъ собственнымъ путемъ, не стремясь болѣе ни къ какимъ дальнѣйшимъ соединеніямъ.

Во весь этотъ длинный періодъ распаденій и соединеній, обѣ части имперіи подвергались постояннымъ нападеніямъ извнѣ. Еще въ 363 году, когда императоръ

Юліанъ былъ убитъ въ сраженіи съ персами, его преемникъ Іовіанъ (363—364 г.) заключилъ съ ними невыгодный договоръ съ уступкой нѣсколькихъ городовъ и выдачей непріятелю своего союзника армянскаго царя. Но и это не повело къ согласію. Сейчасъ же послѣ смерти Іовіана (364 г.), умершаго не дойдя до своей столицы, Константинополя, персидскій царь объявилъ свой договоръ уничтоженнымъ. Его войска начали угрожать малоазіатскимъ провинціямъ вплоть до того времени, когда по нашему вычисленію была написана книга Іоанна. Этимъ самымъ и объясняется его предсказаніе, что высохнетъ вода въ Евфратѣ „для того, чтобы открыть путь царямъ отъ солнечнаго восхода“ [2], событіе, предзнаменованное въ его глазахъ пребываніемъ планеты Марса подъ Персеемъ.

Кочующіе гунны, хун-ну китайскихъ лѣтописей, двинулись за 20 лѣтъ до появленія Апокалипсиса изъ внутренней Азіи черезъ рѣку Уралъ и, перейдя черезъ Донъ, покорили въ 375 г. жившихъ къ западу отъ него вестъ-готовъ. Сосѣди же ихъ и соплеменники остъ-готы, обитавшіе между Бугомъ и устьями Дуная, перепуганные этимъ нашествіемъ, перешли черезъ Дунай во Оракію и отдались подъ покровительство византійско-римской имперіи. Но вскорѣ притѣсненія посылаемыхъ къ нимъ корыстолюбивыхъ намѣстниковъ вызвали у нихъ возстаніе. Въ 378 году остъ-готы разбили на голову, при Адріанополѣ, посланныя противъ нихъ римскія войска, и вся страна вплоть до Константинополя сдѣлалась „жертвою варваровъ“, которые, впрочемъ, уже давно были христіанами-аріанами. Уцѣлѣли лишь укрѣпленные города имперіи. Только новому императору Ѳеодосію удалось, наконецъ, заключить съ ними соглашеніе и водворить ихъ обратно во Ѳракію. Но тотчасъ

[2] „Апокалипсисъ“ гл. 9.14 и 16.12.

послѣ его смерти 17 января 395 года, незадолго до выхода „Откровенія въ грозѣ и бурѣ“, они снова поднялись и затѣмъ, разоривъ придунайскія области, ворвались въ 396 году въ Элладу и Пелопонесъ, какъ бы оправдывая пророчество Іоанна. Однако вскорѣ они были оттѣснены обратно римскимъ полководцемъ Стилихономъ. Точно также грабила страну передъ выходомъ Апокалипсиса и та часть аріанъ-готовъ, которая была поселена для защиты границъ малоазіатскихъ провинцій.

Полная дезорганизація царила и на другихъ окраинахъ имперіи: аллеманы опустошали Галлію и Рецію; сарматы и квады—Паннонію; пикты, скотты, саксы, франки и фризы — Британію; мавританскіе народы—провинцію Африку. По всей Европѣ начиналось какое-то лихорадочное стремленіе „варварскихъ“ народовъ передвигаться значительными массами отъ Востока къ Западу, извѣстное подъ названіемъ великаго переселенія народовъ въ IV и V вѣкахъ. Понятно, что все это должно было создавать всеобщую атмосферу безпокойства, особенно благопріятную для появленія такихъ книгъ, какъ „Апокалипсисъ“, а также и для воспріимчивости къ нимъ читающей публики.

Не менѣе тревожно было и внутреннее состояніе христіанской церкви, достигшей теперь господства надъ языческими и съ ожесточеніемъ наносившей имъ послѣдніе удары. Какъ только императоръ Константинъ Первый, перебивъ своихъ родственниковъ и соправителей, сдѣлался въ 325 году единовластнымъ, онъ сейчасъ же призналъ христіанскую религію государственной. Но въ ней уже происходило самопроизвольное распаденіе на различныя фракціи, съ ихъ неизбѣжными дрязгами, пререканіями и враждой, и вотъ, съ цѣлью примиренья, Константинъ собралъ ихъ представителей въ 337 году на „вселенскій соборъ“ въ Никеѣ, около Константинополя. Такимъ образомъ, этотъ знаменитый хри-

стіанскій соборъ открылся подъ предсѣдательствомъ языческаго императора, такъ какъ Константинъ умеръ не крещенымъ, или крестился лишь на смертномъ одрѣ [3]. Въ результатѣ оказалось не только не примиреніе, но еще большее распаденіе христіанской церкви на двѣ враждующія между собою фракціи, ненависть которыхъ другъ къ другу дошла, наконецъ, до такой степени, что онѣ взаимно предали другъ друга анафемѣ и при уличныхъ столкновеніяхъ доходили не только до дракъ, но даже до кровопролитія.

Первая изъ фракцій, главнѣйшими представителями которой были на Никейскомъ соборѣ Арій, Евсевій Кесарійскій и Евсевій Никомедійскій, руководилась въ своихъ представленіяхъ объ Егошуа-Іисусѣ первоначальными взглядами христіанъ перваго вѣка и утверждала, что онъ есть переходное существо между богомъ и человѣкомъ (т. е. полубогъ). Она называла его подобосущнымъ Богу [4].

Вторая фракція имѣла руководящими представителями мирликійскаго епископа-чудотворца Николая и Александра Александрійскаго съ его діакономъ Афанасіемъ. Она называла уже Егошуа (какъ и слѣдовало ожидать на основаніи эволюціи представленій) одинаково-сущнымъ съ богомъ [5], желая этимъ сказать, что онъ другая личность или особа (persona) той же самой божественной сущности. Однако, несмотря на это, фракція Николая Чудотворца и его единомышленниковъ оставляла въ силѣ и старый библейскій тезисъ, что „божество“ едино, т. е. не распадается на личности, какъ „человѣчество“. Изъ соединенія вмѣстѣ этихъ

[3] Шлоссеръ и др.

[4] ὁμιούσιος — сокращено изъ ὁμοίο-ούσιος — подобосущный.

[5] ὁμο-ούσιος — сокращаемое обыкновенно въ ὁμούσιος — одинаково-сущный.

двухъ непримиримыхъ другъ съ другомъ представленій съ прибавленіемъ къ нимъ на равныхъ правахъ еще Святого Вдохновенія (πνεῦμα),—которое, осѣняя человѣка, даетъ ему даръ творчества и предвидѣнія, а по природѣ своей есть духъ (т. е. одушевленный газъ),—и произошло впослѣдствіи ученіе о Святой Троицѣ, сохранившееся и до сихъ поръ въ большинствѣ христіанскихъ фракцій.

Во время Никейскаго Собора вся эта теологическая софистика лишь только вырабатывалась. Новая религія должна была развиваться тѣмъ же путемъ, какъ и большинство другихъ. Его основатель Егошуа изъ Назарета [6] съ теченіемъ времени долженъ былъ принимать все болѣе и болѣе божественныя свойства. Изъ простого человѣка, какимъ его считали современники, онъ долженъ былъ—эволюціоннымъ путемъ—превратиться сначала въ полубога (какъ на это указываетъ и самое прилагательное Христосъ, обычное греческое слово, означающее: помазанный, выкрашенный, посвященный въ высокій духовный санъ), а затѣмъ и въ полнаго бога, принявшаго человѣческій образъ.

Сторонники Арія не могли, конечно, удержать своихъ переходныхъ представленій объ Егошуа, а потому и изъ Никейскаго Собора ничего не могло выйти кромѣ окончательнаго разрыва. Все, чему здѣсь можно удивляться, и что стоило бы спеціально разъяснить, это историческія причины, благодаря которымъ аріане сейчасъ же, послѣ смерти Константина Перваго (337 г.), могли вернуть себѣ преобладаніе и продержаться какъ господствующая фракція цѣлыхъ 44 года, вплоть до 381 года, когда новый императоръ Ѳеодосій, снова возвратился къ сторонникамъ Николая Мирликійскаго.

[6] Егошуа — истинное имя Іисуса, какъ онъ называлъ себя самъ и всѣ его родственники.

Нападки Арія на Никейскомъ Соборѣ въ 325 году, повидимому, не были возраженіями чисто отвлеченнаго, теоретическаго характера, но носили также (какъ это постоянно бываетъ во всѣ бурные періоды внутреннихъ столкновеній между политическими и религіозными фракціями), характеръ обвиненій противной стороны въ глупости, неискренности, шарлатанствѣ и т. д. и т. д. Для иллюстраціи стоитъ только послушать современныхъ духовныхъ ораторовъ, когда различныя ихъ фракціи начинаютъ полемизировать между собою. А въ древности это велось еще первобытнѣе. Эти обвиненія почему-то особенно вывели изъ равновѣсія епископа Николая Мирликійскаго, называемаго чудотворцемъ.

Въ виду доказанной уже въ настоящее время подложности большинства документовъ, относящихся къ этому собору, и сомнительности остальныхъ, мы можемъ только догадываться, что Арій избралъ его предметомъ какихъ-то обличеній (можетъ быть, именно по случаю какого-либо изъ его не дошедшихъ до насъ чудесъ). Николай же отвѣтилъ ему вмѣсто разъясненій ударомъ по лицу. На соборѣ произошелъ шумъ и смятеніе. Николая выгнали вонъ, и послѣ него главнымъ защитникомъ единосущности Егошуа съ Богомъ оказался простой діаконъ Александрійскаго епископа—Аѳанасій, сдѣлавшійся впослѣдствіи епископомъ въ той же Александріи. Послѣ многихъ бурныхъ сценъ соборъ рѣшилъ окончательно признать Егошуа второй личностью божества. Аріане были преданы анафемѣ, и императоръ Константинъ призналъ своей государственной церковью фракцію николаитовъ, какъ, вѣроятно, аріанская фракція называла своихъ противниковъ послѣ личнаго столкновенія своего главы съ Николаемъ [7].

[7] Вотъ какъ описывается въ „Жи҃тіѧхъ Ст҃ыхъ“ нападеніе Николая на Арія, со словъ Іоанна Студійскаго: „Божественной ревностью Николай, какъ второй Илія, разжегся, посреди собора дерзнулъ Арія не только словомъ, но и дѣломъ посрамить, ударивъ его въ ланиту. Чего ради святые отцы вознегодовали, и за это дерзкое дѣло отняли у него архіерейскія отличія (Декабрь. р҃г)“. Но затѣмъ все это вскорѣ было ему возвращено. Интересно, что римская церковь долго не хотѣла признавать Николая святымъ, греческая же отрицала подлинность его тѣла въ Бари.

Тоже самое находимъ и во всѣхъ древнихъ источникахъ, хотя подробности и причины драки на Константинопольскомъ соборѣ вездѣ излагаются явно тенденціозно.

Въ этомъ, по моему убѣжденію, и заключается разгадка слова „николаиты“, два раза встрѣчающееся въ укоризненномъ смыслѣ у автора „Откровенія въ грозѣ и бурѣ“ въ его письмахъ къ семи малоазіатскимъ обществамъ, которыя мы приложимъ нѣсколько далѣе. Названіе николаиты здѣсь явно производится отъ Николая подобно тому, какъ іезуиты отъ Іисуса (Iesus). Но никакого другого выдающагося Николая въ четвертомъ вѣкѣ не было, а потому и въ апокалипсисѣ, какъ книгѣ конца четвертаго вѣка, рѣчь можетъ быть только о сторонникахъ ученія Николая Мирликійскаго, а не о легендарныхъ „николаитахъ перваго вѣка“, вѣроятно, никогда не существовавшихъ и выдуманныхъ въ средніе вѣка, чтобъ объяснить слово николаиты въ апокалипсисѣ.

Причины, почему это названіе господствовавшей въ Византіи въ концѣ IV вѣка фракціи не дошло до насъ въ византійскихъ сообщеніяхъ, совершенно понятны. Каждая изъ двухъ фракцій называла себя универсальной (по гречески каѳолической), а вторую считала отщепенской и называла ее по имени наиболѣе отличившагося изъ ея представителей, на раздѣлившемъ ихъ навсегда Никейскомъ Соборѣ. Что же касается до того, чѣмъ отличился этотъ представитель, ударомъ

противника по физіономіи или ораторскимъ искусствомъ, было безразлично для древнихъ: о комъ больше шумѣли, тотъ и долженъ былъ наложить свое имя на своихъ сторонниковъ. На Николая же аріане особенно сильно негодовали со времени Никейскаго Собора. Значитъ, въ нашихъ николаитскихъ источникахъ среднихъ вѣковъ мы можемъ найти только названіе аріане, какъ имя противниковъ, но не найдемъ николаитовъ, а въ аріанскихъ источникахъ (къ сожалѣнію, почти совсѣмъ истребленныхъ въ средніе вѣка) мы вездѣ встрѣтили бы николаитовъ или афанаситовъ, но нигдѣ не встрѣтили бы аріанъ.

Такой способъ названія, по особенно эффектнымъ дѣятелямъ, былъ тѣмъ болѣе умѣстенъ и неизбѣженъ, что партія Николая (какъ мы уже замѣтили выше) не долго продержалась у власти и скоро сама стала непризнанной государствомъ фракціей. Сейчасъ же послѣ смерти Константина, какъ только византійскій тронъ занялъ его сынъ Констанцій (337—361 г.), начался поворотъ въ пользу аріанъ, которые скоро и замѣнили при дворѣ сторонниковъ Николая и Афанасія и, предавъ ихъ на созванномъ Констанціемъ Соборѣ анафемѣ, начали поступать съ ними такъ же, какъ и тѣ поступали съ ними во время своего господства. Когда въ 361 году умеръ, наконецъ, Констанцій, преемникъ его Юліанъ (Флавій-Клавдій, 361—363 г.), разочаровавшійся въ обѣихъ, отказался отъ услугъ и той, и другой изъ христіанскихъ фракцій и объявилъ полную вѣротерпимость. Онъ самъ болѣе всего сочувствовалъ гонимымъ въ это время богамъ древняго пантеона, за что и получилъ отъ христіанъ названіе отступника. Затѣмъ съ избраніемъ въ императоры малоазіатскими войсками Іовіана (363—364 г.), умершаго отъ раны въ Азіи раньше своего пріѣзда въ столицу, имперія снова возвратилась къ христіанству, и преемникъ Іовіана Валентъ

(364—378 г.) опять объявилъ государственной церковью аріанскую.

Это продолжалось до самой его смерти, навсегда положившей конецъ господству аріанъ. Какъ только новый императоръ Ѳеодосій Первый (378—394 г.) вступилъ на престолъ, онъ окружилъ себя „николаитами“, среди которыхъ наиболѣе вліятельнымъ былъ въ это время непримиримый врагъ Іоанна Хризостома, предполагаемаго нами автора Апокалипсиса, Ѳеофилъ, епископъ Александрійскій. Собранный императоромъ въ 381 году Константинопольскій Соборъ, состоявшій, какъ предполагаютъ, исключительно изъ восточныхъ епископовъ, безъ участія римскихъ, вновь предалъ аріанъ анафемѣ, и по его рѣшенію Ѳеодосій началъ жестоко гнать ихъ вмѣстѣ съ язычниками и всѣми другими, менѣе распространенными христіанскими фракціями. На этомъ (Первомъ Константинопольскомъ) Соборѣ и была установлена, какъ говорятъ, вторая половина извѣстнаго „символа вѣры“, сохранившагося и до сихъ поръ въ обѣихъ ортодоксальныхъ фракціяхъ „вселенской“ церкви.

Такова въ общихъ чертахъ исторія поперемѣннаго господства двухъ главныхъ христіанскихъ фракцій четвертаго вѣка, вплоть до перваго года царствованія Аркадія, когда 30-го сентября 395 года пронеслась надъ островомъ Патмосомъ та гроза съ землетрясеніемъ, которая дала начало „Откровенію“. Къ какой изъ этихъ фракцій принадлежалъ его авторъ? — Все показываетъ, что ни къ одной изъ нихъ. Это, по его словамъ, были только „два рога похожіе на рога Овна“, но принадлежащіе второму звѣрю—государственной церкви,—„который говорилъ какъ драконъ и пріобрѣлъ такую же власть, какъ и первый звѣрь“, т. е. имперія [8]. Но помимо этихъ двухъ, бо-

[8] Апокалипсисъ, 13,11-14.

рющихся за власть фракцій, въ христіанскомъ мірѣ четвертаго вѣка было нѣсколько другихъ,—сравнительно небольшихъ, обособленныхъ группъ,—которыя не могли стремиться къ исключительному господству, а потому и не были еще анафематизированы ни той, ни другой стороной, занимая между ними какъ бы промежуточное, нейтральное положеніе. Особенно видной между ними являлась въ это время фракція оригенитовъ, распространенная небольшими обществами, главнымъ образомъ, по Малой Азіи, Египту и Сиріи.

Свое имя она получила отъ знаменитаго Александрійскаго ученаго Оригена (185 — 254 г.), ученика Аммонія Сакса, философа нео-платонической школы. Отецъ его, христіанинъ, былъ замученъ въ циркѣ во время гоненія при Септиміи Северѣ, въ 202 году, и это обстоятельство экзальтировало мальчика до крайней степени. Онъ началъ вести самый суровый образъ жизни, посвящая все свое время наукамъ и размышленіямъ. Говорятъ, его способности были такъ блестящи, что, несмотря на его молодой возрастъ, несовмѣстимый съ представленіями древнихъ объ учености и авторитетѣ, къ нему массами стекались ученики. Когда его слава, какъ проповѣдника и преподавателя, была уже упрочена, Александрійскій епископъ Димитрій захотѣлъ его утилизировать для своей церкви и назначилъ его при ней оглашателемъ (ангелòсомъ).

„Прямая обязанность этого лица была оглашать“ неофитовъ, т. е. преподавать имъ сущность христіанскаго ученія и кромѣ того прочитывать получаемыя отъ другихъ христіанскихъ кружковъ извѣстія и сообщенія. Отсюда понятно, почему „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“ и было адресовано, какъ увидимъ далѣе, ангелосамъ, т. е. оглашателямъ, или преподавателямъ семи малоазіатскихъ собраній, бывшихъ, какъ увидимъ далѣе, оригенитскими.

Преподаваніе Оригена, а затѣмъ и его послѣдователей, оригенитовъ, было несравненно шире и разнообразнѣе, чѣмъ въ остальныхъ христіанскихъ фракціяхъ. Оригенъ ввелъ сюда, помимо библейскихъ сказаній и исторіи христіанства, еще геометрію, астрономію, географію, философію, логику и другія „языческія“ науки, стараясь побудить своихъ слушателей „изучать Бога въ его твореніяхъ“.

Очень можетъ быть, что это необычное расширеніе подготовительной программы и поссорило его съ епископомъ Димитріемъ, такъ какъ въ 229 году Оригенъ навсегда оставилъ Александрію и удалился въ Кесарію Палестинскую, гдѣ мѣстный епископъ Ѳеоктистъ по соглашенію со своимъ начальникомъ, епископомъ Іерусалимскимъ Александромъ, назначилъ его пресвитеромъ (что значитъ: старшій). Оригенъ открылъ здѣсь новую школу съ неменьшимъ успѣхомъ и по той же самой широкой программѣ. Это до такой степени вывело изъ себя его бывшаго епископа Димитрія, что онъ сейчасъ же обвинилъ Оригена въ лжетолкованіяхъ священныхъ книгъ и пустилъ ему въ догонку еще инсинуаціи личнаго характера, вѣроятно, вызванныя лишь припадками собственнаго раздраженія. Затѣмъ Димитрій созвалъ въ Александріи соборъ своихъ подчиненныхъ и анафематизировалъ Оригена въ своей епархіи. Но это нисколько не повредило Оригену въ глазахъ его новыхъ начальниковъ. Повидимому, совершенно напротивъ: онъ не только былъ оставленъ на своемъ мѣстѣ, несмотря на всѣ протесты Димитрія, но и получилъ большое вліяніе на окружающихъ епископовъ, пріѣзжавшихъ къ нему на совѣщанія въ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Среди оригинальныхъ особенностей ученія Оригена было, между прочимъ, утвержденіе, что небесныя свѣтила движутся „заключенными въ нихъ духами (πνεῦμα)“, которые, переходя различныя степени очищенія, облекаются

все въ болѣе и болѣе свѣтлыя тѣла (или одежды). Этого же взгляда придерживается и авторъ „Откровенія въ грозѣ и бурѣ“, когда говоритъ въ главѣ VII о томъ, какъ накладывали на звѣзды печати передъ бурей. Изъ остальныхъ же пунктовъ, въ которыхъ Оригенъ расходился съ господствующей церковью, наиболѣе замѣчательными являются слѣдующіе. Онъ говорилъ, что человѣческая душа творится прежде рожденія человѣка, и, слѣдовательно, нѣтъ на ней первороднаго грѣха, передающагося отъ отцовъ къ дѣтямъ, какъ учитъ церковь. Онъ утверждалъ, что адскія мученія не вѣчны, такъ какъ это противорѣчило бы милосердію Бога, и что земной рай и многія другія мѣста библейскихъ книгъ нужно понимать аллегорически. Теологи ему приписываютъ болѣе тысячи бесѣдъ и много другихъ сочиненій. Но какія изъ нихъ подлинно принадлежатъ ему, и какія подложны,—все это еще вопросы будущаго.

Небольшой порывъ гоненія во время воцаренія Максимина (235—238 г.) заставилъ пятидесяти-трехъ-лѣтняго Оригена бѣжать изъ Палестинской Кесаріи въ другую, болѣе далекую. Затѣмъ онъ поселился въ Тирѣ, откуда ѣздилъ въ Ахайю и Басру Месопотамскую, но послѣ снова возвратился въ Тиръ. Здѣсь онъ мирно предавался литературнымъ трудамъ, пока новый порывъ гоненія при Деціи въ 253 году не захватилъ и его, уже шестидесятивосьмилѣтняго старика. Его подвергли пыткамъ, послѣ которыхъ онъ и умеръ въ слѣдующемъ году.

Несмотря на анафему, которой Оригенъ подвергся со стороны своего перваго епископа Димитрія Александрійскаго, его популярность была чрезвычайно велика во всемъ христіанскомъ мірѣ третьяго и четвертаго вѣковъ. Онъ считался знаменитѣйшимъ изъ христіанскихъ писателей. Благодаря большимъ требованіямъ отъ своихъ послѣдователей по отношенію къ умственному развитію, ни самъ Оригенъ, ни его ученики не могли, конечно, образовать сильной фракціи. Они составляли вплоть до 553 года (когда ихъ всѣхъ предали анафемѣ на пятомъ вселенскомъ соборѣ), особую ученую группу, подозрительную какъ для аріанъ, такъ и для николаитовъ. Ихъ по временамъ обвиняли въ чернокнижіи, но они, какъ мы сказали выше, еще не были анафематизированы никѣмъ, кромѣ Димитрія Александрійскаго. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, т. е. въ годъ выхода „Откровенія въ Грозѣ и Бурѣ“, эта фракція была по прежнему немногочисленна, но въ слѣдующіе же годы послѣ его появленія она пріобрѣла (очевидно, благодаря ему) неожиданное распространеніе. Къ ней склонился на время (въ 398 г.) даже епископъ Іерусалимскій Іоаннъ, разссорившійся за это съ непримиримымъ врагомъ оригенитовъ, кипрскимъ епископомъ Епифаніемъ. Въ этой-то группѣ, какъ мы увидимъ далѣе, числился и авторъ „Откровенія въ Грозѣ и Бурѣ“.

Но прежде чѣмъ мы примемся за выясненіе его личности, докончимъ переводъ его книги и приведемъ здѣсь отдѣльно семь его посланій къ малоазіатскимъ оригенитамъ. Къ нимъ однимъ, по моему мнѣнію, и адресовалъ онъ свою книгу, исключивъ всѣ остальныя христіанскія фракціи, какъ чужія. Эти письма составляютъ цѣликомъ 2-ю и 3-ю главы „Откровенія въ Грозѣ и Бурѣ“, но такъ какъ содержаніе ихъ не имѣетъ никакого отношенія къ остальнымъ главамъ книги, а втиснуто туда насильно, какъ бы въ видѣ предисловія, помѣщеннаго по ошибкѣ въ срединѣ книги (чѣмъ сильно портится связность ея изложенія), то я и рѣшилъ перевести ихъ особо.

Слогъ ихъ тоже совершенно особый: это подражаніе обычной формѣ ветхозавѣтныхъ пророчествъ, гдѣ увѣщанія написаны не отъ имени самого автора, а какъ бы подъ диктовку разговаривающаго съ нимъ Бога.

II.

Посланія Іоанна къ семи малоазіатскимъ собраніямъ его единомышленниковъ, вставленныя посрединѣ „Откровенія въ Грозѣ и Бурѣ“ (главы II и III Апокалипсиса).

„Оглашателю [1] собранія въ **Ефесѣ** напиши: такъ говоритъ держащій семь свѣточей въ своей правой рукѣ и обходящій [2] (кругомъ неба) среди семи золотыхъ свѣтильниковъ (т. е. уже извѣстный намъ гнѣвный ликъ солнца, выглянувшаго въ щель между двумя слоями грозовой тучи, символъ разгнѣваннаго Іисуса): Знаю твои дѣла, и труды, и терпѣніе, и что ты не способенъ сносить дурныхъ [3]. Ты испыталъ хвастающихся, будто они посланники Іисуса, но на самомъ дѣлѣ не таковы, и нашелъ, что они лжецы. Ты осмотрителенъ и обладаешь терпѣніемъ, боролся за меня и не изнемогалъ. Но имѣю противъ тебя то, что ты оставилъ свою первую любовь (здѣсь игра словъ: ἀγάπη значитъ одновременно и любовь, и вечернія собранія христіанъ первыхъ вѣковъ). Вспомни же отъ чего ты отпалъ, сознайся въ ошибкѣ и воспроизводи первоначальныя дѣла [4]. А если не такъ, то я скоро приду къ тебѣ и

[1] Ангелосу: τῷ ἀγγέλῳ τῆς ἐν Ἐφέσῳ ἐκκλησίας.

[2] περιπατέω — обхожу кругомъ чего-либо, прогуливаюсь.

[3] κακός — дурной, трусливый, пошлый.

[4] τὰ πρῶτα ἔργα ποίησον — гдѣ ποιέω значитъ творю, воспроизвожу, постановляю, устраиваю.

сдвину твой свѣтильникъ съ его мѣста. Но есть у тебя заслуга въ томъ, что ты ненавидишь поступки николаитовъ, которые ненавижу и я. Имѣющій ухо, да слышитъ то, что вдохновеніе говоритъ собраніямъ! Побѣждающій будетъ вкушать отъ дерева жизни, находящагося посреди божьяго парка [5].

Оглашателю собранія въ **Смирнѣ** напиши: Такъ говоритъ первый и послѣдній, который былъ мертвъ и ожилъ (т. е. тотъ же, символизировавшій Іисуса гнѣвный ликъ солнца, которое въ этотъ самый день подвергалось затменію и снова просіяло). Знаю твои дѣла, печаль и бѣдность (хотя на самомъ дѣлѣ ты богатъ), и доносы отъ тѣхъ, которые говорятъ, что они іудеи, но не таковы, а сборище преграды (между богомъ и людьми) [6]. Не бойся того, что тебѣ придется претерпѣть. Вотъ доносчикъ будетъ бросать нѣкоторыхъ изъ васъ въ тюрьмы, чтобы соблазнить, и будетъ вамъ скорбь около десяти дней (по какимъ-то астрологическимъ соображеніямъ). Будь вѣренъ до смерти, и я дамъ тебѣ Вѣнецъ Жизни (созвѣздіе Вѣнца?) [7]. Имѣющій ухо, да слышитъ то, что вдохновеніе говоритъ собраніямъ. Побѣдитель не пострадаетъ отъ второй смерти!

Оглашателю собранія въ **Пергамѣ** напиши: такъ говоритъ имѣющій наточенный мечъ съ двумя остріями

[5] Т. е. небеснаго свода съ его звѣрями-созвѣздіями. Здѣсь стоитъ: παράδεισος—большой паркъ съ животными, отъ персидскаго слова paradaiza—садъ, паркъ. Это слово обычно по персидски и по древне-гречески, и лишь мы придаемъ ему исключительный смыслъ эдема, съ Адамомъ и Евой.

[6] Сатана (шáтанъ) по еврейски значитъ: преграда.

[7] Подобно тому, какъ далѣе въ письмѣ къ Ѳіатирскому собранію, авторъ обѣщаетъ вѣрному въ награду утреннюю звѣзду—Венеру.

(тотъ же гнѣвный ликъ солнца, поперекъ котораго лежало веретенообразное облако). Знаю твои дѣла и то, что ты живешь тамъ, гдѣ тронъ доносчика (вѣроятно какого-нибудь епископа, занимавшагося сыскомъ и творившаго чудеса съ „золотой чашей", см. главу 17), и защищаешь мое имя и не отказываешься вѣрить мнѣ даже въ такіе дни, въ которые среди васъ, гдѣ живетъ преградитель, умерщвленъ мой вѣрный провозвѣстникъ Антиппа (вѣроятно, обличавшій этого епископа [8]). Но я имѣю немного противъ тебя за то, что у тебя тамъ есть придерживающіеся ученія Валаама (древне-еврейскаго пророка), который научилъ Валака [9] (царя языческихъ моавитовъ) бросить соблазнъ передъ сынами Израиля-Богоборца: чтобы они вкушали посвященное образамъ и проституировались (съ властями,

[8]) Указаніе на Антиппу въ данномъ письмѣ само сдѣлалось поводомъ къ возникновенію сказанія объ мученикѣ Антиппѣ, пергамскомъ епископѣ (см. Жит. Ст. XX), но оно такъ безсодержательно и сшито живыми нитками на скорую руку по этимъ самымъ письмамъ Іоанна, что о немъ не стоитъ и говорить. Слѣдуетъ поискать это имя въ концѣ четвертаго вѣка.

[9] Вотъ содержаніе сказанія о Валаамѣ и Валакѣ (книга Чиселъ 22 — 25).

Валаамъ былъ пророкъ, жившій на Евфратѣ. Моавитскій царь Валакъ прислалъ къ нему пословъ съ подарками, приглашая его къ себѣ, чтобы онъ проклялъ народъ израильскій, пришедшій съ Моисеемъ изъ пустыни и поселившійся рядомъ съ его страной. Но ночью къ Валааму пришелъ Богъ и спросилъ: „какіе это люди у тебя? не ходи съ ними. Не проклинай этого народа, потому что онъ благословенъ". Но Валаамъ все-таки поѣхалъ. И вотъ ослица, на которой онъ отправился, увидѣла передъ собой ангела съ обнаженнымъ мечемъ и остановилась. Валаамъ сталъ бить ее, но Богъ отверзъ уста ослицы, и она спросила: „что я тебѣ сдѣлала? За что ты бьешь меня вотъ уже третій разъ?" Валаамъ отвѣтилъ: „за то, что ты надругалась надо мною". Ослица же сказала: „не я ли твоя ослица, на которой ты ѣздилъ сначала и до этого дня? Имѣла ли я привычку такъ поступать съ тобою?" Валаамъ отвѣтилъ: „нѣтъ", и тутъ увидѣлъ ангела, загородившаго собою дорогу. И сказалъ ему ангелъ: „за что ты билъ ослицу твою вотъ уже три раза? Я вышелъ, чтобы воспрепятствовать тебѣ". Валаамъ выразилъ сожалѣніе о своемъ поступкѣ и готовность возвратиться назадъ. Увидѣвъ это, ангелъ, наоборотъ, разрѣшилъ ему пойти къ Валаку, но чтобъ онъ говорилъ лишь то, что ему будетъ приказано. И вотъ вмѣсто проклятья Валаамъ въ присутствіи Валака трижды благословляетъ народъ израильскій. Послѣ этого „всталъ Валаамъ и пошелъ обратно въ свое мѣсто, а Валакъ также пошелъ своею дорогою. И жилъ Израиль въ Ситимѣ рядомъ съ Моавами, и началъ народъ сожительствовать съ дочерями Моава, и приглашали они народъ къ жертвамъ боговъ своихъ, и ѣлъ народъ жертвы ихъ и кланялся богамъ ихъ И прилѣпился Израиль къ Ваалъ-Фегору, и воспламенился гнѣвъ Господень на Израиля".

Итакъ, мы видимъ, что въ современной библіи, совершенно согласной съ латинской вульгатой, нѣтъ ни одного намека на то, что Валаамъ, уѣзжая, далъ совѣтъ Валаку соблазнить этимъ путемъ Израиля. Значитъ, рукопись 4-го вѣка, которой пользовался Іоаннъ, была иная, гдѣ говорилось именно въ такомъ видѣ, какъ цитируетъ это мѣсто самъ Іоаннъ.

[10] οὕτως или οὑτωσί — вотъ такъ-то, при такихъ обстоятельствахъ.

[11] ἀπὸ τοῦ μάννα τοῦ κεκρυμμένου, гдѣ μάννα значитъ крупа, манна, небесный хлѣбъ. Обращаю вниманіе на то, что прилагательное къ ней поставлено κεκρυμμένος, а не μυστηρικός — мистическій, принадлежащій къ таинствамъ, какъ о чашѣ съ виномъ въ гл. 17-й.

πορνεῦσαι). Такимъ образомъ [10], и у тебя оказались сторонники ученія николаитовъ, которое я ненавижу (Припомнимъ, что фактическимъ главой николаитской фракціи стоялъ въ 395 года ожесточенный врагъ Іоанна Хризостома—Ѳеофилъ Александрійскій).

Исправься же, а если нѣтъ, скоро приду къ тебѣ и буду воевать съ ними мечемъ моихъ устъ. У кого есть ухо, да слышитъ то, что вдохновеніе говоритъ собраніямъ! Побѣдителю дамъ вкушать отъ сокровеннаго небеснаго хлѣба [11], и получитъ онъ отъ меня бѣлый

избирательный камень и новое званіе, начертанное на этомъ камнѣ, котораго не знаетъ никто, кромѣ получающаго [12].

Оглашателю собранія въ **Θіатирахъ** напиши: Такъ говоритъ дитя Бога, у котораго глаза какъ огненное пламя, а ноги подобны бронзѣ (таже грозная фигура въ облакахъ): знаю дѣла твои, и любовь, и услуги, и вѣрность, и терпѣніе, и что послѣднія дѣла твои больше первыхъ. Но имѣю немного противъ тебя за то, что ты позволяешь твоей хозяйкѣ [13] Іезабели (имя, часто дававшееся Іоанномъ Хризостомомъ враждовавшей съ нимъ фракціи Византійскаго духовенства), называющей себя провозвѣстницею, учить и улавливать моихъ слугъ и проституироваться (со свѣтской властью) и вкушать посвященное изображеніямъ (отсюда видно, что и здѣсь дѣло идетъ о тѣхъ же николаитахъ, съ которыми Θіатирская община Оригенитовъ, вѣроятно, жила въ союзѣ и добромъ согласіи). Я далъ ей время покаяться въ своей продажности, но она не покаялась. Вотъ я повергну ее на носилки, а проституировавшихся съ нею въ великую скорбь, если не раскаются въ своихъ поступкахъ, и дѣтей ея поражу смертью, и узнаютъ всѣ, что я, — испытывающій сердца и внутренности, и воздамъ каж-

[12] Здѣсь стоитъ ψῆφος — камушекъ, гладкій рѣчной голышъ, баллотировочный шарикъ, приговоръ, рѣшеніе, такъ какъ въ древности выборы производились, повидимому, баллотировкой камнями, бѣлыми и черными, можетъ быть, и съ соотвѣтственными надписями на нихъ. Обыкновенный же камень по гречески πέτρος.

[13] τὴν γυναῖκα σοῦ Ἰεζαβήλ — твоей хозяйкѣ Іезабели. Слово γυνή значитъ не только женщина, но въ переносномъ смыслѣ — хозяйка. Іезабель была легендарная жена легендарнаго царя Ахава, устроившая большое идолопоклонство и разсердившая этимъ пророка Илію (3-я кн. Царствъ гл. 16—22).

дому изъ васъ по вашимъ дѣламъ. Всѣмъ же остальнымъ въ Θіатирахъ, которые не держатся ея ученія и не знаютъ, такъ называемыхъ, секретовъ [14] преградителя, я говорю, что не наложу на васъ другого бремени. Только до конца держите то, что имѣете, пока я приду. Побѣдителю (символизируемому созвѣздіемъ Геркулеса) и соблюдающему мои дѣла дамъ власть надъ зміями [15],

[14] τὰ βάθη τοῦ σατανᾶ — очень трудно перевести, не понимая заранѣе, въ чемъ дѣло. τὸ βάθος — значитъ глубина и высота, чистота и многочисленность; здѣсь, повидимому, нужно понимать какую-то религіозную тайну, глубоко скрываемую отъ непосвященныхъ.

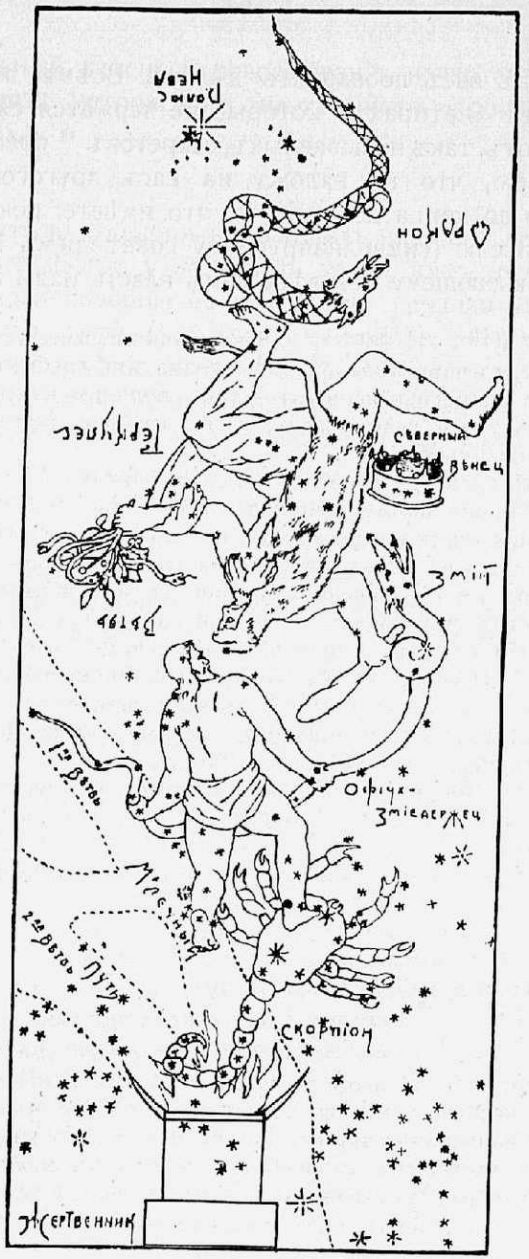
[15] Въ вульгатѣ и обычныхъ современныхъ изданіяхъ здѣсь вышла (повидимому) ошибка. Вмѣсто ἐπὶ τῶν ὀφιῶν — надъ змѣями, греческіе переписчики написали ἐπὶ τῶν ἐθνῶν — надъ народами, и въ результатѣ оказалось, что авторъ этой книги, у котораго вездѣ сквозитъ любовь къ человѣчеству, захотѣлъ раздробить всѣ народы желѣзной палкой какъ глиняную посуду. Но смыслъ первоначальнаго текста здѣсь совершенно ясенъ — дѣло идетъ объ Змѣеносцѣ, попирающемъ ногами смерть-скорпіона, и возносящемся къ престолу неба — полюсу, и объ Геркулесѣ, попирающемъ ногою голову Дракона (фиг. 63) и избивающему дубиной змѣй.

Очевидно, что первые же читатели, которымъ Іоаннъ послалъ свое пророчество, были такъ непріятно поражены и перепуганы готовящейся для нихъ наградой „пасти змѣй“, что не хотѣли этому вѣрить, и заподозрили описку въ рукописи. Поправка же здѣсь была чрезвычайно легка, и при несовсѣмъ разборчивомъ почеркѣ рукописи греческое слово „змѣи“ безъ труда могло быть принято прямо за „народы“. Дѣйствительно сравните, напримѣръ, обѣ фразы:

ἐπὶ τῶν ὀφιῶν — надъ змѣями.

ἐπὶ τῶν ἐθνῶν — надъ народами.

При сильной неохотѣ пасти змѣй и при сильномъ желаніи пасти народы, какъ было не принять одного выраженія за нечетко написанное другое? Только послѣ того, какъ астрономическое вычисленіе показало мнѣ, что въ этотъ самый день (30 сентября 395 юліанскаго года) „утренняя звѣзда“ Венера была въ Зміеносцѣ, подъ Геркулесомъ, избивающимъ дубиной



Фиг. 63. Созвѣздіе Змѣеносца, попирающаго ногою смерть (Скорпіона), и созвѣздіе Геркулеса, попирающаго Дракона и пасущаго змѣй (его дѣтей) желѣзной дубиной. Утренняя звѣзда, Венера, находилась 30 сент. 395 г. въ правой пяткѣ Змѣеносца и показана въ ней темнымъ кружкомъ.

и будетъ онъ пасти ихъ желѣзной дубиной (фиг. 63) и разобьетъ ихъ въ дребезги, какъ глиняную посуду, какъ и я (Христосъ, символизируемый Змѣеносцемъ) принялъ (пасти змія) отъ отца моего. И дамъ Побѣдителю утреннюю звѣзду (Венеру, находившуюся въ Змѣеносцѣ [16] подъ Геркулесомъ). Имѣющій ухо слышать, да слышитъ то, что вдохновеніе говоритъ собраніямъ.

Оглашателю собранія въ **Сардахъ** напиши: такъ говоритъ имѣющій семь вдохновеній и семь звѣздъ (Большой Медвѣдицы): знаю твои дѣла, ты носишь имя (оригенита) какъ будто живой, но ты мертвъ. Пробудись и укрѣпляй остальныхъ, близкихъ къ смерти, потому что я не нашелъ твои дѣла совершенными передъ моимъ богомъ. Вспомни, какъ много [17] ты получилъ и слышалъ, сохрани же это и исправься. Если же не будешь бодрствовать, приду на тебя неожиданно, какъ воръ, и ты не узнаешь, въ какой часъ я приду къ тебѣ. Однако есть въ Сардахъ нѣсколько именъ (ὀνόματα), которыя не запятнали своихъ одеждъ, и будутъ они обходить со мною (въ видѣ новыхъ звѣздъ, вокругъ небеснаго по-

---

змѣй, я и понялъ, въ чемъ дѣло. Отсюда можно придти къ заключенію, что аналогичная фраза въ одной изъ пѣсенъ, приписываемыхъ Давиду, попала въ нее изъ апокалипсиса.

[16] По сдѣланному мною вычисленію утренняя звѣзда, или планета Венера, находилась въ это время какъ разъ въ ногахъ созвѣздія Змѣеносца или Офіуха. Она была въ этотъ моментъ въ періодѣ своей вечерней видимости, но греки уже давно знали, что это та же самая утренняя звѣзда. Смыслъ этого мѣста тотъ, что Егошуа-Іисусъ, символизируемый змѣеносцемъ, (Офіухомъ), обѣщаетъ дать находящуюся теперь у него утреннюю звѣзду попирающему голову Дракона Геркулесу, символизирующему всѣхъ вѣрныхъ и избивающему дубиной змѣй. Мы видимъ, что и здѣсь все та же астрологія.

[17] πῶς — какъ много.

люса) въ свѣтлыхъ одѣяніяхъ, потому что они непорочны. Побѣдитель будетъ одѣтъ въ свѣтлыя одежды. Я не изглажу его имени изъ книги жизни, но признаю его передъ моимъ отцомъ и передъ его вѣстниками. Имѣющій ухо слышать, да слышитъ то, что вдохновеніе говоритъ собраніямъ!

Оглашателю собранія въ Филадельфіи напиши: такъ говоритъ непорочный и истинный, имѣющій ключъ Возлюбленнаго [18], который отпираетъ такъ, что никто уже не отворитъ. Знаю твои дѣла. Вотъ я отворилъ предъ тобою дверь, и никто не можетъ затворить ее. У тебя немного силы, но ты сохранилъ мое ученіе и не отрекся отъ моего имени. Вотъ я сдѣлаю лжецами всѣхъ изъ сообщества преграды, которые говорятъ, что они Іудеи, но не таковы на дѣлѣ. Вотъ заставлю ихъ придти и преклониться передъ твоими ногами, и узнаютъ, что я тебя люблю. За то, что ты сохранилъ завѣтъ мой о терпѣніи, и я сохраню тебя отъ часа искушенія, который долженъ сойти на всю вселенную, чтобъ исправить живущихъ на землѣ. Вотъ приду скоро. Сохрани, что имѣешь, чтобы никто не похитилъ твоего вѣнка. Побѣдителя сдѣлаю колонной въ храмѣ моего бога и окружу стѣною [19], чтобъ онъ не вышелъ опять, и напишу на немъ имя моего бога и имя моего сооруженія, Новаго Царства Мира, сходящаго съ небесъ отъ Бога, и мое новое званіе. У кого есть ухо, да слышитъ то, что вдохновеніе говоритъ собраніямъ!

Оглашателю собранія въ Лаодикіи напиши: такъ

[18] τοῦ Δαβίδ — игра словъ, такъ какъ слово דָּוִד по еврейски значитъ: возлюбленный.

[19] ἕξω — будущее отъ ἔχω — объемлю, ожидаю.

говоритъ Правда, вѣрный и истинный свидѣтель, начало божьяго творенія: знаю твои дѣла,—ты ни холоденъ, ни горячъ. Лучше бы ты былъ или холоденъ, или горячъ! Но вотъ ты ни холоденъ, ни горячъ, а теплъ, и хочется мнѣ изблевать тебя изъ моего рта! Ты говоришь: „я богатъ, я накопилъ добра и ни въ чемъ не имѣю нужды“, а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и бѣденъ, и слѣпъ, и голъ! Совѣтую тебѣ купить у меня золото, очищенное огнемъ, чтобы обогатиться тебѣ дѣйствительно, и свѣтлыя одежды, чтобы одѣться, и не проявлять стыда за свою наготу! Протри получше [20] свои глаза, чтобы видѣть. Я обличаю и наставляю всѣхъ тѣхъ, кого люблю. Будь же ревностенъ и покайся. Вотъ я всталъ у дверей и стучу. Если кто услышитъ мой стукъ и откроетъ двери, войду къ нему и буду ѣсть съ нимъ, и онъ будетъ ѣсть со мной. Побѣдителю дамъ сѣсть со мною рядомъ на моемъ престолѣ, какъ и я побѣдилъ и сѣлъ съ моимъ отцомъ на его престолѣ! Имѣющій ухо слышать, да слышитъ то, что вдохновеніе говоритъ собраніямъ!“

Здѣсь кончаются письма Іоанна къ малоазіатскимъ собраніямъ его единомышленниковъ.

Читатель видитъ, какъ я уже предупреждалъ, что эти семь писемъ совершенно не имѣютъ никакого отношенія къ остальному содержанію книги. Но и они инте-

[20] ἐγχρίσαι κολλούριον τοῦς ὀφθαλμούς σου. Коллура — особый родъ продолговато-круглаго хлѣба, но это слово здѣсь явно не подходитъ. Переводчики вульгаты, а за ними и остальные, допустили, что дѣло идетъ о какой-то глазной мази — коллуріѣ. Но какъ же здѣсь можетъ быть винительный падежъ? Повидимому, κολλούριον здѣсь просто употреблено вмѣсто κολλούριων, а это послѣднее есть мѣстная форма уменьшительнаго отъ καλλίων и значитъ: получше.

ресны въ нѣкоторомъ смыслѣ для исторіи того времени. Они показываютъ, что авторъ не принадлежалъ къ господствовавшей при немъ церкви, иначе онъ не адресовалъ бы своего посланія исключительно семи малоазіатскимъ городамъ, какъ будто бы другихъ не стоило и предупреждать о такой важной вещи, какъ скорое пришествіе Христа на землю. Во всякомъ случаѣ онъ не исключалъ бы Рима, который со времени Петра былъ естественнымъ центромъ христіанства, несмотря на всѣ гоненія первыхъ вѣковъ, или даже благодаря именно имъ.

Изъ одного этого обстоятельства очевидно, что онъ принадлежалъ къ какой-то изъ небольшихъ группъ, имѣвшихъ въ 395 году автономную организацію только въ этихъ семи городахъ, а въ остальныхъ мѣстахъ не обособлявшихся отъ какой-либо изъ двухъ главныхъ фракцій—аріанъ и николаитовъ. По самому астрологическому характеру книги не трудно видѣть, что она наиболѣе соотвѣтствуетъ духу оригенитовъ, вводившихъ въ свою теологію не только узкое изученіе библіи, но и всѣ современныя имъ языческія науки, особенно астрономію и астрологію, такъ какъ въ изученіи неба—предполагаемаго жилища Бога, — они старались по Оригену изучить его самого. Къ этому же приводятъ и другіе историческіе факты, какъ мы увидимъ далѣе.

IV.

Нравы византійскаго духовенства въ концѣ IV вѣка [1].

> Нравы богатыхъ въ концѣ IV вѣка были еще слишкомъ часто языческими нравами, господствовавшими въ продолженіе всей имперіи. Роскошь была необыкновенна, дебошъ всеобщій и свободный.
>
> *Aimé Puech.*

Апокалипсическое описаніе Великой Самопродажницы, „одѣтой въ жемчугъ, кисею и драгоцѣнныя каменья“, „преслѣдующей праведниковъ“ и „проституирующейся съ земными царями“, до того ярко рисуетъ нравы византійской церкви конца четвертаго вѣка при ея пышномъ патріархѣ Нектаріи, что уже по одному этому книгу Іоанна было бы необходимо отнести къ данному времени.

Вотъ какъ очерчиваетъ эти нравы французскій академикъ Тьерри [2].

„При исчисленіи пороковъ (византійскаго) духовенства Палладій отмѣчаетъ три, которые уже сами по себѣ должны были бы вызвать гибель церкви: сладострастіе, обжорство и жадность. Это была „истинная мать всѣхъ пороковъ [3] (апокалипсическая

---

[1] Вся эта глава прибавлена мною, послѣ выпуска изъ Шлиссельбургской крѣпости, къ первоначальному тексту книги.

[2] Amedée Thierry: S Jean Chrisostome et l'Impératrice Eudoxie. 1872 p. 24 etc.

[3] Malorum omnium metropolium avariciam: Palladius: Dialogus. p. 18.

„мать блудниковъ и мерзостей земли“), такъ какъ она ихъ зачинала въ своемъ чревѣ и воспитывала ихъ“.

„Порокъ сладострастія, который Палладій ставитъ въ вину византійскому духовенству [4] проявлялся въ особенности въ обычаѣ жить съ сестрами-агапетами (возлюбленными сестрами) или подводимыми женщинами (mulieribus sub-introductis). Этотъ довольно недавній обычай, если вѣрить Іоанну Хризостому (т. е. самому автору Апокалипсиса, какъ увидимъ далѣе), до такой степени процвѣталъ и такъ повсюду распространился подобно плевеламъ, что заразилъ теперь весь христіанскій міръ (т. е. церковь), какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, и угрожалъ перейти въ церковное установленіе...

Напрасно протестовали ученые, напрасно анафематизировали соборы, и сами гражданскіе законы свирѣпствовали противъ этого сожительства духовенства съ дѣвушками и ихъ проституированья, настолько же губительнаго для дисциплины, какъ и безчестившаго религію,—злоупотребленіе сопротивлялось всѣмъ лекарствамъ... Часть духовенства, зараженнаго этимъ порокомъ, составляла могущественную организацію (Великую Твердыню апокалипсиса), о которую разбился не одинъ доктринеръ и не одинъ епископъ... Іоаннъ Хризостомъ (въ 397 году) не первый разъ былъ въ этой опасной борьбѣ. Когда онъ былъ еще діакономъ въ Антіохіи (т. е. за нѣсколько лѣтъ до составленія имъ въ 395 году „Откровенія въ Грозѣ и Бурѣ“), онъ написалъ два знаменитые

[4] Inteudit (Chrisostomus) sermonem adversus fictam sororiam, ut vocant, vitae societatem, revera autem adversus invere-cundam et improbam vitam cum mulieribus illis, quae dicuntur subintroductae (Pallad. ibid.).

трактата, первый по адресу современнаго духовенства, а второй по адресу дѣвушекъ, которыя предоставляли себя дебошамъ этого лживаго братства“. .....„Суровый хирургъ призвалъ (въ 397 году) на свой судъ тѣхъ, которые жили такимъ образомъ, выгналъ однихъ и обличилъ другихъ“... „Зло за зло, говорилъ онъ имъ: я предпочитаю сводниковъ такимъ служителямъ церкви, какъ вы“... „Войдемъ, говорилъ онъ, въ помѣщеніе, гдѣ они живутъ вмѣстѣ съ дѣвицами, и предположимъ сначала, что дѣвица бѣдна. Бѣдна и потому принуждена работать своими руками. Священникъ всегда около нея, ихъ комната общая, ихъ меблировка общая. Какое зрѣлище, скажите мнѣ, представляется вамъ въ жилищѣ человѣка, предназначившаго себя по своему состоянію уединеннымъ размышленіямъ? Женскія юбки, пояса и митры, висящія вмѣстѣ на стѣнахъ. Въ комнатѣ ладоница, прялка, веретено... Таковы украшенія священническаго жилища!

Теперь предположимъ, что „духовная сестра“ богата... Нужно, чтобъ у ней ни въ чемъ не было недостатка, такъ какъ сами свѣтскія матроны меньше требовательны, чѣмъ эти дѣвицы, и священникъ долженъ ихъ всѣмъ снабдить! Сколько бѣготни нужно, чтобъ удовлетворить ее! Онъ бѣжитъ сначала къ продавцу серебряныхъ издѣлій, чтобъ узнать, готова ли посуда, годно ли для употребленія зеркало его дамы, будетъ ли получена въ надлежащее время амфора вина или флаконичкъ съ душистымъ масломъ. Отъ продавца серебряныхъ издѣлій онъ бѣжитъ въ косметическій магазинъ, такъ какъ этотъ родъ дѣвицъ любитъ косметики, и онѣ имъ нужны разнообразные и дорогіе [5]. Священникъ объясняетъ продавцу, какія изъ нихъ предпочи-

[5] Hinc iterum ad unguentarium currit collocuturus dea romatibus dominae: uruntur autem virgines unquentis et variis. et pretiosis. Chrisost. de Subintroductis p. 242.

таетъ его дама... Затѣмъ слѣдуютъ фабриканты матерій и ковровъ. ...Весь день священника проходитъ въ бѣготнѣ изъ лавки въ лавку, его душа болѣе не въ церкви, а на рынкѣ!"...

Но вотъ открывается базилика... Сколько профанаціи, сколько новыхъ скандаловъ ожидаетъ насъ въ ней! Священникъ ждетъ у дверей появленія своей дамы, и, когда она проходитъ, онъ идетъ передъ нею, какъ ея евнухъ или ея привратникъ. Онъ прокладываетъ ей дорогу, расталкивая плечами толпу, и получаетъ вдоль всего пути улыбки публики. И бываетъ, что онъ не только не краснѣетъ, какъ слѣдовало бы, но тщеславится этимъ. Когда приближается страшный моментъ таинства, дама помогаетъ ему въ этомъ, священникъ поворачиваетъ къ ней голову и какъ будто совѣтуется съ ней взглядомъ". „У этихъ женщинъ манія вмѣшиваться во все, онѣ рѣшаютъ церковные вопросы и сѣютъ вездѣ ссоры".

„Второй порокъ, заражавшій константинопольское духовенство, былъ обжорство, лакомство, страсть къ пирамъ, однимъ словомъ, г л о т к а, какъ энергично говорится на латинскомъ языкѣ. Священники и діаконы вели въ городѣ роскоши и удовольствій самую изнѣженную и самую роскошную жизнь".

„Корыстолюбіе было третьей и наиболѣе смертельной язвой этого развратнаго духовенства"... Сдѣлавшись (противъ воли) наслѣдникомъ пышнаго Нектарія, который принесъ съ собой на епископскую кафедру обычаи роскоши, не уступая въ этомъ городскимъ префектамъ, Іоаннъ Хризостомъ съ самаго начала поставилъ для себя дѣломъ чести уничтожить это великолѣпіе" [6].

„Онъ приказалъ продать всѣ шелковыя и золотыя

[6] Thierry, p. 34.

украшенія, которыя драпировали алтари базиликъ при его прибытіи, всѣ п у р п у р н ы я ткани и богатыя священническія одежды [7]. Великолѣпныя м р а м о р н ы я обкладки и монолитовыя колонны, которыя Нектарій назначилъ для украшенія церкви Анастасіи и которыя лежали на землѣ въ ожиданіи архитектора, были тоже проданы съ аукціона. Онъ разбилъ и продалъ священныя ч а ш и [8], стоившія огромныхъ денегъ, и желалъ имѣть только самыя простыя" [9]. Онъ назначилъ покаянье или распустилъ большую часть діаконовъ, ведшихъ очень свѣтскую жизнь, и нерѣдко назначавшихъ святилища и алтари для своихъ любовныхъ похожденій [10].

Вся эта выписка изъ книги Амедея Тьери: „Св. Іоаннъ Хризостомъ и императрица Евдоксія" до такой степени соотвѣтствуетъ описанію В е л и к о й В а в и л о н с к о й Т в е р д ы н и, которое мы уже читали въ Апокалипсисѣ, а роль великаго пророка этого времени, Іоанна Хризостома, такъ подходитъ къ роли автора „Откровенія въ грозѣ и бурѣ", что искать другого было бы совсѣмъ неумѣстно. Однако, принявъ во вниманіе, что большинство современныхъ теологовъ должны съ предубѣжденіемъ отнестись къ моему изслѣдованію, предположимъ, что все это еще требуетъ доказательствъ. Начнемъ разбирать вопросъ систематически, какъ будто мы не имѣемъ еще никакихъ указаній на личность автора Апока-

[7] т. е. всѣ пышные наряды великой апокалиптической Твердыни: „Грузы золота, и серебра, и драгоцѣнныхъ камней, и бисера, и тонкаго полотна, и шелка, и багряницы, и кипарисоваго дерева, и издѣлій изъ слоновой кости, и всякихъ произведеній изъ драгоцѣннаго дерева, желѣза, мѣди и мрамора"... „и корицы, и кажденій, и мура, и ладона, и вина, и елея (Апокал. 18, 12 и 13)".

[8] Золотую ч а ш у Великой Самопродажницы.

[9] A. Thierry. St Jean Chrysostome 34.

[10] Amedée Thierry: St Jean Chrisostome et l'impératrice Eudoxie (Paris, 1872).

липсиса, а только знаемъ изъ нашихъ астрономическихъ вычисленій, что книга была написана подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ грозы, пронесшейся надъ Патмосомъ 30 сентября 395 юліанскаго года, и землетрясенія, всколыхнувшаго островъ въ этотъ же самый день.

ЧАСТЬ V

ЛИЧНОСТЬ АВТОРА „ОТКРОВЕНІЯ ВЪ ГРОЗѢ И БУРѢ". ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ, КАКЪ РЕВОЛЮЦІОНЕРЪ И ДЕМАГОГЪ.

Главнѣйшіе источники:

Dialogus Historicus Palladii episcopi Helenopolis cum Theodoro, ecclesiae Romanae diacono de vita et conversatione beati Joannis Chrysostomi, episcopi Constantinopolis.

Σωκράτους Σχολαστικοῦ Ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορία.

[Объ книги въ изданіи Patrologiae Cursus Completus. Patrologiae Graecae tomus 57. 1858].

Житія Сѵ̑тыхъ. 1852 г.

Amedée Thierry: St Jean Chrysostome et l'impératrice Eudoxie. Paris, 1872.

Aimé Puech: St Jean Chrysostome et les moeurs de son temps. Paris. 1891.

Муравьевъ. Исторія первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства. 1866 г.

Ἑρμείου Σωζομενοῦ Ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορία. 1858.

I.

Основныя требованія, которымъ долженъ удовлетворять авторъ «Откровенія въ грозѣ и бурѣ».

Само „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“ даетъ цѣлый рядъ указаній на личность своего автора. Вотъ, напримѣръ, нѣкоторыя изъ нихъ:

1. Автора звали Іоанномъ.
2. Онъ жилъ въ малой Азіи или около нея.
3. Онъ жилъ въ концѣ четвертаго вѣка.
4. Въ 395 году онъ былъ не очень молодъ, потому что пишетъ какъ человѣкъ, пользующійся авторитетомъ въ семи городахъ малой Азіи, и не очень старъ, такъ какъ сохранилъ къ этому времени все свое воображеніе и впечатлительность къ окружающимъ явленіямъ природы.
5. Онъ обладалъ недюжиннымъ литературнымъ талантомъ и сильнымъ краснорѣчіемъ, какъ это видно изъ „плача сильныхъ надъ гибелью Великой Твердыни“ и другихъ главъ книги.
6. Его обычный языкъ былъ греческій. Слогъ, которымъ онъ пишетъ, обнаруживаетъ опытную руку, а потому дѣлается несомнѣннымъ, что онъ написалъ не только одно это произведеніе, но и рядъ другихъ книгъ на греческомъ языкѣ, о которыхъ не могло не остаться историческихъ воспоминаній.

7. Онъ родился въ богатой семьѣ, такъ какъ драгоцѣнные камни были для него настолько обычная вещь, что онъ безъ поясненій употребляетъ ихъ для опредѣленія оттѣнковъ утренняго неба или облаковъ, совершенно не давая себѣ отчета въ томъ, что для большинства названія этихъ рѣдкихъ вещей простые звуки, не вызывающіе никакого представленія. Въ такую ошибку постоянно впадаютъ авторы, съ дѣтства привыкшіе къ чему-нибудь очень рѣдкому для остальныхъ.

8. Онъ получилъ блестящее по своему времени образованіе, потому что прекрасно владѣлъ астрономіей, математикой и т. д. Допустить, что это былъ рыбакъ, или пастухъ, или что-нибудь въ такомъ родѣ было бы просто смѣшно.

9. Онъ былъ христіанскимъ теологомъ.

10. Онъ былъ революціонеромъ и республиканцемъ, такъ какъ мечетъ громы и молніи на земныхъ царей.

Но въ первые вѣка нашей эры выдающіеся литераторы, поэты и революціонеры были не настолько часты среди грековъ, чтобъ ихъ пришлось долго разыскивать, когда и имя, и мѣсто, и время ихъ жизни совершенно точно опредѣлены. Можно съ увѣренностью сказать, что если хоть одинъ изъ малоазіатскихъ Іоанновъ конца 4-го вѣка окажется удовлетворяющимъ всѣмъ этимъ требованіямъ, то другого уже не стоитъ и искать.

Вотъ почему, какъ только было закончено мое астрономическое вычисленіе, давшее 395-й годъ, я сейчасъ же обратился къ исторіи первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства и сразу натолкнулся на такую древнюю знаменитость, которой имя дошло и до нашихъ дней: на замѣчательнаго Византійскаго демагога, оратора и писателя, Іоанна Антіохійскаго, называемаго Хризостомомъ, или Златоустомъ.

Все въ его біографіи соотвѣтствовало приведеннымъ

мною требованіямъ и указывало, что авторъ былъ именно онъ, и что непримиримая ненависть къ нему византійскаго императора и клерикаловъ находилась въ прямой связи съ опубликованіемъ этой самой книги. Вотъ вкратцѣ его біографія, которую я составляю главнымъ образомъ на основаніи древне-греческихъ сказаній о его личности. Какъ ни скудны и односторонни эти источники, но фактическая часть ихъ совершенно достаточна, чтобъ доказать справедливость моей догадки, что онъ былъ истиннымъ авторомъ разбираемой нами астрологической книги конца IV вѣка [1].

---

[1] Теперь, просмотрѣвъ послѣ освобожденія изъ Шлиссельбургской крѣпости рядъ другихъ (иностранныхъ) біографій Іоанна, могу добавить, что онѣ мнѣ дали только одни новыя подтвержденія. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

II.

Легенды о дѣтствѣ Іоанна Антіохійскаго и его молодости до появленія «Откровенія».

Іоаннъ Хризостомъ, знаменитый византійскій революціонеръ и протестантъ противъ господствовавшей при немъ государственной церкви (возведенный послѣ смерти неизвѣстно какими способами въ ея собственные святые), родился, повидимому, въ 354 или 355 году, т. е. за 41 годъ до появленія „Откровенія въ грозѣ и бурѣ“ [1]. Его родители, язычники, были очень богатые люди привиллегированнаго сословія и дали ему блестящее по тому времени образованіе. Его отецъ былъ военачальникъ по имени Секундъ, а мать его называлась Анфуса [2]. Они жили въ Антіохіи Сирійской, находящейся близъ устья рѣки Оронтъ, впадающей въ Кипрскій заливъ недалеко отъ южнаго берега малой Азіи, и владѣли въ этой мѣстности большими помѣстьями.

По выходѣ изъ дѣтства, Іоанна отдали сначала Либанію софисту и Андрагафію философу [3] для обученія астрологіи, математикѣ, географіи и всѣмъ тогдашнимъ наукамъ. По словамъ Либанія, онъ былъ обращенъ въ

[1] Изъ его біографовъ Tillemont склоняется къ 347 году, а Stilting къ 344. Я предпочитаю непосредственныя даты византійскихъ біографовъ, приводимыя въ древнихъ книгахъ.

[2] Σωκράτου Σχολαστικοῦ ἐκκλησ. ἱστορία. (Т. VI. κεφ. γ').

[3] Σωκρ. Σχολ. Т. VI, κεφ. γ'.

христіанство въ 370 мъ году Мелетіемъ [4], епископомъ Антіохійскимъ, отвергаемымъ тогдашней государственной церковью. По другимъ же, болѣе достовѣрнымъ источникамъ, Іоаннъ принялъ христіанство лишь на 23-мъ году, послѣ того какъ умерла его мать. Отецъ его умеръ, когда Іоанну не было еще и пяти лѣтъ, оставивъ мать его Анфусу очень молодой вдовой. Ей было съ небольшимъ двадцать лѣтъ, и кромѣ Іоанна у нея не было никакихъ другихъ дѣтей.

Достигнувъ восемнадцатилѣтняго возраста (т. е. приблизительно въ 372 году, когда государственной церковью была еще аріанская), Іоаннъ отправился въ Аѳины, чтобы закончить въ тамошней знаменитой школѣ свое образованіе. Школа эта была языческая, и въ ней преподавались въ полномъ размѣрѣ всѣ науки того времени. Сколько времени тамъ пробылъ Іоаннъ, неизвѣстно. Мы знаемъ лишь, что, по окончаніи курса съ блестящимъ успѣхомъ, онъ вернулся обратно въ Антіохію во всеоружіи современнаго ему знанія, но, повидимому, съ разбитымъ сердцемъ и съ мистическими наклонностями, развившимися на этой почвѣ.

Онѣ-то, можно думать, и побудили его на двадцать третьемъ году принять христіанство, поддаваясь увѣщаніямъ друга своего дѣтства, какого-то Василія, сдѣлавшагося христіанскимъ епископомъ въ очень раннемъ возрастѣ. Въ чемъ состояли его разочарованія, не трудно догадаться уже по тому одному, что о нихъ совсѣмъ умалчиваютъ его византійскіе біографы. Онъ тогда былъ въ возрастѣ, когда для каждаго неизуродованнаго человѣка наступаетъ потребность въ любви, а въ то же время непремѣнно появляется и предметъ, на который она должна направиться. По всей вѣроятности, то же

[4] Aimé Puech: St Jean Chrysostome et les moeurs de son temps, Paris, 1891.

было и съ Іоанномъ въ Аѳинахъ, и очень возможно, что неожиданная смерть любимой дѣвушки и вызвала у него тотъ внезапный порывъ мистицизма и потребности въ отшельничествѣ, который привелъ его къ принятію христіанской религіи, обѣщавшей ему свиданіе въ загробной жизни.

Этотъ порывъ былъ такъ силенъ, что Іоаннъ хотѣлъ сейчасъ же удалиться въ горы, въ одинъ изъ монастырей, но просьбы матери успѣли отклонить его отъ такого намѣренія. Однако, въ скоромъ времени умерла и его мать, и для него не оставалось болѣе никакихъ задерживающихъ причинъ. Іоаннъ роздалъ нуждающимся все свое имущество, освободилъ всѣхъ своихъ рабовъ и рабынь и поселился въ одной изъ уединенныхъ пустынь, въ горахъ близъ Антіохіи, вѣроятно, въ прилегающей къ этому городу малой Азіи.

Все это случилось почти за 17 лѣтъ до появленія „Откровенія въ грозѣ и бурѣ“, около 378 года, когда Іоанну было приблизительно 24 года. Въ это время государственной церковью въ Византійско-Римской имперіи все еще была аріанская. Группа оригенитовъ, къ которой Іоаннъ по своему высокому образованію долженъ былъ неизбѣжно чувствовать особенную симпатію [5], еще не выдѣлялась ничѣмъ особеннымъ изъ всѣхъ остальныхъ фракцій, не принадлежавшихъ къ господствовавшей церкви. Очень возможно, что оригениты находились въ то время въ хорошихъ отношеніяхъ и съ „николаитами“, провозгласившими на Никейскомъ соборѣ единосущность Іисуса съ Богомъ, хотя эта послѣдняя фракція была уже неоднократно анафе-

[5] Въ этомъ потомъ и обвинилъ его соборъ епископовъ: „Origenistas suscepit et eos qui cum ecclesia communicant in carcerem detrusos non curavit sed in ipsa mortuos neque omnino respexit (Act. Synod. ad Quercum apud Phot. 59).

матизирована господствовавшей аріанской церковью, а оригениты еще не были прокляты никѣмъ.

Отъ этого періода его жизни сохранились, какъ говорятъ, нѣсколько написанныхъ имъ книгъ, напримѣръ, книга „О горѣ сердца“ и нѣжно-ободрительно-увѣщательное посланіе „Къ падшему монаху Ѳеодору“. Насколько подлинны или неиспорчены переписчиками эти книги, содержаніе которыхъ, впрочемъ, вполнѣ подходитъ къ его нѣжному и, повидимому, совершенно разбитому въ этотъ періодъ времени сердцу, сказать трудно, потому что весь этотъ періодъ его жизни переполненъ легендарными сообщеніями. Разсказывается, напримѣръ, что жившій въ томъ же самомъ горномъ уединеніи чрезвычайно „прозорливый“ старецъ Исихія подсмотрѣлъ въ одну ночь, когда всѣ остальные спали, какъ въ комнату Іоанна тайно вошли два человѣка. Одинъ изъ нихъ подалъ ему свитокъ папируса и сказалъ:

— Прими этотъ свитокъ изъ моей руки. Я Іоаннъ, лежавшій на груди Властелина на тайной вечери. Я оттуда почерпнулъ божественное Откровеніе (по-гречески: Апокалипсисъ). И тебѣ Богъ даетъ узнать (изъ него) всю глубину премудрости, чтобъ ты напиталъ людей нетлѣнной пищей и премудростью и заградилъ еретическія и іудейскія [6] уста, говорящія беззаконіе на нашего Бога.

Затѣмъ въ средневѣковыхъ византійскихъ документахъ, нашихъ единственныхъ источникахъ [7], слѣдуютъ всѣ обычные, такъ сказать, героическіе подвиги, необ-

[6] Жи҃тіѧ Ст҃ыхъ. Ноябрь, стр. рл҃а изд. 1852 г. Припомните слова объ іудействовавшихъ въ письмѣ къ смирнскому собранію въ Апокалипсисѣ.

[7] Я просмотрѣлъ нѣкоторые изъ нихъ въ Публичной Библіотекѣ и, кромѣ нелѣпостей, почти ничего новаго не нашелъ.

Позднѣйшее примѣчаніе.

ходимые, по мнѣнію древнихъ христіанскихъ историковъ, для біографіи каждаго пророка: и исцѣленіе глаза, много мѣсяцевъ болтавшагося на щекѣ у одного очень хорошаго человѣка, и умерщвленіе мистическимъ способомъ льва-людоѣда, котораго никто не могъ убить оружіемъ,—однимъ словомъ, полный аксессуаръ всевозможныхъ невѣроятныхъ разсказовъ. Впрочемъ, они несравненно лучше смѣшанныхъ съ ними вѣроятныхъ, т. е. правдоподобныхъ измышленій, потому что эти послѣднія въ нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ нельзя отличить отъ дѣйствительныхъ событій.

Только что приведенный разсказъ о посѣщеніи Іоанна другимъ, болѣе древнимъ, Іоанномъ, я нарочно привелъ почти цѣликомъ въ виду того, что онъ является какъ бы отголоскомъ существовавшаго нѣкогда мнѣнія, что „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ", хотя и было дѣйствительно опубликовано Іоанномъ Антіохійскимъ, но на самомъ дѣлѣ принадлежало перу другого, еще болѣе великаго Іоанна, „рыбака съ Геннисаретскаго озера". Мы видимъ здѣсь какъ бы кончикъ того моста, по которому въ пятомъ вѣкѣ былъ сдѣланъ переходъ отъ одного Іоанна къ другому: сначала Іоаннъ Антіохійскій былъ объявленъ не самостоятельнымъ авторомъ Апокалипсиса, а только его передатчикомъ или даже плагіаторомъ книги, принадлежавшей на самомъ дѣлѣ непосредственному ученику Христа, а затѣмъ, чтобъ не возбуждать сомнѣній въ подлинности книги, было замолчано и самое посредничество второго Іоанна. Но объ этомъ мы будемъ говорить еще много далѣе, при изложеніи послѣднихъ гоненій на Іоанна.

Прошло четыре года пребыванія Іоанна въ его горномъ монастырѣ въ непрерывныхъ занятіяхъ науками и теологическими размышленіями. Онъ жилъ вдали отъ

шумнаго свѣта, а въ этомъ свѣтѣ происходили тѣмъ временемъ очень важныя событія и перемѣны. Въ первый же годъ его пребыванія въ монастырѣ умеръ императоръ Валентъ (364—378 г.), и съ его смертью сильно пошатнулось при дворѣ вліяніе аріанъ. Чѣмъ они заслужили немилость новаго императора, Ѳеодосія, неизвѣстно, но онъ явно началъ покровительствовать ихъ врагамъ, николаитамъ. На третій годъ своего царствованія онъ созвалъ, наконецъ, такъ называемый, второй, т. е. Константинопольскій соборъ (381 г.) противъ тогдашняго константинопольскаго епископа Македонія. Этотъ верховный прелатъ, соотвѣтственно его аріанскому исповѣданію, признавалъ Іисуса лишь подобосущнымъ Богу, а святого духа (т. е. святое вдохновеніе, дающее людямъ ясновидѣніе и творческія способности мысли) простымъ орудіемъ Іисуса, какъ средняго существа между богомъ и человѣкомъ. Соборъ (состоявшій, какъ предполагаютъ, только изъ представителей восточной церкви, безъ участія западныхъ, подвластныхъ Риму) проклялъ эти аріанскія воззрѣнія, а вмѣстѣ съ ними осудилъ также и группу апомеевъ, послѣдователей Асція и Евномія, утверждавшихъ, что Іисусъ не подобенъ Богу-Отцу. На этомъ же соборѣ былъ, какъ утверждаютъ, окончательно формулированъ и обычный символъ вѣры, какъ обязательный для всякаго правовѣрнаго христіанина, и установлено еще нѣсколько правилъ, счетъ которыхъ различенъ у различныхъ древнихъ авторовъ.

Іоаннъ, замѣтимъ мимоходомъ, не былъ приглашенъ, или не поѣхалъ самъ на это собраніе, несмотря на то, что былъ уже извѣстнымъ христіанскимъ писателемъ и краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, и несмотря на то, что на соборѣ могли присутствовать не только незначительные пресвитеры, но и діаконы. Какъ же онъ отнесся къ перемѣнамъ въ основныхъ догматахъ хри-

стіанской религіи, провозглашеннымъ на этомъ соборѣ?

Пересматривая сохранившіеся источники и документы, мы находимъ, что около этого самаго времени, или лишь немного послѣ него, онъ тайно убѣжалъ изъ своего монастыря... Дѣйствительно, считая наиболѣе вѣроятной датой его рожденія 354 годъ, какъ это показано въ „Минеяхъ“, и принявъ во вниманіе, что 18-ти лѣтъ онъ уѣхалъ въ Аѳины оканчивать свое образованіе, гдѣ пробылъ около 4 лѣтъ, а затѣмъ приблизительно черезъ годъ умерла его мать, мы прямо подходимъ къ 377 году, какъ времени, когда онъ принялъ христіанство и удалился отъ свѣта въ монастырь. Приложивъ же къ этой датѣ тѣ четыре года, которые Іоаннъ, по словамъ историковъ, провелъ въ монастырѣ, мы и получаемъ для времени его бѣгства знаменательный 381 годъ, когда Константинопольскій соборъ провозгласилъ господствующей религіей „николаитскую“ и предалъ анафемѣ „аріанство“. Въ этомъ же году [8], какъ говорятъ, противникъ государственной церкви, антіохійскій епископъ Мелетій, назначилъ Іоанна своимъ діакономъ.

Его византійскіе біографы, конечно, не дѣлаютъ этихъ неподходящихъ для нихъ хронологическихъ сопоставленій. „Пробывъ въ монастырѣ томъ четыре года, говорятъ они, и восхотѣвъ безмолвнаго житія, Іоаннъ ушелъ оттуда тайно въ пустыню и, найдя нѣкую пещеру, поселился въ ней и пробылъ въ ней два года, живя одинъ въ помышленіяхъ о Богѣ“ [9].

Однако, простой здравый смыслъ говоритъ, что для внезапнаго бѣгства Іоанна изъ его монастыря тотчасъ послѣ „Вселенскаго Собора“, на который его

[8] Aimé Puech: St Jean Chrysastome et les moeurs de son temps. Paris, 1906.

[9] Житія Стыхъ Ноябрь, стр. ρмѵ изд. 1852 г.

не пригласили, имѣлись съ его стороны вѣскія причины. Наше сопоставленіе временъ и событій ясно показываетъ, что бѣгство Іоанна было въ связи съ перемѣнами, происшедшими въ христіанской церкви и даже въ самой религіи со времени воцаренія Ѳеодосія. Передъ этимъ событіемъ, при господствѣ аріанъ, обитатели Іоаннова монастыря принадлежали, по всей вѣроятности, къ числу гонимыхъ, какими въ то время были всѣ не аріане, а послѣ воцаренія Ѳеодосія, когда все перевернулось на обратную сторону, они легко могли признать себя солидарными со стоящими теперь у власти „николаитами“, т. е. той фракціей новой государственной церкви, во главѣ которой стоялъ въ это время, какъ увидимъ далѣе, злѣйшій врагъ Іоанна—Теофилъ Александрійскій.

Въ результатѣ гонимые товарищи Іоанна вдругъ (съ 381 г.) сами превратились въ гонителей и анафематизаторовъ. До воцаренія Ѳеодосія и Константинопольскаго собора они сами попрекали аріанъ за союзъ со свѣтской властью противъ остальныхъ христіанскихъ фракцій и выражали, вѣроятно, этотъ попрекъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, въ принципіальныхъ формахъ, называя аріанскую фракцію „Великой Вавилонской Твердыней“, а теперь они сами заняли ея мѣсто. Лица съ неразвитымъ нравственнымъ чувствомъ сейчасъ же находятъ себѣ въ подобныхъ случаяхъ оправдательные мотивы и мгновенно забываютъ все, что сами же говорили раньше.

Но Іоаннъ, какъ все показываетъ, не принадлежалъ къ ихъ числу. У него была одна и та же мораль, какъ для другихъ, такъ и для себя, а потому, при этой неожиданной перемѣнѣ, ему, конечно, не оставалось ни чего другого, какъ, истощивъ всѣ доводы, убѣжденія и напоминанія о прошлыхъ нападеніяхъ на всякій союзъ со свѣтской властью, уйти отъ своихъ бывшихъ товарищей, не простившись съ ними ни однимъ словомъ.

Преданіе о его двухлѣтнемъ пребываніи въ пустынѣ, въ невѣдомой до сихъ поръ никому пещерѣ, можно думать, такая же легенда, какъ и сотни остальныхъ, которыми переполнена его жизнь. Еслибъ такая пещера существовала, то она давно была бы мѣстомъ пилигримства вѣрующихъ Притомъ же Іоаннъ, горячій и краснорѣчивый проповѣдникъ, не былъ изъ такихъ, которые бѣжали отъ людей. Да и времени для этого анахоретства мы не находимъ въ хронологіи его жизни. Сопоставляя всѣ извѣстные намъ факты, мы приходимъ къ заключенію, что убѣжалъ онъ изъ монастыря прямо въ Антіохію, къ оригенитскому епископу Мелетію, который и назначилъ его своимъ діакономъ въ томъ же 381 году, т. е. вскорѣ послѣ 1-го Константинопольскаго собора [10].

Въ Антіохіи, которая по важности и величинѣ была тогда третьимъ городомъ Византійской имперіи, въ это время господствовалъ сильный расколъ между христіанами. Одна ихъ партія принадлежала къ господствовавшей теперь въ Византійской имперіи фракціи николаитовъ и находилась въ общеніи съ ея номинальнымъ главой — папой. Она имѣла своимъ, т. е. единственно ортодоксальнымъ епископомъ въ Антіохіи, сначала Павлина, а потомъ Евагрія. Въ моментъ возвращенія Іоанна въ храмѣ Павлина проповѣдывалъ извѣстный ненавистникъ оригенитовъ и личный врагъ самого Іоанна—Іеронимъ Блаженный, назначенный пресвитеромъ Павлина еше въ 379 году.

Вторая партія Антіохійскихъ христіанъ не признавала ни Павлина, ни Іеронима и выбирала себѣ своихъ епископовъ, не причислявшихся къ господствующей церкви и подвергавшихся обвиненію въ оригенит-

[10] Aimé Puesh. p. 381.

ствѣ. Руководителями ея сначала былъ Мелетій [11], а затѣмъ Флавіанъ. Послѣдняго даже требовали въ Римъ для оправданія отъ обвиненія въ ереси, но онъ отказался ѣхать, не признавая папу своимъ начальникомъ.

У нихъ-то, т. е. у Мелетія и его преемника Флавіана, а не у ортодоксальнаго Павлина и поселился Іоаннъ послѣ своего двухлѣтняго пребыванія неизвѣстно гдѣ. Мелетій назначилъ его своимъ діакономъ, а Флавіанъ въ 386 году — пресвитеромъ [12].

Дѣятельность пресвитера, особенно оппозиціоннаго, къ какимъ принадлежалъ Іоаннъ, не была еще въ это время той чисто обрядовой, какъ теперь въ ортодоксальныхъ церквахъ. Она сводилась, главнымъ образомъ, на поученія не только религіознаго, но и часто научнаго характера и на полемику съ противниками, изъ которыхъ самымъ главнымъ въ Антіохіи былъ, какъ мы уже отмѣтили выше, Іеронимъ Блаженный. Между рѣчами, приписываемыми Іоанну, мы находимъ, напримѣръ, даже такія, гдѣ трактуется о физіологіи, астрономіи и т. д. Но болѣе всего поражало въ нихъ слушателей не содержаніе, а то, что онъ ихъ произносилъ прямо, а не читая по рукописи. „Прежде него не видали и не слыхали въ томъ городѣ (замѣтьте, въ одномъ изъ главныхъ!), чтобы безъ книги, или хартіи, проповѣдывали слово божіе: онъ былъ первый такой проповѣдникъ [13].

Читая его рѣчи въ современныхъ изданіяхъ, мы прежде всего должны имѣть въ виду слѣдующее важное обсто-

[11] Поѣздка Мелетія въ Константинополь для поставленія Григорія Назіанзиса (Жи́тіѧ, лист. рл҃г, Ноябрь) явная леленда, такъ какъ Константинопольскіе патріархи рукополагались по обычаю фракійскими.

[12] Aimé Puech: St Jean Chrysostome et les moeurs de son temps. Paris. 1891.

[13] Жи́тіѧ, Ноябрь, стр. рл҃е

ятельство: такъ какъ по греческой азбукѣ нельзя писать не только стенографически, но даже бѣгло, то всѣ образчики его рѣчей, дошедшіе до насъ въ произведеніяхъ средневѣковыхъ монаховъ, слѣдуетъ считать подложными, или составленными впослѣдствіи на память кѣмъ-либо изъ его слушателей. Въ нихъ сохранились, вѣроятно, одни лишь темы, а все остальное принадлежитъ составителямъ и корректорамъ, или во всякомъ случаѣ въ нихъ вкралось много посторонних вставокъ и поправокъ. Дѣло въ томъ, что древніе монастырскіе переписчики чужихъ рукописей почти никогда не могли воздержаться отъ ихъ корректированія, когда дѣло касалось религіозныхъ представленій авторовъ. Все, что казалось имъ въ устахъ уважаемаго ими писателя не ортодоксальнымъ, истолковывалось ими на свой ладъ и передавалось отъ его имени въ искаженномъ видѣ, или просто выбрасывалось вонъ при переписке, какъ вставленное туда предыдущимъ переписчикомъ, и замѣнялось своими собственныли измышленіями, нерѣдко совершенно противоположнаго значенія.

Но какъ бы недовѣрчиво ни относились мы къ подлинности или идентичности дошедшихъ до насъ рѣчей Іоанна и всѣхъ древнихъ ораторовъ вообще,—уже одно его прозваніе Златоустъ достаточно показываетъ, что его проповѣди отличались необычной по тому времени увлекательностью.

Всякій разъ какъ въ Антіохіи узнавали, что Іоаннъ будетъ говорить, его сторонники бросали всѣ свои обычныя занятія и бѣжали къ нему въ церковь. Однако, изъ этого еще не слѣдуетъ, что Іоаннъ говорилъ очень ясно и популярно. Совершенно напротивъ: его рѣчь отличалась той же самой особенностью, какую мы видимъ такъ хорошо въ „Откровеніи въ грозѣ и бурѣ". Она всегда характеризировалась своей поэзіей, смѣшанной съ неудобопонятными для непосвященнаго, но поражающими своей неожиданностью, аллегоріями.

Всѣ признаютъ, что темы для его рѣчей отличались необыкновеннымъ разнообразіемъ. По отношенію къ общественнымъ вопросамъ онъ несомнѣнно былъ очень радикаленъ и сильно склоненъ къ соціализму. „Ему, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ историковъ [14], случалось выражать о причинахъ неравенства между людьми идеи, въ которыхъ мы съ удивленіемъ замѣчаемъ чрезвычайное сходство съ идеями Руссо... „Все зло исходитъ отъ этого холоднаго слова, мое и твое (первое письмо къ Тимоеѣю, 12). По происхожденію же и природѣ всѣ люди одинаковы, имѣютъ тѣ же потребности и тѣ же права... Значитъ коммунальное состояніе болѣе естественно, чѣмъ собственность... Никто не споритъ изъ-за того, что общее: ни изъ-за солнца, ни изъ-за воздуха, ни изъ-за воды, которыми всѣ пользуются на равныхъ правахъ. Нѣтъ ссоръ изъ-за общественной собственности, площадей, портиковъ и сооруженій, на которыя всѣ имѣютъ право".

Въ этомъ положеніи знаменитаго проповѣдника при непризнанномъ господствующей церковью епископѣ Флавіанѣ и пробылъ Іоаннъ до 387 года. И вотъ, какъ разъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ назначенія этого „вождя народа" пресвитеромъ въ оппозиціонной церкви Флавіана, населеніе Антіохіи возстаетъ противъ византійскаго политическаго и религіознаго деспотизма и разбиваетъ на площадяхъ города статуи тогдашняго императора Ѳеодосія, его жены, уже умершей въ это время Флакиллы, и его дѣтей, наслѣдниковъ престола, Аркадія и Гонорія.

Взбѣшенный Ѳеодосій тотчасъ послалъ въ Антіохію свои войска, и начались пытки и истязанія. Масса

[14] Aimé Puech, page 67.

жителей разбѣжалась по окрестностямъ, а вмѣсто нихъ нахлынули въ Антіохію оппозиціонные, готовые на смерть, подвижники изъ сосѣднихъ пустынь и монастырей съ обличеніями властей. Извѣстный пустынникъ Македоній, прибѣжавшій изъ своихъ горъ, остановилъ на улицѣ царскихъ сановниковъ, присланныхъ для суда, и „приказалъ имъ сойти съ лошадей". Услышавъ его имя, суевѣрные представители власти покорно повиновались, а онъ произнесъ имъ длинную проповѣдь на тему, что „мѣдныя фигуры ничто въ сравненіи съ фигурами живыми и разумными", которыхъ они теперь губятъ, и грозилъ имъ гнѣвомъ небеснаго Бога за ихъ жестокости.

Все это показываетъ, что низверженіе воздвигнутыхъ въ Антіохіи статуй вышло не изъ-за какого-нибудь чисто гражданскаго столкновенія вродѣ стереотипнаго «увеличенія нѣкихъ налоговъ», а по религіознымъ причинамъ, вызывавшимъ напряженное состояніе и въ другихъ мѣстахъ. Этимъ напряженнымъ состояніемъ и объясняется также, почему поѣхавшему тотчасъ же въ Константинополь (или вызванному туда для оправданія) епископу Іоанна, Флавіану, удалось весной 388 года склонить Ѳеодосія прекратить свое мщеніе и не уничтожать Антіохію, какъ онъ грозилъ, до основанія.

Но почему же поѣхалъ для оправданій именно начальникъ Іоанна, непризнанный и подозрительный для господствующей церкви епископъ Флавіанъ, а не официальный и единственно признанный для Антіохіи епископъ Павлинъ? Уже это одно показываетъ, что низверженіе статуй относили на счетъ паствы Флавіана и Іоанна, и что гроза разразилась именно надъ ихъ сторонниками, а не надъ ортодоксальными сторонниками Павлина.

Принималъ ли Іоаннъ какое-либо участіе въ низверженіи этихъ императорскихъ статуй? Можно думать, что да. Онъ былъ прирожденный демагогъ, какъ характеризуетъ его Византійскій писатель Зосимъ. [15] Изъ его дальнѣйшей біографіи мы увидимъ, что во время своего пребыванія въ Константинополѣ, черезъ 10 лѣтъ послѣ этихъ событій, онъ началъ метать въ своихъ рѣчахъ громы и молніи, какъ только на одной изъ площадей города воздвигли статую императрицы Евдоксіи. Онъ требовалъ въ своихъ проповѣдяхъ ея снятія съ колонны, несмотря на вызванный этимъ гнѣвъ императрицы. Несомнѣнно, что такого же мнѣнія онъ былъ и въ Антіохіи. Не были ли точно также его проповѣди (вродѣ помѣщенныхъ въ Апокалипсисѣ о поклонникахъ изображеній) причиной низверженія императорскихъ статуй и здѣсь? Приписываемыя ему рѣчи „О статуяхъ къ Антіохійскому народу", составленныя на воспоминаніяхъ или просто сочиненныя за него его почитателями въ средніе вѣка, ничего не говорятъ о статуяхъ и о необходимости ихъ низвергать. Но тонъ ихъ все же характерный.

„Можно подумать, говоритъ одинъ изъ его новѣйшихъ біографовъ [16], что онъ раздѣляетъ вину виновныхъ, что онъ испытываетъ, какъ одинъ изъ соучастниковъ, ужасъ ихъ опасности, что гибель, которая угрожаетъ имъ, угрожаетъ и ему".

Но если въ это время Іоаннъ и не былъ даже такимъ рѣзкимъ противникомъ появленія на городскихъ площадяхъ какихъ бы то ни было императорскихъ изображеній, какъ впослѣдствіи въ Константинополѣ, то все же видъ жестокостей, сопровождавшихъ разслѣдованіе этого дѣла долженъ былъ вызвать въ немъ нена-

[15] ἦν γὰρ ὁ ἄνθρωπος ἄλογον ὄχλον ὑπαγαγέσθαι δεινός (былъ онъ человѣкъ необыкновенный для предводительства обезумѣвшей толпой. Zos. V. 23).

[16] Aimé Puech. St. Jean Chrysostome, p. 25 – 26.

висть къ общественному и духовному деспотизму византійскихъ императоровъ. И она, дѣйствительно, не угасла у него во весь послѣдующій періодъ его жизни, вплоть до самой смерти.

Враждебное отношеніе къ Византійскому самодержавію еще болѣе обострилось у него въ 393 году, при кровавой расправѣ императора Ѳеодосія надъ жителями Ѳессалоникъ (теперь Салоники) за какое-то возмущеніе, причины котораго еще не выяснены историками. Расправа эта была такъ жестока, что взволновала общественное мнѣніе даже и въ западной половинѣ Византійско-Римской имперіи, и миланскій епископъ Амвросій, при проѣздѣ черезъ Миланъ императора Ѳеодосія, запретилъ ему посѣщеніе своего храма въ видѣ наказанія за его дикія дѣянія въ Ѳессалоникахъ.

Точно также не могло не отразиться на отношеніи Іоанна къ Византійской Имперіи начавшееся въ 394 г., т. е. всего за годъ до вычисленнаго нами времени появленія Апокалипсиса, жестокое религіозное гоненіе, которому подверглись одинаково, какъ язычники, такъ и всѣ христіане, не принадлежащіе къ господствующей николаитской церкви. Они были лишены всѣхъ общественныхъ и личныхъ правъ, даже права передавать свое имущество по наслѣдству. Они не могли болѣе ни продавать, ни покупать чего-либо безъ спеціальнаго удостовѣренія въ правовѣріи или благонадежности, какъ объ этомъ и говорится въ 13-й главѣ Откровенія: „и вотъ онъ постановляетъ теперь, чтобы всѣмъ, и большимъ и малымъ, и богатымъ и бѣднымъ, и свободнымъ и рабамъ выдавали особые значки (по изслѣдованіямъ Ньютона, кресты +) для ношенія ихъ на правой рукѣ или на головѣ, для того, чтобы не смѣли ни покупать, ни продавать всѣ тѣ, кто не имѣетъ на себѣ знака звѣря или его имени (латинянинъ), или числового изображенія его имени (*666*)".

Всѣ эти гоненія должны были особенно сильно дѣйствовать на Іоанна. Они были направлены противъ его единомышленниковъ, потому что, какъ мы уже знаемъ, онъ принадлежалъ къ паствѣ непризнаннаго государственной церковью и отказавшагося ѣхать къ папѣ для оправданій Флавіана, а не къ паствѣ Павлина, единственно офиціально признаннаго Антіохійскаго епископа.

Но что же стало съ Іоанномъ послѣ низверженія статуй въ Антіохіи?

За всѣ семь лѣтъ, протекшіе отъ антіохійской расправы до выхода «Откровенія въ грозѣ и бурѣ» 30 сентября 395 года (и послѣдовавшей вслѣдъ за этимъ смерти императора Ѳеодосія), мы находимъ пробѣлъ въ его біографіи. По нѣкоторымъ источникамъ и сопоставленіямъ мы можемъ только догадываться, что сейчасъ же послѣ низверженія статуй въ Антіохіи онъ былъ посаженъ Ѳеодосіемъ въ одиночное заключеніе въ томъ же самомъ монастырѣ, изъ котораго, какъ мы уже знаемъ, онъ убѣжалъ въ 381 году. Но черезъ два года пребыванія, какъ говоритъ историкъ «въ безмолвномъ житіи», онъ, повидимому, снова бѣжалъ оттуда, получивъ за это время сильный ревматизмъ въ ногахъ, не оставлявшій его до конца жизни. И мы не можемъ заполнить этого семилѣтняго пробѣла въ его біографіи до смерти Ѳеодосія, если не признаемъ, что онъ былъ авторомъ «Откровенія», а, слѣдовательно, какъ видно изъ самой его книги, скитался въ это время по Малой Азіи, гдѣ организовалъ собранія своихъ единомышленниковъ въ Лаодикіи, Филадельфіи, Сардахъ, Ѳіатирахъ, Пергамѣ, Смирнѣ и Ефесѣ, которымъ и адресовалъ потомъ, на 41 году жизни, свою книгу, послѣ того какъ попалъ по своему личному желанію, или снова былъ сосланъ Ѳеодосіемъ на уединенный островъ Патмосъ.

III.

Насильственное поставленіе Іоанна на Константинопольскую кафедру послѣ появленія „Откровенія". Его жизнь до 13 марта 399 года, когда былъ назначенъ срокъ исполненія этого астрологическаго пророчества (періодъ отъ 30 сент. 395 до 13 марта 399).

Бываютъ случаи, когда, не имѣя въ рукахъ никакихъ лѣтописныхъ свѣдѣній, современный историкъ обладаетъ полной возможностью описать общественное настроеніе какой-либо исключительной эпохи несравненно болѣе вѣрно и правдиво, чѣмъ могли бы сообщить ему это старинные лѣтописцы. Зная, напримѣръ, что 20 ноября 393 года нашей эры было солнечное затменіе, центръ котораго проходилъ черезъ Грецію, Константинополь и Малую Азію, и что небо тамъ было въ это время ясное, современный историкъ имѣетъ полную возможность описать всеобщую панику въ малообразованныхъ слояхъ Константинопольскаго общества, сопровождавшую это явленіе, имѣвшее мѣсто за два года до появленія Апокалипсиса. Если онъ останется въ предѣлахъ должной умѣренности и будетъ руководиться тѣмъ, что въ аналогичныхъ случаяхъ происходитъ и въ другихъ странахъ, стоящихъ на томъ же уровнѣ цивилизаціи, то его картина будетъ совершенно вѣрна и даже много лучше тѣхъ, какія могли бы дойти до него черезъ посредство древнихъ лѣтописцевъ. Въ ней не будетъ, по крайней мѣрѣ, ни «летающихъ драконовъ», ни «голосовъ невидимыхъ ангеловъ», ни «мертвыхъ, появившихся изъ своихъ гробовъ» и никакихъ

другихъ неправдоподобныхъ, или еще хуже *совсѣмъ правдоподобныхъ* вымысловъ и прикрасъ, съ какими старинные легковѣрные историки постоянно перемѣшиваютъ дѣйствительность—особенно когда они принадлежатъ къ духовенству.

Въ такомъ же положеніи мы находимся и по отношенію къ тому времени, когда внезапно появилась книга Іоанна. Мы знаемъ, какой ужасъ наводила даже въ средніе и новые вѣка та дикая фантасмагорія, какой представлялось малообразованному читателю содержаніе „Откровенія въ грозѣ и бурѣ". И весь этотъ ужасъ наводили апокалипсическія чудовища Іоанна уже тогда, когда его книга давно отошла въ прошлое, а потому и исполненіе пророчества невольно относилось читателями къ далекому будущему. Можно же представить себѣ, каково было непосредственное впечатлѣніе появленія Апокалипсиса, когда каждый понималъ его смыслъ буквально и ожидалъ начала предсказанныхъ бѣдствій каждую минуту! Дышущая въ каждой строкѣ искренность автора и его глубокая вѣра въ свои собственныя слова, хаосъ дикихъ образовъ, торопливо нагроможденныхъ одинъ на другой, и увлекательный лиризмъ нѣкоторыхъ мѣстъ, все это исключало всякую мысль объ умышленномъ обманѣ. Книга Іоанна должна была вызвать среди христіанскихъ читателей, и даже въ жившемъ среди нихъ языческомъ мірѣ такую панику, какой еще не бывало въ исторіи человѣческихъ суевѣрій [1].

Фактъ этой паники настолько же несомнѣненъ, какъ несомнѣнно и существованіе самаго Апокалипсиса. *Въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ, гдѣ его прочитывали впервые, онъ долженъ былъ возбудить всеобщій ужасъ среди вѣрующихъ.* Начиная отъ Ефеса, куда онъ впервые попалъ,

[1] Такая же паника была въ 1000 г. и въ 1492 г. нашей эры когда минуло 7000 лѣтъ „отъ библейскаго сотворенія міра".

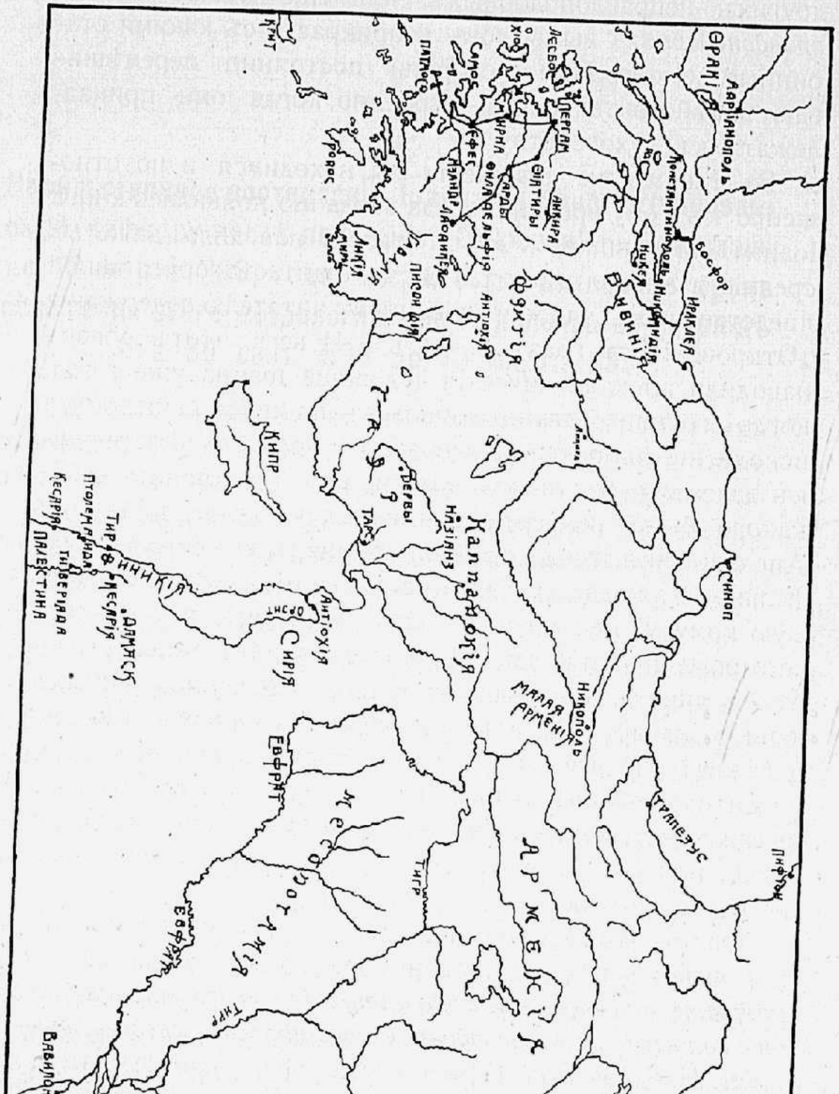


Рис. 64. Путь Апокалипсиса по Малой Азіи.

этотъ ужасъ долженъ былъ распространяться вмѣстѣ съ книгой въ Смирну, Пергамъ, Ѳіатиры, Сарды, Филадельфію и Лаодикію, а затѣмъ прокатиться неудержимой волной и по всему остальному христіанскому міру, по мѣрѣ того какъ съ первоначальной рукописи снимались новыя копіи и попадали въ другіе города. Конечно, медленность копированія, рѣдкость и дороговизна папируса, и нелюбовь старинныхъ сектантовъ дѣлиться своими секретами съ представителями враждебныхъ имъ вѣроисповѣданій должны были, особенно въ первые мѣсяцы, сильно задержать распространеніе книги, и, по всей вѣроятности, первыя копіи ея вышли изъ предѣловъ Малой Азіи не ранѣе 396 года. Въ это время Ѳеодосій былъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ гробу, и, «роковой по счету», седьмой императоръ Аркадій занялъ его мѣсто въ Византіи.

Новому императору было въ это время не болѣе 19 лѣтъ, онъ только что женился на дочери одного франкскаго полководца—Евдоксіи, дѣвушкѣ такой же суевѣрной, какъ и онъ самъ, но несравненно болѣе живой и энергичной. Аркадій при своей безхарактерности и вялости сейчасъ же попалъ подъ власть своей жены, которая и начала управлять черезъ его посредство всей имперіей. Какъ ни были заинтересованы скомпрометированные «Откровеніемъ» представители господствующей николаитской фракціи въ томъ, чтобъ книга Іоанна не дошла до императорской четы, но это, конечно, было невозможно въ виду производимаго ею громового впечатлѣнія и ужаса, распространившагося среди самихъ николаитовъ. Рано или поздно она должна была дойти до Аркадія и Евдоксіи и поразить ихъ ужасомъ еще болѣе, чѣмъ всѣхъ остальныхъ сторонниковъ союза церкви съ государствомъ.

Что же было имъ дѣлать въ этой неминуемой бѣдѣ? Конечно, ничего иного, какъ вызвать самого провоз-

вѣстника бѣдствій и признать его своимъ собственнымъ пророкомъ. Все, что ему угодно приказать — немедленно исполнить, все, что онъ отвергнетъ — немедленно предать анафемѣ... За все, чѣмъ погрѣшили, необходимо просить искреннее прощеніе и дать клятвенное обѣщаніе исправиться!

Все это въ точности и было сдѣлано съ Іоанномъ въ столицѣ Византіи. Въ 397 году (т. е. около года съ половиной послѣ того, какъ Іоаннъ написалъ свою книгу, и вызванная ею паника уже успѣла распространиться до Константинополя) здѣсь умеръ, очень кстати, больной и престарѣлый епископъ Нектарій. И вотъ, какъ говоритъ одинъ изъ самыхъ правовѣрныхъ историковъ на своемъ полуцерковномъ языкѣ, византійская императорская чета «и всѣ Константинопольскіе священники, и окрестные епископы, и весь народъ», едва дождавшись дня смерти своего епископа, уже «требуютъ единогласно», чтобъ на его мѣсто посадили «помимо всѣхъ корыстолюбивыхъ соискателей» [2] никого иного, какъ простого и до сихъ поръ непризнаннаго офиціально пресвитера Іоанна, рукоположеннаго сектантскимъ епископомъ Флавіаномъ и никогда не бывшаго въ Константинополѣ!

Но какъ же отнесся къ этому самъ Іоаннъ, котораго такъ неожиданно возвеличили? Въ это время мы снова застаемъ его на родинѣ въ Антіохіи, куда онъ, вѣроятно, былъ спеціально вызванъ Флавіаномъ и старыми знакомымм для наставленій по поводу того же самаго Апокалипсиса. Спеціальный императорскій посолъ, въ сопровожденіи почетной стражи, быстро прибылъ въ Антіохію и вручилъ Флавіану указъ отпустить въ Константинополь Іоанна, назначаемаго первымъ епископомъ, «патріархомъ» восточной церкви. Но

[2] Муравьевъ. Ист. перв. четыр. вѣк. христ. стр. 336.

Іоаннъ, очевидно, принялъ это за хитрость, чтобы выманить его на расправу, и укрылся отъ императорскаго посольства въ храмъ, какъ дѣлали всѣ люди, боявшіеся преслѣдованія властей, „и вся Антіохія сбѣжалась къ этому храму для того, чтобы его защищать“.

Не въ силахъ ничего сдѣлать съ Іоанномъ и защищавшимъ его населеніемъ, торжественное посольство вернулось ни съ чѣмъ къ императору и императрицѣ.

При обычныхъ условіяхъ на ослушниковъ императорскаго указа обрушилась бы гроза. Непокорный Іоаннъ былъ бы посланъ въ заточеніе, а на предложенное ему высокое мѣсто былъ бы назначенъ „одинъ изъ корыстолюбивыхъ соискателей этого престола“. Но здѣсь, очевидно, было не до того, и вотъ императорская власть поступаетъ совершенно небывалымъ способомъ...

Новому императорскому послу, адъютанту Астерію, было приказано похитить его изъ Антіохіи. Антіохійскій градоначальникъ заманилъ Іоанна въ предмѣстье города [3], какъ бы на совѣщаніе по поводу религіозныхъ сомнѣній, и когда тотъ, ничего не подозрѣвая, пришелъ къ нему, его со всевозможными почестями и поклонами насильно посадили въ колесницу и, окруживъ конвоемъ, дрожавшимъ отъ страха и благоговѣнія, отправили въ Константинополь...

И вотъ, 26-го февраля 398 года [4], какъ разъ за годъ до срока исполненія пророчества (назначеннаго на 13 марта 399 года), Іоаннъ прибылъ въ столицу Византійской имперіи... „И вышелъ къ нему (везомому подъ стражей, чтобы не сбѣжалъ) весь городъ со множествомъ вельможъ, посланныхъ императоромъ встрѣчать его, и принятъ былъ съ почетомъ [5]

[3] Dialogus histor. Palladii, episcopi Helenopolis cum Theodoro diacono, dialogus V.

[4] Aimé Puech: St Jean Chrysostome 286.

[5] Жи́тїѧ Ноябрь, стр. рл҃ѕ — рл҃з

отъ царя и всего собора [6] и народа, и всѣ радовались о такомъ свѣтильникѣ церковномъ (котораго за два года не признавали своимъ)".

Какимъ образомъ удалось заставить Іоанна (послѣ того, что онъ писалъ въ своемъ „Откровеніи") согласиться занять мѣсто Константинопольскаго верховнаго епископа? По всей вѣроятности, всеобщія слезы, раскаянье и просьбы народа сильно размягчили его сердце, и онъ рѣшилъ молить за нихъ Бога среди вызванной имъ самимъ всеобщей паники и ожиданія кончины міра [7]

Но факты говорятъ, что и это онъ сдѣлалъ не сразу. Онъ не хотѣлъ принять назначенія, пока не созовутъ въ Константинополѣ собора изъ всего духовенства Византійской имперіи, и это требованіе было тотчасъ исполнено императоромъ Аркадіемъ. Всѣ первостепенные епископы были вызваны тотчасъ же въ столицу. Даже закоренѣлый врагъ Іоанна, Теофилъ Александрійскій, принужденъ былъ согласиться изъ страха собственнаго осужденія... „и самъ рукоположилъ Іоанна".

Разсматривая этотъ необычный соборъ въ связи съ тѣмъ фактомъ, что Іоаннъ былъ привезенъ насильственно и что въ „Откровеніи" онъ грозно обличалъ господствующую фракцію Θеофила (т. е. николаитовъ), намъ понятна неохота Теофила и другихъ его сторон-

[6] Διὰ δὲ τὸ ἀξιόπιστον τῆς χειροτονίας παρῆσαν ἐκ βασιλικοῦ προστάγματος πολλοί τε καὶ ἄλλοι ἐπίσκοποι, καὶ δὴ καὶ ὁ τῆς Ἀλεξανδρείας Θεόφιλος (Σωκράτους Σχολαστικοῦ Ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορία. Κεφ. β' Τομος VI стр. 661).

[7] Эдиктъ импер. Аркадія и Гонорія въ началѣ 399 года запретилъ всякіе спектакли по воскресеньямъ, а въ 400 году весной къ нимъ прибавили еще недѣлю передъ Пасхой и недѣлю послѣ нея и т. д. (Aimé Puech: page 282). Такова была паника передъ началомъ пятаго вѣка. Замѣтимъ, что съ весны у Византійцевъ начинался новый годъ.

никовъ, еще не совсѣмъ потерявшихъ голову, ѣхать на этотъ соборъ. Какъ бы ни увѣряли насъ ортодоксальные историки, что соборъ этотъ былъ созванъ лишь потому, что „императоръ хотѣлъ торжественнаго поставленія Іоанна" [8], но это простыя слова, потому что ни для кого другого не собирали вселенскихъ соборовъ, ни раньше, ни позже Іоанна, а посвящали прямо, вызывая для этого Θракійскаго епископа [9]. Да и соборъ созвать въ тѣ времена, при плохихъ путяхъ сообщенія, было далеко не легко. Причина же съѣзда въ данномъ случаѣ становится вполнѣ понятной, какъ только мы припомнимъ нѣкоторыя мѣста „Откровенія". Очевидно, что авторъ его не хотѣлъ и не могъ принять должность главы восточной церкви, пока лица, съ которыми ему придется сообщаться, какъ съ собратьями, не дали ему торжественнаго обѣщанія не дѣлать болѣе поступковъ, за которые онъ металъ на нихъ громы и молніи.

И когда всѣ эти обѣщанія были ему даны епископами, пораженными ужасомъ отъ перспективы скораго пришествія Христа, какъ оно описано въ „Откровеніи", Іоаннъ, вѣроятно, и согласился считать ихъ за своихъ.

На панику же среди христіанъ и, какъ ея результатъ, необычное религіозное настроеніе при его водвореніи единогласно указываютъ всѣ источники.

„Ристалищи и амфитеатры, говоритъ высокопарно Муравьевъ въ своей „Исторіи первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства" [10], временно опустѣли (въ первый годъ его пребыванія), какъ осушаются берега отъ волнъ, сгоняемыхъ сильнымъ вѣтромъ. Волны народныя хлынули въ церковь. Кафедра сдѣлалась слишкомъ отдаленной, чтобъ можно было слышать его слова,

[8] Муравьевъ. Исторія первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства, стр. 336—337.

[9] Тамъ же, стр. 345.

[10] Стр. 333.

и онъ „былъ принужденъ говорить съ амвона посреди церкви".

Что же онъ проповѣдовалъ въ это время? Я уже не разъ говорилъ, что идентичности дошедшихъ до насъ рѣчей всѣхъ древнихъ ораторовъ совершенно нельзя довѣрять. Всѣ онѣ сильно искажены древними корректорами, обтесывавшими рѣчи всѣхъ, кому они сочувствовали по образу и подобію своихъ собственныхъ проповѣдей, а изъ словъ враговъ непремѣнно дѣлавшіе глупость и чепуху, не говоря уже о множествѣ прямыхъ подлоговъ. Но если мы допустимъ, что тѣ рѣчи, которыя приписывались Іоанну за этотъ періодъ, не особенно искажены, то онѣ очень характерны. Во многихъ изъ нихъ онъ прямо говоритъ о близкомъ пришествіи Іисуса и разъ или два намекаетъ на 400 годъ послѣ его рожденія, что и соотвѣтствуетъ вычисленному нами 399 году, такъ какъ время рожденія Егошуа считалось за годъ или за два до начала нашей эры. „Властелинъ близокъ: ждите его. Мы не далеки отъ исполненія (пророчества), и міръ уже склоняется къ концу. Это возвѣщаютъ войны, бѣдствія и землетрясенія. Это возвѣщается изсяканіемъ любви. Какъ тѣло въ предсмертной агоніи испытываетъ всевозможныя боли, какъ зданіе передъ крушеніемъ роняетъ отваливающіяся доски крыши и стѣнъ,—такъ и бѣдствія, нахлынувшія со всѣхъ сторонъ, возвѣщаютъ кончину міра". Такія же мѣста мы находимъ и въ другихъ приписываемыхъ Іоанну рѣчахъ [11]. Во всѣхъ нихъ звучитъ кромѣ того еще одна струна, совершенно соотвѣтствующая данному моменту. Онъ говоритъ вездѣ о безграничномъ милосердіи Божіемъ къ кающимся грѣшникамъ и о необходимости не отчаяваться въ своемъ спасеніи даже и при самыхъ ужасныхъ грѣхахъ, если кто успѣетъ въ нихъ раскаяться своевременно: „Даже своего

[11] Aimé Puech. St Jean Chrysostome p. 310.

собственнаго предателя Іуду", говоритъ онъ въ своей первой же рѣчи этого періода [12], простилъ бы Христосъ, еслибъ онъ не впалъ въ отчаяніе и не повѣсился. „Раскаялся Іуда. Согрѣшилъ, сказалъ онъ, предавъ кровь неповинную. Услышалъ эти слова соблазнитель, узналъ, что тотъ вступаетъ на лучшій путь и начинаетъ итти къ спасенію, и испугался исправленія. Милосерднаго, молъ, имѣетъ Властелина: когда хотѣлъ Іуда предать его, онъ прослезился надъ нимъ и много увѣщевалъ его (этого увѣщанія нѣтъ въ евангеліяхъ, дошедшихъ до насъ). Во сколько же разъ скорѣе онъ приметъ кающагося... И пригналъ его къ повѣшенію, и вывелъ изъ настоящей жизни, и лишилъ его стремленія къ покаянію. А то, что Іуда спасся бы, если бы остался живъ, подтверждается распинателями, потому что Іисусъ спасалъ вѣшавшихъ его на крестъ и на самомъ крестѣ молилъ о нихъ отца"...

Всѣ девять рѣчей, составляющихъ эту серію поученій, представляютъ только различные мотивы на ту же самую тему, вполнѣ подходящую ко всеобщему ужасу и покаянію передъ кончиной міра. Но есть и другія темы, можетъ быть, принадлежащія къ тому же самому первому году его пребыванія въ Константинополѣ. Въ одной изъ этихъ рѣчей Іоаннъ совѣтуетъ, напримѣръ, богатымъ людямъ „вставать ночью со своихъ пышныхъ постелей и созерцать теченіе небесныхъ свѣтилъ посреди глубокаго безмолвія и великой тишины ночи, освѣжающей и облегчающей душу, потому что мракъ и спокойствіе ночи пробуждаютъ благоговѣніе, а люди, лежащіе на своихъ постеляхъ, какъ въ гробахъ, изображаютъ кончину міра.

[12] Стаго Іоанна Златоустаго Бесѣды. Изд. 1877 г., стр ѣ.

За два года, протекшіе съ тѣхъ поръ, какъ онъ составлялъ на уединенномъ островѣ свое „Откровеніе“, ему, конечно, много пришлось пережить и передумать. Въ то время, какъ всѣхъ остальныхъ людей, съ каждымъ новымъ мѣсяцемъ приближенія срока, охватывала все большая и большая паника, у него самого все болѣе и болѣе должно было возникать сомнѣній въ томъ, что его предсказаніе исполнится въ той самой формѣ, въ которой онъ предполагалъ. Въ томъ, что оно было божественнаго происхожденія, онъ, какъ мы увидимъ далѣе изъ нѣсколькихъ его проповѣдей, не сомнѣвался до самаго конца. Но отсутствіе многихъ изъ предсказанныхъ имъ промежуточныхъ событій уже должно было заставить его догадываться, что Богъ поступилъ съ нимъ такъ же, какъ съ пророкомъ Іоной, которому онъ поручилъ возвѣстить гибель великаго города Ниневіи, а потомъ пожалѣлъ городъ въ виду всеобщаго раскаянья его жителей и пощадилъ его, оставивъ Іону плакать подъ кустомъ. Жалѣлъ ли и Іоаннъ о томъ, что часть изъ предсказанныхъ имъ бѣдствій была уже отмѣнена Богомъ? Повидимому нѣтъ, потому что онъ былъ очень мягкосердеченъ. Его „Великая Твердыня Врата Господни“ теперь представлялась ему кающейся Магдалиной, какой она, несомнѣнно, и была въ эти промежуточные годы, когда всѣ николаитскіе епископы воображали, что Дамокловъ мечъ уже спускается надъ ихъ головами.

И вотъ, въ концѣ концовъ, Іоанну, не видѣвшему исполненія предсказанныхъ имъ бѣдствій, повидимому, стало казаться, что Богъ смилостивился надъ грѣшными епископами и отмѣнилъ большую часть назначенныхъ для нихъ въ „Откровеніи“ наказаній. По крайней мѣрѣ, во многихъ изъ приписываемыхъ ему за это время проповѣдей прямо говорится, что Богъ часто внушаетъ своимъ пророкамъ такія пророчества, которымъ

не суждено исполниться, съ единственной цѣлью напугать грѣшниковъ, чтобъ привести ихъ къ раскаянью и затѣмъ отмѣнить назначенную для нихъ кару. Чрезвычайно интересны нѣсколько мѣстъ, находящихся въ нѣкоторыхъ изъ этихъ рѣчей, но я буду цитировать ихъ далѣе, такъ какъ многія изъ нихъ относятся уже къ 399 и 400 годамъ, когда пророчество потерпѣло окончательное фіаско, и на Іоанна начала подниматься буря.

Въ это же время, т. е. отъ его насильственнаго водворенія на константинопольской кафедрѣ 26 февраля 398 года и до конца 400-го года (когда съ благополучнымъ окончаніемъ четвертаго вѣка всѣ вдругъ пріободрились) его дѣятельность сводится главнымъ образомъ на уничтоженіе всевозможныхъ пороковъ, скопившихся въ Византійской церкви, на сокращеніе формальной стороны ея богослуженія, на введеніе вечерей по образцу древнихъ христіанъ (какъ объ этомъ и писалъ онъ въ „Откровеніи“ въ посланіи къ Ефесскому собранію своихъ единомышленниковъ) и на примиреніе между собою враждующихъ фракцій христіанскаго міра.

Прежде всего, конечно, онъ постарался примирить обновившуюся въ его глазахъ господствовавшую фракцію со своимъ прежнимъ епископомъ Флавіаномъ, не признаваемымъ ею за епископа даже и послѣ возведенія Іоанна. Съ этой цѣлью въ Римъ отправились по его желанію верейскій епископъ Акакій и пресвитеръ Исидоръ. То, что раньше считалось невозможнымъ, теперь оказалось совсѣмъ легко: они быстро возвратились и привезли общительныя грамоты Флавіану [13], а съ нимъ, очевидно, и всѣмъ оригенитамъ.

---

[13] Муравьевъ. Исторія первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства, стр. 341 и 315.

Точно также удалось ему привлечь къ себѣ и аріанъ. Вражда между ними и николаитами была такъ велика, что между обоими фракціями постоянно происходили побоища на улицахъ Константинополя и другихъ городовъ, особенно, когда встрѣчались двѣ противоположныя религіозныя процессіи. Примирить ихъ было бы совершенно невозможно въ обыкновенное время, но Іоанну въ его исключительномъ положеніи удалось сдѣлать даже это, хотя и на короткое время. Аріанская фракція отнеслась къ нему настолько хорошо, что готскіе аріане просили его собственноручно рукоположить къ нимъ въ епископы пресвитера Улинаса, что и было исполнено Іоанномъ.

Теперь, когда мы знаемъ время выхода „Откровенія" и могли уже убѣдиться, что его авторомъ былъ самъ Іоаннъ, мы можемъ прямо сказать, что въ первые годы его управленія не было и не могло быть ни николаитовъ, ни аріанъ и никакихъ другихъ христіанскихъ сектъ: всѣ были оригенитами, или вѣрнѣе, іоаннитами, какъ и назывались въ то время сторонники Іоанна.

Потомъ, когда минули эти ужасные три года ежедневнаго ожиданія кончины міра, когда наступилъ новый пятый вѣкъ, и самъ Іоаннъ, безъ сомнѣнія, объявилъ, что Богъ смилостивился надъ грѣшниками и отложилъ на долгій срокъ свой приходъ на землю, всѣ прежнія страсти, какъ сейчасъ увидимъ, разразились съ новой силой и смели съ лица земли и самого Іоанна, и всѣхъ его друзей, и сторонниковъ...

IV.

Роковой день 13 марта 399 года. Фіаско астрологическаго предсказанія. Попытки Іоанна оправдаться.

Я не буду останавливаться на рядѣ чудесныхъ происшествій, которыми изукрасили древніе византійскіе историки весь этотъ періодъ жизни Іоанна, чтобы изъ нашего повѣствованія не вышло разсказа вродѣ тысячи и одной ночи. Я прямо перейду къ роковому для него дню 13 марта 399 года, когда, по его астрологическимъ вычисленіямъ, Агнецъ изъ созвѣздія Овна долженъ былъ спуститься на землю на ярко-бѣломъ конѣ Юпитера. О томъ, что сошествіе Христа на землю должно было совершиться въ этотъ самый воскресный день, вѣроятно, зналъ только онъ одинъ, такъ какъ онъ зашифровалъ его въ 11, 12 и 19-й главахъ „Откровенія" настолько хорошо, что цѣлыхъ полторы тысячи лѣтъ никто ничего не могъ разобрать. Но можно думать, что въ общемъ видѣ онъ не разъ намекалъ и даже прямо проговаривался своимъ друзьямъ въ интимныхъ разговорахъ, что все окончится въ 399 году, и что слѣдующій за этимъ пятый вѣкъ уже будетъ „царствомъ Властелина нашего Іисуса-посвященнаго" [1]. Отъ его ин-

[1] Въ рѣчахъ, приписываемыхъ Іоанну Антіохійскому (Златоусту), есть прямыя указанія на эту дату: на 400-й годъ послѣ рожденія Христа (399-й нашей эры). См. Aimé Puech: St Jean Chrysostome et les moeurs de son Temps. 1891, p. 311.

тимныхъ друзей сообщеніе это неизбѣжно должно было распространиться и далѣе отъ уха къ уху. Въ концѣ концовъ ни для кого изъ вѣрующихъ не оставалось тайной, что событіе связано съ послѣдними годами четвертаго вѣка отъ Рождества Христова, хотя точнаго „начала“ пятаго вѣка никто не зналъ, потому что время рожденія Егошуа не было тогда офиціально опредѣлено. Четыре вѣка были даны людямъ, чтобы они увѣровали въ Іисуса, а пятаго уже не будетъ, думали всѣ сторонники Іоанна, и это вполнѣ соотвѣтствуетъ представленіямъ древнихъ, что все въ мірѣ связано съ числами... [2]

Но вотъ, когда постороннія лица еще продолжали въ ужасѣ ждать исполненія пророчества, роковой день уже минулъ для Іоанна, и ничего особеннаго не произошло въ природѣ... Какъ перенесъ это Іоаннъ? Указанія на это мы находимъ въ его собственныхъ рѣчахъ по поводу пророка Іоны. Исторія обоихъ пророковъ такъ сходна, что я рѣшаюсь привести коротенькое сказаніе объ Іонѣ почти цѣликомъ:

„И было слово Властелина къ Іонѣ, сыну Амафіи: „встань, иди въ Великую Твердыню [3] Ниневію (какъ и Іоанну было велѣно проповѣдовать противъ Великой Твердыни Вавилона) и проповѣдуй въ ней, ибо злодѣянія ея дошли до меня.

„И всталъ Іона, чтобы бѣжать въ Ѳарсисъ отъ лица Властелина (какъ, можетъ быть, и Іоаннъ на Патмосъ)“... Но поднялась буря, и моряки выбросили въ море Іону, „ибо узнали эти люди, что онъ бѣжитъ отъ лица Властелина, какъ онъ самъ сказалъ имъ“.

[2] Я уже упоминалъ, что аналогичныя предсказанія были сдѣланы на 1000-й годъ нашей эры и на 7000-й отъ библейскаго сотворенія міра.

[3] Я перевожу здѣсь греческое слово πόλις—твердыней, такъ какъ оно переведено этимъ словомъ въ Апокалипсисѣ.

„И повелѣлъ Властелинъ большому киту проглотить Іону. И былъ Іона во чревѣ этого кита три дня и три ночи. И помолился Іона Властелину, Богу своему, изъ чрева кита“... И Богъ велѣлъ киту извергнуть Іону на сушу.

„И всталъ Іона и пошелъ въ Ниневію по слову Властелина. Ниневія же была — городъ великій у Бога, на три дня ходьбы.

И началъ Іона ходить по городу и проповѣдывать, говоря: „еще сорокъ дней [4]—и Ниневія будетъ разрушена!“ И повѣрили ниневитяне Богу, и объявили постъ, и одѣлись во вретища отъ большого изъ нихъ до малаго (какъ и константинопольцы при Іоаннѣ). И дошло это слово даже до царя Ниневіи, и онъ всталъ (какъ Аркадій у Іоанна) съ престола своего и снялъ съ себя царское облаченіе, и одѣлся во вретище, и сѣлъ на пеплѣ“.

„И увидѣлъ Богъ дѣла ихъ, что они обратились отъ злого пути своего, и пожалѣлъ Богъ о бѣдствіяхъ, о которыхъ сказалъ, что наведетъ на нихъ, и не навелъ“.

„Іона сильно огорчился этимъ и былъ раздраженъ. И молился онъ Властелину, и сказалъ: о, Властелинъ! не это ли говорилъ я, когда еще былъ въ странѣ моей? Потому я и бѣжалъ въ Ѳарсисъ, я зналъ, что ты Богъ благой и милосердый, долготерпѣливый и многомилостивый и пожалѣешь о бѣдствіяхъ (читатель самъ видитъ, что эти понятія о Богѣ носятъ явно христіанскій, а не древне-библейскій характеръ). И теперь, Властелинъ, возьми душу мою отъ меня. Ибо лучше мнѣ умереть, чѣмъ жить (лжепророкомъ)“.

„И сказалъ Властелинъ: „неужели это огорчило тебя такъ сильно?“ А Іона вышелъ изъ города и сѣлъ у восточной стороны. Онъ сдѣлалъ себѣ шалашъ и сѣлъ подъ нимъ въ тѣни, чтобы увидѣть, что будетъ съ городомъ“.

[4] Въ спискахъ 4 го вѣка было только 3 дня, какъ въ пророчествѣ Іоанна $3^1/_2$ года.

„И произрастилъ Властелинъ-Богъ растеніе, и оно поднялось надъ Іоною, чтобы надъ головою его была тѣнь, и чтобъ избавить его отъ огорченія. Іона очень обрадовался этому растенію. И устроилъ Богъ такъ, что на другой день, при появленіи зари, червь подточилъ растеніе, и оно засохло. Когда же взошло солнце, навелъ Богъ знойный восточный вѣтеръ, и солнце стало палить голову Іоны, такъ что онъ изнемогъ и просилъ себѣ смерти, и сказалъ: „лучше мнѣ умереть, нежели жить".

И сказалъ Богъ Іонѣ: „неужели такъ сильно огорчился ты за растеніе?" Онъ сказалъ: „очень огорчился, даже до смерти". Тогда сказалъ Властелинъ; „ты сожалѣешь о растеніи, надъ которымъ ты не трудился и котораго не растилъ, которое въ одну ночь выросло и въ одну же ночь и пропало. Мнѣ ли не пожалѣть Ниневіи, Великой Твердыни, въ которой болѣе ста двадцати тысячъ человѣкъ, не умѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой, и множество скота?"

Эта коротенькая легенда такъ дышетъ новозавѣтными представленіями о Богѣ первыхъ вѣковъ христіанства и такъ напоминаетъ исторію самого Іоанна, какой она представляется послѣ моего вычисленія времени „Откровенія", что я не разъ думалъ, не принадлежитъ ли она уже началу пятаго вѣка, и не лежитъ ли въ основѣ ея исторія самого неудавшагося пророчества Іоанна? Даже имя Іона легко могло быть лишь иностраннымъ произношеніемъ имени Іоннна, вѣдь обратился же Іоаннъ у разныхъ народовъ въ Яна, Жана, Джона и т. д.?

Однако, этому предположенію противорѣчатъ многія ссылки на сказаніе объ Іонѣ (относимое нѣкоторыми средневѣковыми теологами къ 862 г. до Р. Х.) въ рѣчахъ, приписываемыхъ самому Іоанну, а для астрономической провѣрки времени своего возникновенія легенда объ

Іонѣ не даетъ никакой опоры [5]. Но для насъ въ данномъ случаѣ это не важно. Если разсматриваемая легенда христіанскаго происхожденія, то она, несомнѣнно, относится къ Іоанну, жизнь котораго переполнена всевозможными легендами, и показываетъ, какъ онъ самъ и окружающіе его, и весь народъ на востокѣ объяснили неудачу предсказанія. Если же она болѣе ранняго происхожденія, то она же и должна была послужить ему истолкованіемъ его собственнаго положенія. Дѣйствительно, въ рѣчахъ, приписываемыхъ Іоанну и относимыхъ къ его константинопольской дѣятельности, мы находимъ цѣлый рядъ ссылокъ на Іону и другихъ пророковъ, предсказанія которыхъ отмѣнялись Богомъ. Такими ссылками какъ будто оправдывается онъ самъ, или скорѣе, оправдываютъ его послѣдующіе авторы, составлявшіе по чужимъ воспоминаніямъ эти рѣчи. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько цитатъ изъ собранія его (?) проповѣдей **ѡ поканіи**, изданныхъ въ Москвѣ въ 1877 г. шестымъ изданіемъ на церковно-славянскомъ языкѣ.

Въ первой рѣчи говорится (стр. ѵ): „Ниневійскій городъ весь спасся этимъ способомъ (т. е. покаявшись въ своихъ грѣхахъ и прося Бога смилостивиться надъ собой), хотя опредѣленіе Божіе приводило ихъ въ отчаянье, потому что не сказалъ имъ пророкъ, что спасутся, если покаются, а просто: „еще три дня—и Ниневія погибнетъ (въ латинской вульгатѣ и современныхъ спискахъ вмѣсто трехъ дней—сорокъ). Однако, хотя и Богъ угрожалъ и пророкъ вопилъ, а также и изрѣченіе не содержало въ себѣ никакой отсрочки или условія, они не пали духомъ и не бросили добрыхъ надеждъ. Для того то и не приложилъ Богъ условія и не сказалъ, что если покаются, то спасутся, чтобъ

[5] Мѣсто у Луки (XI, 29—30) можно считать внесеннымъ переписчиками.

также и мы, слыша (теперь) Божіе опредѣленіе, произносимое безъ условія, не отчаявались и не ослабѣвали, видя такой примѣръ". Подчеркнутыя слова здѣсь характерны: мы вовсе не такъ часто слышимъ „Божіи опредѣленія, произносимыя безъ условія", чтобъ о нихъ стоило говорить ни съ того, ни съ сего, въ обычное время. По всей вѣроятности, это мѣсто именно и относится къ тогдашнему ожиданію второго пришествія Христова и къ предсказаннымъ въ „Откровеніи" бѣдствіямъ.

Во второй рѣчи (стр.) приводится примѣръ неисполненнаго пророчества Иліи Ахаву: „И предлагаетъ Илія Ахаву опредѣленіе такими словами: Такъ говоритъ Богъ: за то, что ты убилъ Навуѳея и взялъ въ наслѣдство себѣ его виноградникъ, и пролилъ кровь неповиннаго человѣка, такъ прольется и твоя кровь, и собаки вылижутъ ее, и продажныя женщины обмоются въ ней (въ вульгатѣ и современныхъ спискахъ послѣдняго выраженія нѣтъ, да и все мѣсто редактировано иначе, см. 3-я книга царствъ, гл. 21, въ концѣ). Но Ахавъ признался въ неправдѣ, и Богъ отмѣнилъ назначенный для него приговоръ". „Однако, передъ этимъ, продолжаетъ Іоаннъ въ своей рѣчи, извинился Богъ передъ Иліей, чтобы онъ не оказался лжецомъ и не выстрадалъ того, что выстрадалъ Іона... Что же Богъ говоритъ Ильѣ? Видѣлъ ты (говоритъ онъ), какъ пошелъ Ахавъ, плача и сѣтуя передо мною? Не сдѣлаю, какъ онъ заслуживаетъ по своей злобѣ (въ вульгатѣ и современныхъ спискахъ говорится, что Богъ только перенесъ месть съ отца на сына)". Затѣмъ и въ этой рѣчи опять повторяется весь разсказъ объ Іонѣ, а остальное ея содержаніе все—о надеждѣ на милосердіе Божіе ко всѣмъ кающимся грѣшникамъ.

Въ пятой бесѣдѣ авторъ снова возвращается къ Іонѣ и, повторивъ весь разсказъ о его неудавшемся пророчествѣ, заключаетъ его такъ (стр.): „Чего же ради, Боже, предвозвѣщаешь бѣдствія?" *„Для того,* отвѣчаетъ онъ, *чтобы не сдѣлать мнѣ того, что предсказываю".* Для этого онъ и геенною грозилъ намъ (вѣроятно, въ недавнемъ „Откровеніи въ грозѣ и бурѣ"), чтобы не отослать насъ въ нее: „пусть, молъ, устрашатъ васъ слова, а не опечалятъ вещи!"

Въ седьмой бесѣдѣ указывается на смыслъ семидневной отсрочки въ паденіи Іерихона и говорится (стр.): „Ты силенъ (Боже) сдвинуть горы съ мѣста и повергнуть въ море, а единаго упорнаго города не хочешь сокрушить, но семь дней опредѣляешь до его разоренія! Зачѣмъ? Не могушество мое, отвѣчаетъ онъ, безсильно, а милосердіе медлительно! Даю семь дней, какъ Ниневіи три дня, и можетъ статься, что городъ этотъ приметъ проповѣдь о покаяніи и спасется!" Здѣсь видно такое сильное желаніе автора подобрать изъ библіи какъ можно болѣе примѣровъ относительно отмѣненныхъ Богомъ пророчествъ, что онъ впалъ даже въ невольную натяжку, придавая такое толкованіе повелѣнію Бога Іисусу Навину (Навинъ, глава 6) семь дней обходить Іерихонъ съ трубными звуками, раньше чѣмъ падутъ его стѣны. Въ библіи нѣтъ и намека на возможность такого объясненія, какое даетъ этимъ обходамъ Іоаннъ.

Наконецъ, въ четвертой рѣчи этой серіи (которая, по всей вѣроятности, была послѣдней изъ нихъ, такъ какъ ихъ порядокъ не установленъ), мы читаемъ на стр. :

„Когда мы были смущены отъ голода и мора, отъ града и бездождія, отъ пожаровъ и непріятельскаго нашествія не всякій ли день базилика была тѣсна по причинѣ собравшагося народа?.. Когда же отмѣнилъ Богъ этотъ гнѣвъ и, прекративъ невзгоды, произвелъ тишину послѣ *такой бури,* мы снова возвратились къ

нашимъ прежнимъ предпріятіямъ. И хотя я не переставалъ объ этомъ предсказывать и провозвѣщать въ *самое время искушенія*, однако, вы нисколько не воспользовались этимъ. Вы выбросили все это изъ вашихъ мыслей, какъ сонъ въ прошедшую ночь. Поэтому и боюсь я теперь болѣе, чѣмъ тогда, какъ бы не навлечь вамъ на себя золъ болѣе тяжкихъ, чѣмъ первыя, и чтобъ не получили вы отъ Бога неисцѣлимой раны".

Въ этой рѣчи чувствуется какъ будто уже успокоеніе публики отъ всеобщей паники, вызвавшей насильственное водвореніе Іоанна въ Константинополѣ, когда „цирки и амфитеатры опустѣли, какъ осушаются берега отъ волнъ, сгоняемыхъ сильнымъ вѣтромъ". Конечно, я далекъ отъ мысли (какъ уже не разъ говорилъ) считать эти рѣчи *стенографированными* со словъ самого Іоанна, а не составленными за него впослѣдствіи по воспоминаніямъ или преданіямъ. Сличеніе тѣхъ изъ нихъ, которыя дошли до насъ въ двухъ древнихъ копіяхъ, достаточно показываетъ, что съ ними обращались безцеремонно [6]. Однако, нѣкоторыя особенности приводимой нами серіи обнаруживаютъ ихъ большую правдоподобность. За это говоритъ прежде всего полное отсутствіе въ нихъ какихъ бы то ни было ссылокъ на „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ" и на евангеліе отъ Іоанна, хотя обильно цитируются три остальныя евангелія, а также многія книги изъ библіи и особенно посланія Павла.

Невольно чувствуется, что эти рѣчи были редактированы людьми, для которыхъ еще не утерялась

[6] Сравните, напримѣръ, бесѣду о Іудѣ Искаріотскомъ, которая попала въ тотъ же самый цитируемый нами сборникъ въ двухъ спискахъ: первый варіантъ подъ названіемъ „Въ святой и великій четвергъ" на стр. ϡδ, а второй подъ названіемъ „О божественной вечери" на стр. δ.

традиція о принадлежности Апокалипсиса этому самому Іоанну. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ спеціально говорится о второмъ пришествіи Христа, какъ, напримѣръ, въ рѣчи „Въ день сошествія святаго духа (на стр. ρϟϗ)", редакторъ не рѣшился ввести цитатъ изъ „Откровенія": „Хотите ли, скажу вамъ и нѣчто страшное, но не для того, чтобъ опечалить, но исправить васъ. Тогда огненная рѣка [7] потечетъ передъ престоломъ этимъ (т. е. небомъ), тогда свитки папируса откроются, и будетъ произведенъ судъ страшный и грозный, и будутъ прочитаны записи нашей жизни, какъ и въ земныхъ судахъ. О свиткахъ же тѣхъ много упоминали пророки".

Въ подтвержденіе этихъ словъ передатчикъ Іоанна приводитъ цитаты изъ Моисея и Давида, слова Іисуса у Луки, затѣмъ цитируетъ Малахію, притчи Соломона и посланіе Павла къ Колоссаямъ [8]. Однимъ словомъ, онъ

[7] Интересно, что въ русскомъ народѣ еще въ срединѣ 19 вѣка сохранилось представленіе о вечерней зарѣ, какъ о пламени надъ огненной рѣкой, текущей за горизонтомъ. Таковы были мои собственныя дѣтскія представленія о ней, полученныя отъ старой няньки. Когда Іоанна спрашивали о мѣстѣ, гдѣ находится а д ъ, онъ отвѣчалъ, что за предѣлами той прикрытой стекляннымъ колпакомъ коробочки, которую его современники и онъ самъ считали за Вселенную, ἔξω τοῦ κοσμου τούτου παντος. Это совершенно соотвѣтствуетъ представленіямъ, выраженнымъ въ гл. 14 ст. 20, гдѣ огненная полоса вечерней зари помѣщается внѣ „твердыни". См. Aimé Puech: St Jean Chrysostome et les moeurs de son temps, Paris 1881, page 194.

[8] Вотъ эти цитаты цѣликомъ. У Моисея: „Прости имъ грѣхъ ихъ, а если нѣтъ, то изгладь и меня изъ книги, въ которую ты вписалъ (Исходъ *32*, 32)". У Луки: „Радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесахъ (*10*, 20)". Въ псалмахъ (*138*, 16): „Въ твоей книгѣ записаны всѣ дни для меня назначенные, когда не было еще ни одного изъ нихъ". У Малахіи (*3*, 16): „Предъ лицемъ его пишется памятная книга о боящихся Господа".

А въ доказательство того, что при нашемъ раскаяньи „грѣхи

выбираетъ всѣ крупинки изъ того „стараго и новаго завѣта“, который былъ при немъ, а о главномъ изъ всѣхъ новѣйшихъ пророчествъ и при томъ такомъ, которое приписывается теперь любимѣйшему изъ учениковъ Іисуса, ни одного слова! Еслибъ эти рѣчи были редактированы позднѣе, и при томъ человѣкомъ, не знавшимъ о принадлежности „Откровенія“ самому Іоанну, то онъ, навѣрное, переписалъ бы здѣсь всю 20 главу „Откровенія“, спеціально посвященную этому „страшному и грозному суду“ и этой „огненной рѣкѣ или лагунѣ“.

Сопоставляя всѣ приведенныя мѣста объ Іонѣ и другихъ неоправдавшихся предсказаніяхъ, нельзя не замѣтить, что авторъ этихъ рѣчей старается зачѣмъ-то указывать на нихъ при всякомъ удобномъ поводѣ. Почему же такъ влечетъ его къ этой темѣ о неудавшихся пророчествахъ, которой избѣгаютъ всѣ остальные писатели, старающіеся представить рѣшенія Бога непреложными? Потому, отвѣчу я, что ему нужно было оправдать ими, какъ въ своихъ глазахъ, такъ и въ глазахъ другихъ, отмѣну пророчества Іоанна. Рѣчь, въ которой Іоаннъ долженъ былъ официально извѣстить въ 399 или 400 году, что всѣ предсказанныя бѣдствія, а съ ними и самъ приходъ Іисуса на землю отложенъ, въ виду всеобщаго покаянія, на неопредѣленное время, не дошла до насъ, да и не могла дойти, послѣ того какъ самое пророчество рѣшили приписать другому лицу и времени. Мелкіе же отголоски второстепенныхъ оправданій Іоанна, произносимыхъ при другихъ подходящихъ случаяхъ, какъ мы видимъ сейчасъ, сохранились въ

не только изглаживаются (изъ этихъ свитковъ)“, но при томъ и вычищаются, чтобъ „и знака отъ чернилъ не оставалось (стр. ρκг), приводится цитата отъ Павла: „Истребилъ (Іисусъ) ученіемъ своимъ бывшую противъ насъ рукопись (Колоссаямъ *2*, 14).

отрывочныхъ замѣткахъ, все равно, представляютъ ли они собственныя рѣчи Іоанна, или редактированы за него черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ по воспоминаніямъ его сторонниковъ.

Судя по нѣкоторымъ изъ цитированныхъ нами мѣстъ и по послѣдующему поведенію Іоанна, можно думать, что послѣ перваго періода унынья отъ неудачи, когда онъ, вѣроятно, какъ Іона молилъ Бога о смерти, къ нему снова вернулась и вѣра и бодрость, и онъ причислилъ себя даже къ числу тѣхъ пророковъ, которыхъ Богъ заблаговременно предупредилъ объ отмѣнѣ своего рѣшенія. Его взгляды на „божественное вдохновеніе“ давали ему полное право сдѣлать такое заключеніе. Поселивъ въ его душѣ жалость къ кающимся грѣшникамъ, допустивъ его похищеніе изъ Антіохіи и не исполнивъ ряда промежуточныхъ наказаній, Богъ какъ бы повелѣлъ ему усумниться самому въ непреложности пророчества и успокаивать всѣхъ надеждою прощенія, въ случаѣ покаянія...

По крайней мѣрѣ, совершенно такъ и поступалъ Іоаннъ въ Константинополѣ. Онъ все время проповѣдывалъ о покаяньи, какъ средствѣ получить прощенье Бога, и энергично уничтожалъ многочисленные пороки духовенства въ своемъ „патріархатѣ“, къ которому принадлежало 6 епископствъ Ѳракіи, 11 Малой Азіи и 11 Понта [9].

Въ то время какъ всѣ остальные изъ извѣстныхъ намъ древнихъ проповѣдниковъ отличались легковѣріемъ ко всему чудесному и распространяли всякія небылицы, ходившія въ ихъ время, съ цѣлью подтвержденія

[9] Муравьевъ. Исторія первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства, стр. 340.

истинъ своего ученія, одинъ Іоаннъ рѣшился въ принципѣ отвергать возможность творить чудеса въ его время. „По какой причинѣ теперь пресѣклась и отнялась у людей эта благодать (доказывать свою правоту чудесами)? Не потому, чтобъ Богъ хотѣлъ насъ обидѣть, но, наоборотъ, чтобы почтить! Желая показать нашу вѣру, онъ дѣлаетъ такъ, что мы и безъ вещественныхъ доказательствъ вѣримъ ему. Тѣ (прежніе) не повѣрили бы невидимымъ доказательствамъ, еслибъ заранѣе не получили чудесъ и залоговъ, а я и безъ того вѣрю. Вотъ причина, по которой теперь не бываетъ чудесъ".

V.

Поѣздка Іоанна въ Азію. Бѣшенное гоненіе на него и на оригенитовъ.

Замѣчательно интересенъ съ нашей точки зрѣнія таинственный съѣздъ Малоазіатскихъ и нѣкоторыхъ другихъ епископовъ въ Константинополѣ въ 400 году, т. е. вслѣдъ за фіаско апокалиптическаго предсказанія Іоанна. Зачѣмъ они съѣзжались? древніе историки не захотѣли сообщить этого потомству. Только Палладій неопредѣленно намекаетъ на съѣздъ, но не говоритъ о его цѣли [1]. Теперь мы прямо можемъ сказать, что друзья Іоанна съѣзжались для обсужденія того, какъ имъ быть теперь, когда Іисусъ не явился въ назначенный ему срокъ.

Тѣмъ же самымъ объясняется и его трехмѣсячная поѣздка по Малой Азіи послѣ праздника Рождества въ этомъ 400 году. Мы плохо знали бы психологію древнихъ, еслибъ допустили, что жители и власти могли выпустить его изъ Константинополя ранѣе, чѣмъ была окончательно отмѣнена грозящая имъ гибель, т. е. до 25 декабря 400 года. Какъ бы ни успокаивалъ ихъ Іоаннъ послѣ 13 марта 399 года, но въ глазахъ людей, не понимавшихъ его астрологіи, событіе неизбѣжно

[1] Tertia decima indictione venerunt Constantinopolim episcopi necessitatum quarundam gratia (Pallad. Dial., p. 50).

должно было связаться съ окончаніемъ первыхъ четырехъ вѣковъ, и ранѣе этого имъ нельзя было успокоиться. А вдругъ Іоаннъ хитритъ? Отпустятъ его изъ города, а въ это самое время и пошлетъ Богъ всѣ предсказанныя бѣдствія? Нѣтъ, пусть ужъ лучше онъ остается заложникомъ. Богъ его пожалѣетъ и не разрушитъ города обѣщаннымъ землетрясеніемъ, такимъ землетрясеніемъ, „какого не было еще съ тѣхъ поръ, какъ люди живутъ на землѣ". И можно быть увѣреннымъ, что всѣ зорко слѣдили, какъ бы пророкъ не сбѣжалъ, такъ какъ и привезенъ онъ былъ насильно, подъ стражей...

Да и самъ Іоаннъ не могъ быть вполнѣ увѣренъ до этого времени, что Іисусъ не придетъ совсѣмъ. Онъ могъ отсрочить только свой приходъ до окончанія полныхъ четырехъ вѣковъ. Все это такъ соотвѣтствуетъ числовымъ представленіямъ автора „Откровенія", да и всѣхъ древнихъ.

Сама астрологія ни мало не противорѣчила этому, потому что послѣднее прохожденіе солнца, луны, Меркурія, а, можетъ быть, и еще какой-нибудь изъ планетъ черезъ зловѣщее созвѣздіе Скорпіона должно было окончиться только 8 декабря [2] 400 года.

Но вотъ и эти опасные дни прошли благополучно. Іоаннъ, конечно, успокоилъ всѣхъ въ Константинополѣ и получилъ, наконецъ, отпускъ для того, чтобы съѣздить въ Малую Азію и лично объяснить положеніе дѣлъ въ тѣхъ семи городахъ, которымъ онъ непосредственно адресовалъ свое пророчество.

Онъ спѣшно отправился въ Ефесъ и другіе Малоазіатскіе города, „несмотря на зимнее время и плохое

[2] Теперь прохожденіе солнца оканчивается лишь около 17 юліанскаго декабря въ виду несоотвѣтствія звѣзднаго года съ юліанскимъ.

состояніе здоровья". Причины, выставляемыя для этого Византійскими историками, такъ же противорѣчивы и неудовлетворительны, какъ и причины всѣхъ другихъ необыкновенныхъ происшествій въ жизни Іоанна послѣ появленія „Откровенія".

Почему онъ не могъ подождать даже двухъ-трехъ мѣсяцевъ до начала лѣта и „поѣхалъ, несмотря на болѣзнь и ревматизмъ въ ногахъ"? Потому, отвѣчаетъ намъ Палладій [3], что Евсевей, епископъ Валентинопольскій, обвинилъ Антонія, епископа Ефесскаго, „въ корыстолюбіи", но примирился съ нимъ, раньше чѣмъ успѣлъ пріѣхать Іоаннъ для разбирательства дѣла, да и самъ этотъ Антоній умеръ, но Ефесская община все-таки „умоляла Іоанна придти лично, чтобъ водворить въ ней спокойствіе, и Іоаннъ поспѣшилъ (9 января 401 г.) „на жалостный зовъ ея [4]".

Для насъ теперь вполнѣ разъясняется и эта спѣшность, и путаница византійскихъ историковъ, не желавшихъ обнаружить дѣйствительную причину. Автору „Откровенія" было абсолютно необходимо совершить эту поѣздку и объясниться съ „семью Малоазіатскими городами", куда онъ послалъ свою книгу, лично и на мѣстѣ, несмотря ни на что и при первой же физической возможности. Если самъ Богъ, по словамъ Іоанна, „извиняется" передъ своими пророками за отмѣну ихъ предсказаній, то какже пророку не поспѣшить извиниться передъ тѣми, кого онъ неумышленно обманулъ? Конечно, при этомъ случаѣ никто не мѣшалъ ему заняться и нѣкоторыми частными дѣлами вродѣ постановки на

[3] Pallad. Dial., p. 50.

[4] Жи҆тїѧ Ст҃ыхъ. Ноябрь, стр. рн҃в. Муравьевъ, Исторія перв 4 вѣковъ христ, стр. 341. Amedée Thierry. St Jean Chrysostome et l'impératrice Eudoxie, и ихъ первоисточникъ—Palludius. Dialogus, p. 53.

мѣсто умершаго Ефесскаго епископа Антонія своего діакона Гераклида или отрѣшить отъ должности цѣлый рядъ враждебныхъ ему епископовъ [5]. Но цѣль созванія имъ Малоазіатскихъ епископовъ сначала въ Константинополь, а затѣмъ въ Ефесъ на какія-то таинственныя совѣщанія для насъ теперь очевидна. Онъ долженъ былъ объяснить, наконецъ, своимъ собратьямъ по вѣрѣ методъ своего предсказанія и то, что всѣ грозныя фигуры звѣрей и картины всевозможныхъ бѣдствій были ему показаны только символически въ видѣ облаковъ грозы и созвѣздій неба. Тутъ же могъ онъ изложить имъ и свою теорію „святого вдохновенія", т. е. объяснить имъ, что это значитъ быть въ такомъ восторженномъ состояніи, когда и вѣришь, и любишь, и чувствуешь всѣмъ существомъ свое единство съ окружающимъ міромъ, и видишь во всѣхъ явленіяхъ окружающей природы таинственные отголоски на каждое свое чувство.

Какъ могли отнестись къ этому его прозаическіе слушатели, не только никогда не испытавшіе ничего подобнаго, но даже не способные представить это у другихъ? Послѣдующая исторія Іоанна ясно показываетъ это. Въ тотъ же мигъ на его голову, и вообще на оригенитовъ, поднялась цѣлая буря во всей восточной церкви. Всѣ раскаявшіеся передъ тѣмъ представители его „Великой Твердыни", всѣ „жадные соискатели его престола" поднялись теперь на него и его сторонниковъ съ тѣмъ большей злобой, чѣмъ сильнѣе были въ эти три года ихъ страхъ и униженіе. А ему, все еще убѣжденному, что самъ Богъ далъ ему пророчество и затѣмъ отмѣнилъ его въ виду всеобщаго покаянія, ничего не оставалось, какъ отвѣчать имъ ударомъ на ударъ, что онъ и сдѣлалъ при своемъ объѣздѣ Малой Азіи. Но это лишь подлило масла въ огонь.

[5] Una die sexdecim episcopos deposuisse et suos loco illorum ordinasse (Pallad. Dial., p. 49).

Не успѣлъ онъ возвратиться въ Константинополь, какъ тамъ, пользуясь его трехмѣсячнымъ отсутствіемъ, замѣнявшій его „другъ Севериант", епископъ Гавальскій, началъ изподтишка возстановлять противъ него молодую императрицу Евдоксію, управлявшую своимъ мужемъ Аркадіемъ, а черезъ него и всей Византійской имперіей. Какія средства онъ употребилъ, не трудно догадаться. Въ „Откровеніи" мы находимъ не одно выраженіе „о женщинѣ, одѣтой въ порфиру и багряницу и царствующей надъ земными царями" (какъ Евдоксія надъ своимъ мужемъ), а также о Іезабели, женѣ Ахава, „проституирующейся и вкушающей принесенное въ жертву изображеніямъ". Все это, какъ мы знаемъ, относилось къ церкви, но выражалось въ такой аллегорической формѣ, что для лицъ, привыкшихъ къ интригамъ, ничего не стоило убѣдить императрицу, что слова Апокалипсиса относятся именно къ ней.

Дѣйствительно, мы и находимъ у византійскихъ историковъ, что недоброжелательство императрицы было вызвано тѣмъ, что онъ называлъ ее въ своихъ рѣчахъ Іезабелью, проституировавшейся съ земными царями.

Какое впечатлѣніе должны были произвести такія инсинуаціи на молодую женщину, которой не было и 25 лѣтъ и которая, насколько извѣстно, никогда не имѣла другихъ возлюбленныхъ [6], кромѣ своего мужа, понять не трудно. Какъ бы подтвержденіемъ этому неправильному истолкованію рѣчей Іоанна являлось также и его явное уклоненіе отъ всякихъ личныхъ сношеній съ императорской четой. Въ противность всѣмъ своимъ предшественникамъ и всѣмъ послѣдующимъ константинопольскимъ епископамъ, Іоаннъ никогда не ходилъ на императорскіе пиры и торжественные пріемы,

[6] Инсинуація Зосима противъ графа Іоанна выдумана, повидимому, уже впослѣдствіи: Plerique perhibebant (Ioannem) ejus filii, quem Arcadius habebat patrem esse (Zosim. V. 18). Thierry, 5.

но проводилъ время у себя дома въ чтеніи книгъ. Однако, инсинуаціи Севериана не принесли еще Іоанну особеннаго вреда. Архидіаконъ Серапіонъ указалъ ему, при его возвращеніи изъ Малой Азіи, тайнаго врага, и Северіанъ былъ на время удаленъ изъ столицы.

Буря, которая должна была низвергнуть Іоанна, поднималась на него, послѣ его поѣздки въ Малую Азію, отовсюду, но первый ея ударъ упалъ не на него, а на его сторонниковъ-оригенитовъ въ Египтѣ, и нанесъ этотъ ударъ никто иной, какъ его старинный врагъ, Теофилъ, епископъ Александрійскій. Это былъ тотъ самый епископъ, который сжегъ въ 389 году въ Александріи цѣлый городской кварталъ, гдѣ находился знаменитый храмъ Сераписа [7], служившій Александрійскимъ университетомъ и заключавшій въ себѣ много памятниковъ древности и научныхъ сокровищъ, а также и знаменитую александрійскую библіотеку, гдѣ находилось въ это время до 42,000 свитковъ папируса, изъ которыхъ жрецамъ, застигнутымъ врасплохъ пожаромъ, удалось спасти очень немногіе. Въ періодъ паники 398—399 года и Теофилъ, какъ всѣ остальные, обратился въ іоаннита и даже, какъ мы уже знаемъ, собственноручно рукоположилъ Іоанна константинопольскимъ верховнымъ епископомъ, какъ старѣйшій изъ всѣхъ епископовъ, пріѣхавшихъ [8] 26 февраля 398 года въ Константинополь для Іоанна, не желавшаго быть ставленникомъ императора и потому требовавшаго собора [9]. Но теперь Теофилъ сразу всталъ во главѣ враговъ Іоанна и тотчасъ послѣ того, какъ выяснилась неудача пророчества, т. е. еще въ концѣ 401 г., или въ самомъ началѣ 402, принялся интриговать противъ пророка. Это, конечно, сразу оттолкнуло отъ него всѣхъ искреннихъ іоаннитовъ, первыми изъ которыхъ и были оригениты. Между ними въ то время особенно выдавались въ Александріи четыре брата: Діоскоръ, Аммоній, Евсевій и Евфимій, прозванные длинными братьями, потому что, по выраженію Созомена, „не малы были тѣломъ [10]“.

Въ періодъ возвеличенія Іоанна за ними ухаживали не только александрійцы, но и самъ Теофилъ. Старшаго изъ нихъ Діоскора онъ назначилъ „противъ воли“ епископомъ Гермопольскимъ [11], а остальныхъ упросилъ „остаться съ собою и принудилъ принять отъ себя мѣста священниковъ“. Такъ продолжалось до 401 года, когда, послѣ неудачи пророчества, Теофилъ вдругъ объявилъ себя врагомъ оригенитства. Длинные братья не захотѣли болѣе жить у него въ священникахъ. Они ушли въ Нитрійскую пустыню въ Египтѣ [12], куда въ эти тревожные годы уже сбѣжалось спасаться въ отшельническихъ подвигахъ передъ концомъ міра нѣсколько тысячъ человѣкъ. Теофилъ приказалъ подчиненнымъ себѣ епископамъ разогнать ихъ всѣхъ изъ горъ и пустынь, какъ вредныхъ еретиковъ. Это сейчасъ же и было выполнено его усердными и ободрившимися теперь помощниками. Изгнанники нитрійцы сошлись въ Александріи, и нѣкоторые изъ нихъ пошли къ Тео-

[7] Socr. V. 16.

[8] Обыкновенно же константинопольскіе епископы рукополагались Ѳракійскимъ епископомъ (Муравьевъ, стр. 345).

[9] Quiconque n'admirait pas Origène et ne se déclarait point son disciple fut taxé par lui d'anthropomorphisme et d'hérésie... tel était à cette époque, c'est-à-dire dans les dernières années du IV siècle, le zèle origéniste de Théophile (A. Thierry. St Jean Chrys., p. 116).

[10] Житія Ноябрь, стр. рйз-рйи. Socr. VI. 7. Sozom. VI. 30.

[11] Читатель видитъ, что господствовавшая церковь въ періодъ паники посвятила силой къ себѣ въ епископы не одного Іоанна, но и другихъ оригенитовъ.

[12] Disciples fidèles de l'école d'Alexandrie, ils (les Longs-Frères) professaient dans les retraites de Nitrie et de Scété un origenisme éclectique“ (Thierry, p. 117).

филу объясняться, такъ какъ оригениты въ это время еще не были отлучены никакимъ соборомъ. Но Теофилъ, „воззрѣвъ на нихъ, по выраженію „Миней“, налитыми кровью глазами, и хриплый отъ ярости устремился на нихъ, какъ одержимый бѣсомъ“. Закинувъ за шею Аммонія свой омофоръ (т. е. длинный кусокъ полотна вродѣ полотенца, сшитаго петлей, какія и до сихъ поръ носятъ православные епископы), онъ избилъ его до крови своими руками, крича: „еретикъ, прокляни [13] Оригена!“ Такъ же избилъ и окровавилъ онъ и прочихъ депутатовъ и выгналъ всѣхъ „съ безчестіемъ“.

Избитые отшельники не отрѣклись отъ Оригена. Они ушли обратно, въ свои хижины на Нитрійскую гору. А Теофилъ созвалъ въ Александріи, въ концѣ 401 или началѣ 402 г., соборъ своихъ епископовъ и предалъ анафемѣ всѣхъ четырехъ братьевъ и всѣхъ ихъ сожителей въ Нитріи, какъ оригенитовъ и чернокнижниковъ, подыскавъ какихъ - то свидѣтелей, видавшихъ ихъ, можетъ быть, погруженными въ астрологическія занятія по ночамъ. Вмѣстѣ съ ними былъ проклятъ и еще одинъ священникъ, старецъ Исидоръ, котораго Теофилъ обвинилъ въ какомъ-то „противоестественномъ грѣхѣ“.

Получивъ постановленіе собора, Теофилъ немедленно отправился съ нимъ къ городскому эпарху (т. е. военному и гражданскому начальнику). Взявъ у него пятьсотъ воиновъ, онъ пошелъ съ ними въ ту область Египта, гдѣ была Нитрійская гора. Экспедиція нарочно была устроена такимъ образомъ, чтобъ нахлынуть на убѣжища оригенитовъ ночью, невзначай. Войска бросились со всѣхъ сторонъ на гору и начали разбивать двери пещеръ и хижинъ. Подъ предлогомъ исканія запрещенныхъ книгъ они разграбили все имущество

[13] Ammonio viro grandaevo, cum malis ejus plagas inflixisset et pugnis nares ejus cruentasset, inclamans his vocibus: „Haeretice, anathematiza Origenem!“ (Pallad. Dial. p. 22). Thierry, p. 121.

пустынниковъ, перебили большинство изъ нихъ [14] и затѣмъ предали огню ихъ жилища.

Все это произошло 10 іюля [15] 402 года. Всѣ, кто могъ, разбѣжались въ темнотѣ по окрестностямъ вмѣстѣ съ четырьмя „долгими братьями“, скрывшимися въ оврагѣ, и Исидоромъ, пріютившимся тоже на Нитрійской горѣ послѣ своего изгнанія изъ Александріи.

Сначала бѣглецы бросились въ сосѣдній Іерусалимскій патріархатъ. Но верховный епископъ этой области Силуанъ, который въ періодъ паники тоже объявилъ себя оригенитомъ и іоаннитомъ, принялъ ихъ теперь, какъ еретиковъ, и они ушли далѣе искать защиты у самого Іоанна. Іоаннъ ихъ успокоилъ, помѣстилъ у себя при церкви Анастасіи въ Константинополѣ, а Теофилу написалъ письмо, въ которомъ уговаривалъ снять съ нихъ отлученіе, такъ какъ они „правильно говорили о Богѣ [16]“.

Въ отвѣтъ на это онъ получилъ отъ Теофила письмо, угрожающее ему самому. Бѣглецы-оригениты содержались все это время Іоанномъ на средства одной богатой молодой женщины, извѣстной константинопольской великосвѣтской красавицы, Олимпіады, рано потерявшей своего мужа и отдавшей Іоанну все свое имущество на помощь бѣднымъ и устройство пріютовъ для больныхъ и странниковъ. Она все время была въ величайшей дружбѣ съ Іоанномъ и служила діакониссой при одной изъ его лучшихъ церквей. Эта ихъ интимная дружба и послужила для его враговъ предлогомъ обвинять Іоанна, между прочимъ, и въ немонашескомъ образѣ жизни.

[14] Thierry, 125.

[15] Житія. Октябрь, р. стр. ριϊ, и Муравьевъ, стр. 343. Thierry, page 124.

[16] „Ut communionem eis restitueret, quippe qui de Deo recte sentirent“. Sozom. VIII, 13.

Изгнанные оригениты, видя безуспѣшность ходатайства Іоанна, подали въ 402 г. жалобу императору на Теофила и потребовали свѣтскаго суда надъ нимъ, въ противность увѣщаніямъ Іоанна, не допускавшаго никакихъ просьбъ къ императорской власти по религіознымъ вопросамъ. Въ результатѣ вышла новая бѣда для пророка. Теофилъ списался съ тщеславнымъ Кипрскимъ епископомъ, св. Епифаніемъ [17], который тоже превратился послѣ окончательнаго фіаско пророчества (т. е. въ 401 году) въ ожесточеннаго врага Іоанна и оригенитовъ.

Къ Теофилу присоединился и блаженный Іеронимъ, соперникъ Іоанна съ тѣхъ поръ, какъ оба были одновременно въ Антіохіи въ двухъ враждующихъ христіанскихъ партіяхъ. И вотъ, подъ удобнымъ предлогомъ разбирательства дѣла Теофила, многочисленные теперь враги Іоанна начали организовать въ Константинополѣ новый вселенскій соборъ для неожиданнаго суда надъ самимъ Іоанномъ и оригенитами. Все это похоже на романъ, а между тѣмъ дѣйствительность. Были посланы грамоты и римскому папѣ Иннокентію, чтобъ онъ прислалъ на этотъ соборъ представителей западной церкви. Но папа, повидимому, не пожелалъ вмѣшиваться въ дѣло, и его представители не пріѣхали, подъ тѣмъ пустымъ предлогомъ, что ожидали „еще второго приглашенія“. Въ результатѣ соборъ этотъ и состоялся въ февралѣ 403 г. изъ представителей одной николаитской фракціи Византійскаго духовенства. Ни восточная, ни римская церковь въ настоящее время не считаютъ его своимъ соборомъ, а называютъ „разбойничьимъ“, аналогично тому „разбойническому собору“ (Synodus latronus, Λῃστικὴ σύνοδος), который черезъ 45 лѣтъ происходилъ въ Ефесѣ (въ 449 году) подъ предсѣдательствомъ

[17] Se cum illo sentire scripsit, et Origenis libros tanquam hujusmodi dogmatum auctoris calumniari coepit. Sozom. VIII. 13.

Діоскора Александрійскаго и постановилъ, будто человѣческое естество Іисуса было вполнѣ поглощено Божескимъ.

Особенно усердствовалъ противъ Іоанна и оригенитовъ св. Епифаній Кипрскій. Еще во время подготовки собора онъ такъ задирательно держалъ себя по отношенію къ пророку, что всѣ ортодоксальные біографы Іоанна принуждены замѣнять факты фразами. „Оклеветалъ Теофилъ (говоритъ авторъ „Миней“) Іоанна, говоря, что онъ еретикъ: оригенитовъ къ себѣ принялъ и причащается съ ними. Епифаній же незлобивъ былъ. Не познавъ хитрости Теофиловой, принялъ вѣру лжи, по писанному: „незлобивый придаетъ вѣру всякому слову“. Ревнуя же сильно по благочестію, онъ проклялъ (еще до пріѣзда своего въ Константинополь) мѣстнымъ соборомъ своихъ кипрскихъ епископовъ Оригеновы книги и написалъ Іоанну, „чтобы сотворилъ тоже самое. Но Іоаннъ, не торопясь къ этому, упражнялся въ божественномъ писаніи“ [18].

Говоря прямымъ языкомъ, Іоаннъ отказался наотрѣзъ анафематизировать Оригеновы книги, которыя, вѣроятно, и заключали тѣ астрологическіе способы, которыми онъ руководствовался при составленіи „Откровенія“. Такое упорство пророка, послѣ явной неудачи его пророчества, до того разсердило престарѣлаго св. Епифанія, привыкшаго за сто слишкомъ лѣтъ своей жизни къ уваженію, что онъ примчался въ Константинополь еще за нѣсколько недѣль до установленнаго срока. Въ знакъ того, что онъ не признаетъ Іоанна за епископа, онъ высадился въ 7 километрахъ отъ Константинополя и, войдя самовольно въ мѣстную церковь, находящуюся въ вѣдѣніи Іоанна, началъ дѣйствовать въ ней, какъ въ своей собственной [19].

[18] **Житія.** Ноябрь. Стр. ρϡ-ρϡα.

[19] Σωκρ. Σχολαστ. Ἐκκλησ. Ἱστορία. Κεφ. ιβ'-ιδ'.

Онъ отслужилъ тамъ самовольно литургію и посвятилъ одного человѣка въ дьяконы въ противность церковнымъ постановленіямъ, запрещающимъ епископу посвящать кого-либо въ чужой епископіи [20]. Затѣмъ, войдя въ Константинополь и поселившись въ частномъ домѣ, онъ отказался даже видѣться съ Іоанномъ, отвѣтивъ его посланнымъ: „Пока Іоаннъ не выгонитъ вонъ изъ города Діоскора и его схимниковъ и не подпишетъ отказа отъ Оригеновыхъ книгъ, я не имѣю общенія съ Іоанномъ“ [21].

Императорская чета уже сильно была возстановлена на Іоанна съ самой его поѣздки по Малой Азіи и теперь, освободившись отъ страха, настолько же желала его удаленія изъ Константинополя, какъ прежде его водворенія въ немъ. Поэтому Епифаній тотчасъ же поспѣшилъ во дворецъ, гдѣ принятъ былъ, какъ избавитель, со всевозможными знаками вниманія и не разъ имѣлъ секретныя совѣщанія относительно способовъ низверженія Іоанна. Онъ до того увлекся, что хотѣлъ даже всенародно обличать Іоанна въ одномъ изъ главныхъ городскихъ храмовъ, въ соборѣ Апостоловъ, и проклясть, какъ еретика, но благоразумные люди удержали его, указавъ, что изъ этого, при необыкновенной популярности Іоанна въ народѣ, ничего не выйдетъ, кромѣ избіенія самого Епифанія.

Тѣмъ временемъ начали собираться и другіе представители византійскаго духовенства. Пріѣхалъ Теофилъ, приведя съ собою для императорской четы и ихъ ближайшихъ сановниковъ нѣсколько галеръ, „наполненныхъ индѣйскими пряностями и фруктами, и драгоцѣнными матеріями, шелковыми и золототканными“. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхало „множество“ николаитскихъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ. Аріане, оригениты, іоанниты и всѣ остальныя христіанскія секты, кромѣ господствующей, были исключены, какъ это дѣлалось и на всѣхъ другихъ „вселенскихъ соборахъ“.

[20] Thierry, p. 153.
[20] Thierry, p. 155.

Главными предводителями этой клики, кромѣ Теофила и св. Епифанія, были: Акакій, епископъ Верейскій, и Антіохъ Птолемаидскій. Изъ самаго патріархата Іоанна пріѣхали къ нимъ уже извѣстный намъ Северіанъ Гавальскій, возстановлявшій противъ пророка императрицу во время его объяснительной поѣздки въ Малую Азію, и Ѳракійскій епископъ Павелъ Гераклійскій, занявшій предсѣдательское мѣсто въ день приговора надъ Іоанномъ, такъ какъ первоначальный предсѣдатель, Теофилъ Александрійскій, въ этотъ день отказался первоприсутствовать [22]. Къ нимъ же присоединились нѣсколько епископовъ Малой Азіи, покинувшихъ Іоанна и оригенитизмъ послѣ его путешествія къ нимъ. Остальные изъ патріархата Іоанна (до сорока епископовъ, оставшихся и до сихъ поръ вѣрными ему) собрались около него. Ихъ не допустили на совѣщаніе, какъ еретиковъ.

[22] Thierry. St Jean Chrysostome, p. 202.

VI.

Осужденіе и отлученіе Іоанна отъ церкви. Его спасеніе благодаря константинопольскому землетрясенію 403 г.

Засѣданія собора начались въ мартѣ 403 года въ церкви Петра и Павла, находящейся въ Халкедонскомъ предмѣстьи Константинополя, гдѣ находился и императорскій дворецъ. На троекратное требованіе явиться туда для оправданій Іоаннъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, мотивируя его тѣмъ, что соборъ состоитъ исключительно изъ представителей враждебной ему фракціи, суда которой онъ не признаетъ. Онъ даже произнесъ противъ нихъ въ своей базиликѣ громовую рѣчь [1], содержавшую, какъ говорятъ, такія слова:

— „Соберите ко мнѣ постыдныхъ пророковъ, ѣдящихъ пищу Іезабели“ (т. е. находящихся на содержаніи Византійской имперіи), чтобы я сказалъ имъ, какъ Илья: до какихъ поръ будете вы хромать на обѣ ваши ноги? Если есть Властелинъ-Богъ, идите вслѣдъ его, а если пища Іезабели есть вашъ Богъ, то да стошнитъ васъ, когда вы ее ѣдите! [2]“

[1] Многіе историки считаютъ всю эту рѣчь, кромѣ слова Іезабель, апокрифической, или относятъ къ болѣе позднему періоду. См. Aimé Puech. St Jean Chrys., p. 301.

[2] Жи҃тїѧ. Ноябрь, стр. ρѯѕ-ρѯз. Можно думать, что Іоаннъ, въ свою бытность верховнымъ Константинопольскимъ епископомъ, запрещалъ церкви оказывать услуги и поддержку императорской власти и принимать отъ пра-

Эти слова обозначали, какъ мы теперь уже знаемъ, собравшуюся судить его николаитскую фракцію Византійскаго духовенства, которую Іоаннъ въ письмѣ въ Ѳіатиры („Откровеніе“, глава 2-я) представлялъ аллегорически въ видѣ Іезабели, жены библейскаго царя Ахава. Но они теперь были перетолкованы какъ намекъ на императрицу Евдоксію и еще болѣе раздражили ее противъ пророка. Самъ императоръ прислалъ ему приказъ итти на судъ, но Іоаннъ и въ этомъ случаѣ отказался, не признавая за императоромъ права вмѣшиваться въ религіозныя дѣла.

Въ результатѣ оказались теперь въ Константинополѣ два собора. Одинъ изъ іоаннитовъ, какъ называли въ это время сторонниковъ Іоанна, выдѣляя ихъ съ оригенитами въ особую секту, и другой — изъ представителей чистаго николаитства. Первый соборъ вызывалъ къ себѣ на судъ Теофила за расправу надъ египетскими оригенитами, второй же требовалъ къ себѣ на судъ самого Іоанна, и при томъ въ грубой формѣ, не называя его даже епископомъ [3]. Соглашеніе оказалось невозможнымъ. Три Іоаннитскихъ епископа явившіеся въ Халкедонское предмѣстье въ качествѣ парламентеровъ отъ Іоанна, были схвачены ихъ противниками и избиты.

На двѣнадцатомъ совѣщаніи николаитскаго собора, гдѣ присутствовали 45 членовъ, Іоанна, по Фотію и другимъ византійскимъ клерикаламъ, обвинили:

вительства офиціальную помощь въ видѣ разныхъ доходныхъ статей, которыя предоставлялись въ то время вмѣсто жалованія, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ лицамъ имперіи. Эта-то причина и должна была вызвать противъ него всеобщее раздраженіе духовенства, когда пророчество не сбылось.

[3] Quod adversus ecclesiam loquitur, illius altare furiarum plenum appellans (Act. synodic. ad Quercum apud Phot. 59).

1) Въ томъ, что онъ проповѣдовалъ будто „церковный алтарь полонъ мерзостей“,—очевидное указаніе на то мѣсто главы 17 Апокалипсиса, гдѣ Іоаннъ говоритъ: „въ рукѣ ея (т. е. великой твердыни „Врата Господни“) была золотая чаша, наполненная мерзостью и нечистотой ея безстыдства“.

2) Въ томъ, что называлъ императрицу Евдоксію Іезабелью [4], очевидно перетолковывая въ этомъ смыслѣ то мѣсто главы II Апокалипсиса, гдѣ Іоаннъ говоритъ оглашателю Ѳіатирскаго собранія вѣрующихъ: „имѣю противъ тебя немного за то, что ты позволяешь хозяйкѣ твоей Іезабели, называющей себя провозвѣстницею, учить и улавливать моихъ слугъ, и проституироваться, и вкушать посвященное изображеніямъ“. Слово Іезабель (жена библейскаго царя Ахава) примѣнялось Іоанномъ въ аллегорическомъ смыслѣ къ государственной церкви и въ другихъ его пророчествахъ, кромѣ Апокалипсиса, но они были произнесены уже послѣ этого суда.

3) Въ томъ, что воскликнулъ разъ во время церковной службы: „я схожу съ ума отъ любви! [5]“

4) Въ томъ, что оригенитовъ считалъ за своихъ, а тѣхъ, которые сообщались съ государственной церковью, не лечилъ въ темницѣ [6].

5) Въ томъ, что принималъ язычниковъ, которые дурно обращались съ христіанами, давалъ имъ защиту въ церкви и молился за нихъ [7], и наконецъ,

6) въ похищеніи какого-то церковнаго имущества.

[4] Erat criminem laesae majestatis convictum in Augustam, ut ipsi retulerunt, quod eam vocasset Jezabel (Palladius: dialog., p. 30, конецъ гл. VIII).

[5] Quod in ecclesia gloriando dixisset: amo et insanio. (Act. synod. ad Querc. apud Phot. 59, изъ обвиненія Исаака).

[6] Origenistas suscepit et eos, qui cum ecclesia communicant in carcerem, detrusos non curavit (ibid).

[7] Ethnicos qui christianos male tractaverint suscipit et habet in ecclesia et illes praeest (ibid).

Этотъ таинственный послѣдній пунктъ особенно интересенъ съ нашей точки зрѣнія. О томъ, чтобъ Іоаннъ похитилъ что-либо изъ матеріальныхъ богатствъ, конечно, не могло быть и рѣчи у его хитрыхъ враговъ, не желавшихъ, вмѣсто обвиненія Іоанна, подвергнуться самимъ взрыву народнаго и общественнаго негодованія. Всѣмъ была извѣстна простота его жизни, одежды и всей матеріальной обстановки, которой онъ такъ рѣзко отличался отъ своихъ предшественниковъ. Всѣ знали и то, что онъ роздалъ бѣднымъ и нуждающимся свое большое наслѣдство, да и теперь отличался благотворительностью, средства для которой доставляла ему Олимпіада, предоставившая въ его распоряженіе всѣ доходы со своихъ огромныхъ имѣній около Константинополя.

Значитъ, обвиненіе, взведенное на Іоанна, могло относиться только къ его единственнымъ и всѣмъ извѣстнымъ богатствамъ, дававшимъ ему такое обаяніе въ публикѣ, къ его литературнымъ произведеніямъ, которыя старались представить похищенными въ видѣ какихъ-либо древнихъ манускриптовъ, еще неизвѣстныхъ въ публикѣ и выданныхъ имъ за свои. Подобная инсинуація попадала въ единственное уязвимое мѣсто Іоанна, такъ какъ она разрушала его огромный авторитетъ какъ великаго писателя и оставляла его, такъ сказать, нагимъ и беззащитнымъ въ рукахъ его враговъ. Всякое матеріальное обвиненіе было бы прощено ему народомъ ради его вдохновенныхъ работъ, да никто и не повѣрилъ бы его обвиненію въ обычномъ корыстолюбіи.

Если сопоставить этотъ пунктъ обвиненія съ тѣмъ фактомъ, что принадлежащее ему „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“ приписывалось съ начала среднихъ вѣковъ другому лицу, то невольно приходитъ въ голову мысль, что его оклеветали на этомъ соборѣ именно въ

томъ, будто, во время своего бѣгства въ 381 году изъ горнаго монастыря близъ Антіохіи, онъ унесъ оттуда находившіяся тамъ древнія рукописи, принадлежавшія любимому ученику Христа, Іоанну, и выдалъ ихъ затѣмъ за свои. Теофилъ, конечно, не остановился бы передъ подобнымъ обвиненіемъ. Оно сразу отнимало у Іоанна авторитетъ великаго христіанскаго писателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлало „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ" (распространеніе котораго было теперь, конечно, такъ велико, что его уже нельзя было истребить) изъ орудія, направленнаго противъ николаитской фракціи, ея собственнымъ и чрезвычайно могучимъ орудіемъ устрашенія паствы и всѣхъ ея противниковъ. Доказательствомъ основательности такого обвиненія могъ служить для враговъ Іоанна и тотъ фактъ, что пророчество не сбылось, а слѣдовательно, не было понято и самимъ Іоанномъ, выдававшимъ себя за его автора.

Опровергать подобное обвиненія, установленное соборно, съ самимъ св. Епифаніемъ во главѣ, было совершенно невозможно въ глазахъ древняго человѣка, такъ какъ это значило бы отнимать славу у любимѣйшаго изъ учениковъ Христовыхъ, а слѣдовательно, быть врагомъ и самого Христа.

Въ результатѣ могла возникнуть впослѣдствіи среди отчаявшихся сторонниковъ Іоанна и та легенда, которую мы уже приводили ранѣе, т. е. легенда о томъ, какъ любимый ученикъ Христа, Іоаннъ съ Геннисаретскаго озера, явился къ обвиняемому Іоанну ночью въ его монастырѣ близъ Антіохіи и передалъ ему въ руки свитокъ съ „божественнымъ откровеніемъ", (по-гречески: Апокалипсисомъ) для того, чтобъ Іоаннъ узналъ изъ него всю глубину премудрости.

Но, какъ бы то ни было, приговоръ былъ, наконецъ,

произнесенъ, и Іоаннъ былъ признанъ виновнымъ, низложенъ и даже преданъ анафемѣ [8].

Постановленіе собора объ отлученіи [9] и заточеніи Іоанна было тотчасъ передано для исполненія императорской четѣ. А въ Константинополѣ тѣмъ временемъ произошло возстаніе въ пользу гонимаго пророка, котораго чрезвычайно любили обыватели.

Огромное количество народа собралось къ жилищу Іоанна. Одни ругали императора и императрицу, другіе Теофила и его единомышленниковъ. Только вечеромъ войска вытащили Іоанна изъ его церкви и ночью перевезли на Азіатскій берегъ Босфора. Тамъ посадили его на корабль и повезли въ заточеніе въ Пренетъ, около Никомидіи.

Но путешествіе продолжалось только одинъ день. На слѣдующую же ночь, въ первыхъ числахъ Мая 403 г., произошло въ Константинополѣ небольшое землетрясеніе [10], отъ котораго нѣсколько зданій дали трещины, но не потерпѣли никакого другого вреда. Это стихійное явленіе (хотя и не рѣдкое въ Константинополѣ) сразу повернуло дѣло совершенно въ другую сторону. Да это и понятно. Припомните только, сколько разъ въ „Откровеніи" говорится о землетрясеніи, отъ котораго „великій городъ [11]" долженъ разсѣсться на три части, и

[8] **Жи́тїѧ.** Ноябрь, стр. рѯн. Sic ab Ecclesia expulsus est Ioannes misso ad it comite cum militari manu non secus ac ad praelium adversus barbaros. Eijectus venit in praediola ad praenetum Bithyniae (Pall. cap. IX, p. 30).

[9] Его обвинитель на вторичномъ соборѣ (см. далѣе) говорилъ: Іоаннъ болѣе ни епископъ, ни священникъ. Онъ извергнутъ изъ лона церкви, и мы не можемъ ни слушать его защиту, ни сообщаться съ нимъ подъ страхомъ анафемы. (Thierry, p. 247).

[10] Оно началось въ Гебдомонскомъ предмѣстьи. (Thierry: St. Jean Chrysostome, 221).

[11] По гречески πόλις — означаетъ въ одно и то же время и городъ, и государство (для послѣдняго не было другого слова), и согражданство, и крѣпость, и твердыню.

земля должна содрогнуться, и вѣстники небесные возопить. Народъ успѣлъ привыкнуть къ мысли, что одно пребываніе Іоанна только и спасало столицу имперіи отъ кары. И вотъ теперь, когда Іоанна обидѣли и удалили, его пророчество и начинаетъ исполняться.

Толпы народа бросились на улицы и площади и кричали: „весь городъ разрушится, если Іоаннъ не будетъ возвращенъ!“ Испуганная императрица позабыла въ этотъ мигъ всѣ дѣйствительныя или воображаемыя обиды, полученныя ею отъ Іоанна, и все свое зложелательство къ нему, накопившееся за послѣднія два года послѣ общаго успокоенія. Въ ту же ночь написала она къ нему убѣдительное письмо. „Умоляю твою свѣтлость не вѣрить, что я участвовала въ томъ, что произошло съ тобою. Я не виновна въ твоей крови. Это злые и безнравственные люди устроили заговоръ противъ тебя! Богъ свидѣтель въ истинѣ моихъ словъ, какъ и въ слезахъ, которыя я приношу ему въ жертву [12]“.

Весь Босфоръ, говорятъ историки, покрылся ладьями ищущихъ Іоанна. Мраморное море „было полно посылаемыхъ“, „народъ шумѣлъ на площадяхъ, отовсюду поднимались вопли на несправедливый соборъ и на Теофила“. Северіанъ, епископъ Гавальскій, думая укротить народъ обличеніями Іоанна, еще болѣе возбудилъ гнѣвъ, и толпы народа бросились на дворецъ.

Услышавъ у воротъ дворца, что посланъ уже сановникъ для возвращенія Іоанна, толпа отхлынула къ взморью ожидать его прибытія. Когда его корабль показался, наконецъ, вдали, женщины и дѣти бросались въ лодки, чтобы ѣхать къ нему навстрѣчу. Но Іоаннъ, высадившись на берегъ среди ожидавшихъ его 30 — 40 епископовъ, оставшихся до конца ему вѣрными, отказался входить въ городъ, пока новый „большой соборъ“

[12] Thierry: St Jean Chrysostome, 221.

(т. е. составленный изъ всѣхъ христіанскихъ фракцій) не оправдаетъ его отъ наложеннаго на него обвиненія. Но его никто не хотѣлъ слушать. Со свѣчами въ рукахъ и съ пѣньемъ введенныхъ имъ гимновъ, константинопольскіе граждане и гражданки силою потащили его изъ предмѣстья въ городъ. Водворивъ въ его обычной базиликѣ, на обычной кафедрѣ, они не разошлись до тѣхъ поръ, пока онъ не сказалъ имъ оттуда успокоительной рѣчи и не пообѣщалъ остаться у нихъ, какъ былъ, верховнымъ епископомъ, не обращая вниманія на рѣшеніе собора и отлученіе отъ церкви.

А что же самъ вселенскій соборъ?..

Значительная часть его епископовъ уже успѣла убѣжать изъ города въ то же утро и теперь плыла домой на всѣхъ парусахъ, а впереди всѣхъ мчался по волнамъ св. Епифаній Кипрскій. Онъ такъ спѣшно бѣжалъ, что далъ этимъ поводъ защищающимъ его ортодоксальнымъ историкамъ утверждать, будто онъ, получивъ внезапный даръ пророчества, уѣхалъ еще до произнесенія приговора надъ Іоанномъ [13].

Фактъ же остается тотъ, что Епифаній, раньше всѣхъ прискакавшій судить Іоанна и задиравшій его всѣми способами еще до собора, несомнѣнно былъ, можетъ быть, вмѣстѣ съ Іеронимомъ Блаженнымъ, однимъ изъ главныхъ обвинителей Іоанна. Благодаря этому онъ перепугался теперь такъ сильно, что при своемъ преклонномъ возрастѣ (ему, говорятъ, было, несмотря на его горячность, за сто лѣтъ) уже не могъ вынести своего ужаса

[13] Византійскій писатель Сократъ сообщаетъ, что, по словамъ нѣкоторыхъ, Эпифаній уѣхалъ изъ Константинополя до того раздраженнымъ, что уже съ корабля послалъ сказать Іоанну: „Надѣюсь, что ты не умрешь епископомъ!“ А Іоаннъ отвѣтилъ ему: „Надѣюсь, что ты не доѣдешь до дому!“ („Spero te non moriturum esse episcopum!“ Ioannem vicissim illi sic respondisse: Spero te non perventurum esse in patriam. Socr. VI, 14).

и умеръ на половинѣ дороги отъ Константинополя, не доѣхавъ до своего острова Кипра. Это случилось 12 мая, а потому мы можемъ опредѣлить, что засѣданія собора кончились въ первыхъ числахъ того же мѣсяца, или, въ крайнемъ случаѣ, не раньше конца апрѣля 403 года.

На остальныхъ епископовъ собора, опоздавшихъ уѣхать изъ Константинополя, набросились жители столицы. Они напали на пріѣхавшихъ съ Теофиломъ священниковъ и угрожали потопить самого Теофила. Кровь потекла по взморью, куда судьи прибѣжали садиться на свои корабли. Северіанъ, Антіохъ и другіе враги Іоанна разбѣжалиль изъ города въ испугѣ, хотя императоръ созывалъ ихъ снова для оправданія Іоанна... Ночью взошелъ на корабль самъ „опозоренный“ Теофилъ [14]. Онъ такъ перепугался, что снова примирился съ изгнанными имъ оригенитами и разрѣшилъ имъ всѣмъ вернуться къ нему въ Египетъ. Но только два изъ „длинныхъ братьевъ“ возвратились въ свои разрушенныя хижины на Нитрійской горѣ, а остальные уже умерли въ Константинополѣ.

[14] Муравьевъ, стр. 349.

VII.

Іоаннъ въ роли константинопольскаго верховнаго епископа, низвергнутаго соборомъ и не признаваемаго никѣмъ, кромѣ народа. Новый судъ надъ нимъ, его заточеніе, ссылка и смерть въ изгнаніи.

Итакъ стихійное явленіе природы, землетрясеніе, какъ будто нарочно пришло къ Іоанну на выручку и возстановило ему, какъ автору „Откровенія въ грозѣ и бурѣ“, почти весь его прежній авторитетъ. Если-бъ послѣ этого Іоаннъ сталъ жить по примѣру своихъ предшественниковъ, стараясь поддержать хорошія отношенія съ императорской властью, или, скажемъ прямо, оставилъ бы свои республиканскія убѣжденія, усвоенныя имъ, вѣроятно, еще въ Аѳинской языческой школѣ, то онъ, безъ сомнѣнія, прожилъ бы благополучно до конца своей жизни. Но ничего этого Іоаннъ не сдѣлалъ. Какъ въ „Откровеніи“ онъ называлъ союзъ церкви съ государствомъ проституированіемъ ея, такъ называлъ онъ его и теперь. Какъ тогда онъ призывалъ небесныхъ птицъ слетаться, чтобъ пожрать трупы царей и полководцевъ, убитыхъ мечемъ Егошуа-Іисуса, такъ и теперь онъ все еще надѣялся, что раздастся же, наконецъ, на нихъ тотъ громовый ударъ съ семью раскатами, о которомъ „голосъ съ неба“ сказалъ ему: „скрой, что говорили семь раскатовъ грома, не пиши этого (Апок. 10,4)“. Пришествіе Христа, какъ мы видѣли изъ многихъ мѣстъ Апокалипсиса, было для него вмѣстѣ съ тѣмъ и нача-

ломъ всеобщаго равенства и братства, когда всѣ „будутъ сидѣть рядомъ съ Христомъ“. Онъ и теперь продолжалъ себя держать съ императоромъ и императрицей такъ же свободно и независимо, какъ и съ послѣднимъ изъ ихъ подданныхъ, не принимая никакихъ доходныхъ привиллегій отъ имперіи и не дѣлая ей въ свою очередь никакихъ услугъ для поддержанія ея авторитета среди населенія.

Причины для столкновеній съ императорской властью должны были при такихъ условіяхъ возникать сами собой. Всѣ знали отрицательное отношеніе Іоанна къ Византійско-Римской деспотіи, олицетворенной имъ въ „Откровеніи“ въ видѣ чудовища съ семью головами, на которыхъ находилось семь коронъ съ кощунственными титулами и девизами. Всякій, чѣмъ-либо обиженный императоромъ или императрицей, сейчасъ же бѣжалъ жаловаться на нихъ къ грозному пророку, а Іоаннъ считалъ своимъ долгомъ выслушивать ихъ, и, если находилъ жалобу справедливой, заступался за нихъ передъ властелинами имперіи.

Однако, въ первые мѣсяцы послѣ новаго водворенія въ Константинополѣ его авторитетъ, какъ пророка, опять поднялся до такой степени, что частыя заступничества за гонимыхъ и обиженныхъ властями не могли приносить ему большого вреда [1]. Къ нему несомнѣнно относились при дворѣ съ большимъ страхомъ, какъ о томъ и свидѣтельствуютъ нѣкоторыя легенды, приводимыя его византійскими біографами. „Извергнутый соборомъ“ Іоаннъ продолжалъ оставаться на своемъ высокомъ мѣстѣ, не имѣя никакихъ искреннихъ друзей, кромѣ благоговѣвшей передъ нимъ частной публики, и никакого могучаго защитника, кромѣ возвратившаго его сюда Посейдона, потрясателя земли.

[1] Thierry: St Jean Chrysostome et l'impératrice Eudoxie 1881, p. 226.

Все, казалось, пошло по прежнему. Его любимая діаконисса, знаменитая константинопольская красавица Олимпіада [2], продолжала оставаться съ нимъ въ самой нѣжной дружбѣ, несмотря на диффамаціи собора. Старинные біографы неразрывно связываютъ съ этого момента ея судьбу съ судьбою самого Іоанна. Они не указываютъ для него никакихъ другихъ друзей, которые пострадали бы за него впослѣдствіи въ такой же степени, какъ она, или составляли бы въ его дальнѣйшей жизни такое же неотъемлемое звено. Имѣемъ ли мы право заключить изъ этого, что и „на его закатъ печальный мелькнула любовь улыбкою прощальной?“

У Іоанна, какъ мы не разъ видѣли, было очень нѣжное и любящее сердце. Во время его насильственнаго привоза въ Константинополь, окруженнаго ореоломъ вдохновеннаго пророка, посвященнаго во всѣ тайны Бога и природы, онъ вовсе не былъ еще настолько старъ, чтобъ исключать возможность возникновенія къ нему у константинопольскихъ дамъ болѣе нѣжныхъ чувствъ, чѣмъ уваженіе. Ему едва ли было тогда болѣе 45 лѣтъ [3], да и это число могло быть до нѣкоторой степени тенденціозно преувеличено, такъ какъ для средневѣковыхъ историковъ, выбросившихъ изъ его жизни „Откровеніе“, должно было казаться мало вѣроятнымъ его слишкомъ раннее возвышеніе. При такихъ обстоятельствахъ было бы трудно ожидать, чтобъ его сердце осталось холоднымъ и неотзывчивымъ на то

[2] Tamen cum genere et opibus, atque cognitione plurium scientarium, necnon ingenio liberali, et forma, atque aetatis flore exornata esset. (Pallad. Dial., 64.)

[3] Онъ родился въ 354 византійскомъ году, что соотвѣтствуетъ 354—355 юліанскому, такъ какъ византійскій годъ начинался съ марта, а привезли Іоанна въ Константинополь въ концѣ февраля 398 юліанскаго года. Thierry считалъ ему около 50 лѣтъ.

обожаніе, съ какимъ встрѣтили его въ Константинополѣ всѣ женщины, поклонявшіяся ему, конечно, несравненно болѣе, чѣмъ самому Богу, котораго онѣ никогда не видали. Поэтому, и дружба между Іоанномъ и Олимпіадой могла легко превратиться въ любовь при ихъ постоянныхъ встрѣчахъ. Но само собой понятно, что разсматривая отношенія между полами съ чисто монашеской точки зрѣнія, ихъ благочестивые жизнеописатели всѣми силами стараются убѣдить читателя, что между ними не было даже и платонической любви, а не только той, въ которой обвинилъ ихъ соборъ, когда требовалъ отъ Іоанна объясненія, почему онъ воскликнулъ вдругъ среди службы: „Погибаю, схожу съ ума отъ любви"! [4].

Хватая черезъ край въ своемъ усердіи, они доводятъ дѣло въ этомъ случаѣ прямо до смѣшного, чѣмъ и обнаруживаютъ свою затаенную цѣль. Такъ, напримѣръ, въ Минеяхъ разсказывается, между прочимъ, будто Олимпіада была до того конфузлива, что никогда въ жизни не ходила даже въ баню, потому что „сама себя стыдилась, не хотѣла зрѣть наготы своего тѣла, а когда нужно было вымыться, то она входила въ одной рубашкѣ въ сосудъ, наполненный теплой водою, и мылась въ томъ сосудѣ, не снимая ея" [5].

Она была урожденная константинополька, дочь сенатора Анисія Секунда. Еще до достиженія совершеннолѣтія ее выдали замужъ за сына епарха Невредія, умершаго черезъ два или полтора года послѣ свадьбы, оставивъ ее наслѣдницей „великихъ богатствъ и безчисленныхъ имѣній", принадлежавшихъ, главнымъ образомъ, ея собственному умершему отцу. Императоръ Ѳеодосій, царствовавшій еще въ то время, началъ ее сватать за

[4] „Amore pereo et insanio!" Act. Syn. ad Quereum apud Phot, 59.

[5] Жи́тїѧ. Іюль, стр. рк҃ѕ.

своего родственника Елпидія. Но гордая красавица не захотѣла этого жениха, за что и навлекла на себя злобу императора и наложеніе опеки на свои имѣнія. Это подневольное положеніе продолжалось, вѣроятно, до самой смерти Ѳеодосія, хотя одинъ изъ монашескихъ біографовъ Олимпіады и говоритъ, будто Ѳеодосій, услыхавъ о томъ, что она по причинѣ своей необычайной скромности „даже въ баню не ходитъ", повелѣлъ ей снова владѣть своимъ имѣніемъ [6].

Допуская, что опека съ нея была снята сейчасъ же послѣ смерти Ѳеодосія, т. е. въ ужасные, апокалиптическіе годы, мы легко поймемъ и то употребленіе, которое сдѣлала изъ своихъ большихъ доходовъ эта, повидимому, совсѣмъ еще молодая женщина. Она начала раздавать ихъ на помощь бѣднымъ и больнымъ, „заключеннымъ въ темницахъ и находящимся въ далекихъ ссылкахъ" и на всякія благотворительныя дѣла. Въ то время какъ Іоаннъ былъ въ первый разъ водворенъ насильно въ Константинополѣ, она, какъ говорятъ Минеи, уже была возведена въ званіе діакониссы его предшественникомъ Нектаріемъ. Но принимая во вниманіе, что Нектарій и Іоаннъ принадлежали къ совершенно противоположнымъ христіанскимъ фракціямъ—Нектарій къ государственной церкви, а Іоаннъ къ ея врагамъ [7],—несравненно болѣе вѣроятно, что она была рукоположена самимъ Іоанномъ въ его собственныя діакониссы, послѣ того какъ передала ему всѣ свои имущества и доходы. Нектарій же придуманъ, вѣроятно, спеціально для того, чтобъ пока-

[6] Жи҃тїѧ, за іюль мѣсяцъ на оборотѣ листа рк҃е. Другіе, менѣе наивные, біографы говорятъ, что опека была сложена по поводу ея собственной просьбы (Palladius: dial., 65).

[7] Притомъ же Нектарій совсѣмъ ни о чемъ не заботился, кромѣ пировъ и попоекъ. Онъ былъ назначенъ Константинопольскимъ епископомъ прямо изъ городскихъ префектовъ, еще язычникомъ.

зать, что она состояла при церкви еще ранѣе появленія Іоанна и поступила въ діакониссы помимо его личнаго обаянія.

Къ ней-то въ имѣнія, какъ мы уже знаемъ, и помѣстилъ Іоаннъ бѣжавшихъ къ нему изъ Египта оригенитовъ, а потому понятно, что и на нее простерлось неудовольствіе николаитскаго собора. Неожиданная развязка посредствомъ землетрясенія и быстрое бѣгство всѣхъ членовъ собора помѣшали дальнѣйшимъ засѣданіямъ, на которыхъ, вѣроятно, были бы также анафематизированы и оригениты, и Олимпіада, какъ одна изъ нихъ. Намеки на такую ея судьбу мы и имѣемъ въ самихъ Минеяхъ:

„Онъ же (т. е. общій козелъ отпущенія этого собора, неумѣренно ревностный Теофилъ) гнѣвался на Іоанна и покушался обесславить оную (Олимпіаду), но ни отъ кого не было вѣры враждебнымъ его клеветамъ“ [8].

Іоаннъ же, продолжаетъ авторъ, „любилъ ее духовною любовію, какъ нѣкогда святой апостолъ Павелъ Персиду, о которой пишетъ: „цѣлуйте Персиду, возлюбленную, которая много трудилась о Господѣ“. Олимпіада же святая сотворила не менѣе Персиды, много трудясь во имя Господа и служа святымъ съ великой вѣрою и теплою любовью. Когда же Іоаннъ былъ изгоняемъ неповинный со своего престола, блаженная Олимпіада съ прочими честными діакониссами плакала о томъ много“ [9].

Но вотъ теперь Іоаннъ возвратился къ нимъ въ новомъ ореолѣ таинственнаго могущества, и все снова пошло по прежнему между вѣрными друзьями. Однако, этотъ миръ и тишина продолжались только два мѣсяца.

[8] Житіи. Іюль, листъ ркѕ.

[9] Тамъ же, листъ ркз.

Въ іюлѣ того же 403 года на одной изъ главныхъ Константинопольскихъ площадей, не далеко отъ храма св. Софіи, была воздвигнута на мраморной колоннѣ статуя императрицы Евдоксіи [10]. На этой же самой площади обыкновенно устраивались въ праздничные дни главныя народныя увеселенія: балаганы, пѣнье, пляски и музыка. Іоаннъ, какъ мы уже знаемъ изъ многихъ мѣстъ „Откровенія“, не выносилъ императорскихъ изображеній въ публичныхъ мѣстахъ. Онъ, повидимому, всегда подозрѣвалъ, что это только первый шагъ къ зачисленію императоровъ въ святые со стороны государственной церкви, какъ это и было сдѣлано уже съ Константиномъ Первымъ. Припомните выраженія объ иконѣ звѣря въ главѣ 13 „Откровенія въ грозѣ и бурѣ“, а также и то обстоятельство, что, когда Іоаннъ 17 лѣтъ тому назадъ былъ еще проповѣдникомъ у оригенитскаго епископа Флавіана въ Антіохіи, народъ ниспровергъ тамъ изображенія тогдашняго императора Ѳеодосія и его наслѣдниковъ, теперешнихъ императоровъ Византіи и Рима—Аркадія и Гонорія. Я уже имѣлъ случай указать, что это низверженіе было не безъ вліянія его рѣчей „о статуяхъ къ Антіохійскому народу“,—не тѣхъ рѣчей, какія соблагоизволили сообщить намъ позднѣйшіе редакторы, или составители ихъ по слухамъ и воспоминаніямъ, а тѣхъ, какія Іоаннъ дѣйствительно произносилъ. За эти именно рѣчи, какъ я пытался показать, и пришлось ему, вѣроятно, бѣжать изъ Антіохіи, скитаться по Малой Азіи и попасть, наконецъ, на о-въ Патмосъ, а его епископу Флавіану пришлось ѣхать, или быть прямо привезеннымъ въ Константинополь для оправданій передъ императоромъ. „Съ поникшимъ челомъ, говоритъ объ этомъ событіи его исто-

[10] Argentea statua Eudoxiae Augustae supra columnam purpuream erecta fuerat. Socr VI, 18.

рикъ, вошелъ онъ въ царскія палаты, какъ бы самъ виновный въ мятежѣ Антіохійскомъ“ [11], а императоръ Ѳеодосій даже „не позволилъ Флавіану остаться на праздникъ Пасхи въ Царьградѣ“ [12], т. е., говоря прямымъ языкомъ, выгналъ его тотчасъ вонъ изъ столицы.

Подтвержденіемъ взгляда на Антіохійское низверженіе императорскихъ статуй въ 387 году, какъ на результаты проповѣдей Іоанна, является и его поведеніе въ настоящемъ случаѣ, при аналогичномъ воздвиженіи статуи императрицы въ Константинополѣ. Онъ сейчасъ же публично протестовалъ противъ этого монумента и произнесъ съ церковной кафедры громовую рѣчь, не переданную намъ вѣрноподданническими византійскими историками. Но всѣ они говорятъ, что рѣчь была одна изъ самыхъ зажигательныхъ [13], и весь городъ пришелъ въ волненіе.

Когда Іоаннъ явился послѣ этого съ какимъ-то требованіемъ (можетъ быть, для переговоровъ по поводу этой самой статуи) [14], императрица велѣла выгнать его изъ

[11] Муравьевъ, стр. 313.

[12] Тамъ же.

[13] Contra eos qui haec agebant linguam suam denuo armavit (Socr. VI. 18).

[14] Въ Жи́тїѧхъ (Ноябрь, лист. рѯа-рѯв) разсказывается, что это было по поводу отобранія царицей виноградника у „Ѳеогностовой вдовы“. Но когда я сравнилъ этотъ (беллетристическій по самому содержанію) разсказъ съ библейскимъ сказаніемъ объ отобраніи Навуфеева виноградника царицей Іезабелью (кн. 3 царствъ, гл. 21), то увидѣлъ, что все содержаніе переписано оттуда, даже съ соблюденіемъ въ нѣкоторыхъ фразахъ тѣхъ же знаковъ препинанія, только имя одной царицы замѣнено именемъ другой, и вмѣсто одной вдовы подставлена другая. Почему авторъ счелъ необходимымъ прибѣгать къ подставному предлогу? Объ этомъ легко догадаться. Какъ сейчасъ увидимъ, развязка этой исторіи произошла въ праздникъ Воздвиженія Креста, т. е. 14 сентября (юл.) 403 года, какъ и слѣдуетъ по логическому развитію событій относительно статуи

дворца, а Іоаннъ, въ отвѣтъ, запретилъ впускать ее въ свою базилику. Разсказъ объ этомъ послѣднемъ событіи, превратившемся въ легенду, настолько интересенъ, что я привожу его цѣликомъ, сохранивъ и самый легендарный характеръ изложенія стариннаго лѣтописца.

„Когда наступилъ праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста (14 сентября), и собрался весь народъ въ церкви, и пришелъ въ нее царь со своими вельможами,—подошла къ церкви также и царица со своими придворными. Когда же увидѣла братія, что она идетъ, затворила передъ нею церковныя двери, не давая ей войти внутрь... Всѣ ея слуги вопили: отворите госпожѣ царицѣ! Но отвѣчала братія: патріархъ (Іоаннъ) не велѣлъ ее пускать! Она же исполнилась стыда и гнѣва и говорила, вопія (на улицѣ): смотрите и поймите всѣ, какое безчестіе творитъ мнѣ этотъ гнѣвливый человѣкъ! Всѣ въ церковь входятъ невозбранно, одной мнѣ возбраняетъ! Неужели не могу я отомстить ему и согнать его съ кафедры“!

„Пока она вопила такимъ образомъ, одинъ изъ пришедшихъ съ нею (воиновъ) обнажилъ свой мечъ и простеръ свою руку, желая ударить мечемъ въ дверь. И вдругъ усохла его рука и была недвижима, какъ мертвая. Видя же то, царица и всѣ съ нею сильно испугались и возвратились вспять“ [15].

Легендарный характеръ разсказа и чудесная прибавка о рукѣ галантнаго воина, желавшаго пробить мечемъ дорогу для молодой императрицы, показываетъ толь-

Евдоксіи. Авторъ же перенесъ его на весну этого года, когда собирался первый судъ надъ Іоанномъ, а праздникъ Воздвиженія Креста такъ и не рѣшился передѣлать въ какой-либо изъ весеннихъ праздниковъ! Въ виду этого вся исторія о ссорѣ Іоанна и Евдоксіи оказалась безъ всякаго повода, и онъ былъ заимствованъ изъ библейской легенды объ Іезабели.

[15] Жи̏тїѧ, Ноябрь, листъ рѯв-рѯг.

ко, какъ сильно было возбуждено народное воображеніе поступкомъ Іоанна. Очевидно, что для такого поступка, какъ и для изгнанія грознаго пророка изъ дворца, должны были существовать не маловажныя причины. А между тѣмъ теологи даютъ лишь придуманный ими, или, вѣрнѣе, прямо переписанный изъ библіи предлогъ. Они намъ сообщаютъ о „Ѳеогностовой вдовѣ“, не хотѣвшей продать императрицѣ свой виноградникъ [16] ни за какія деньги и не хотѣвшей обмѣнять его на какой-либо другой, чѣмъ будто бы и вызвано было путешествіе Іоанна съ ходатайствомъ къ императрицѣ и его изгнаніе изъ дворца.

Сопоставленіе важнѣйшихъ событій въ ихъ логической послѣдовательности (какова постановка статуи Евдоксіи въ іюлѣ или въ августѣ 403 г. и недопущеніе Евдоксіи въ храмъ Іоанна на праздникъ Воздвиженія Креста 14 сентября) приводятъ къ заключенію, что все это произошло именно изъ-за упомянутаго монумента. Несмотря на всѣ рѣчи и уговоры Іоанна, статуя, повидимому, не была снята (иначе историки не преминули бы упомянуть объ этомъ). И вотъ Іоаннъ, не принятый императрицей или прямо выгнанный ею вонъ, когда пришелъ въ послѣдній разъ увѣщать ее, рѣшилъ не пускать ее въ свою церковь, мотивируя это тѣмъ неопровержимымъ для него доводомъ, что, „если ты желаешь стоять на городской площади богиней, то зачѣмъ же итти ко мнѣ въ храмъ, зная, что я не признаю никакихъ боговъ, кромѣ одного небеснаго?“

Но что же дѣлалъ императоръ, находившійся внутри храма со всей своей свитой и слышавшій оттуда, какъ его супруга „вопитъ“ по другую сторону дверей? Византійскіе историки говорятъ, что онъ „молчалъ, какъ

[16] Неосновательность этой выдумки признается уже давно нѣкоторыми историками, см. напр. Aimé Puech: St. Jean Chrys., 294.

будто ничего не вѣдалъ“, и это очень правдоподобно. Слабохарактерный и суевѣрный Аркадій боялся, какъ огня, и грознаго пророка, и своей собственной супруги, которая, несмотря на свою молодость, держала его въ ежовыхъ рукавицахъ и задавала ему сильныя головомойки за каждое непослушаніе. Въ этотъ ужасный для него моментъ столкновенія двухъ его властей, онъ, вѣроятно, желалъ лишь одного: убѣжать куда-нибудь въ пустыню и скрыться тамъ навѣки, чтобъ никогда не попадаться больше на глаза ни пророку, ни супругѣ.

Но ему не было суждено этого. Простоявъ въ трепетѣ до конца службы, онъ долженъ былъ возвратиться домой. Что тамъ сдѣлала съ нимъ императрица, какъ она встрѣтила его, и какъ оправдывался онъ передъ ней въ своемъ поведеніи, — пусть это опишетъ какой-нибудь талантливый романистъ. Но результатъ этой семейной сцены былъ очень печаленъ для Іоанна.

Императоръ разослалъ ко всѣмъ епископамъ Византійской церкви грамоты для созыва новаго вселенскаго собора, чтобъ судить Іоанна, и послѣ этого ни разу не входилъ къ нему въ базилику.

И вотъ поѣхали опять въ Константинополь всѣ прежніе епископы, кромѣ умершаго Епифанія и кромѣ Теофила, который въ этотъ разъ благоразумно воздержался и послалъ вмѣсто себя и полнаго собранія своихъ епископовъ только трехъ изъ послѣднихъ.

Всѣ ожидаемые члены собора успѣли съѣхаться въ Константинополь очень скоро послѣ Рождественскихъ праздниковъ, т. е. въ началѣ 404 года [17]. Главными врагами Іоанна оказались теперь Леонтій, епископъ Анкирскій, и извѣстные намъ по прежнему собору Акакій, Антіохъ и Северіанъ. А со стороны защитни-

[17] Т. е. черезъ шесть лѣтъ послѣ насильственнаго водворенія Іоанна.

ковъ Іоанна выдавался, говорятъ, престарѣлый Элпидій, епископъ Лаодикіи, т. е. того самаго города, который Іоаннъ въ „Откровеніи“ считалъ однимъ изъ своихъ, но упрекалъ его за то, что онъ „ни холоденъ, ни горячъ, а теплъ [18]“. Произошли сильныя пренія между врагами и сторонниками Іоанна на этомъ соборѣ. Но Іоаннъ объявилъ и его некомпетентнымъ для себя и отказался придти для объясненій, вѣроятно, подъ тѣмъ предлогомъ, что большинство его членовъ состоятъ на содержаніи у государства.

Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ совѣщаній новаго собора (на который, замѣтимъ, тоже не явились представители западной церкви) была вынесена резолюція. Она не налагала на Іоанна никакой новой вины, только признали большинствомъ голосовъ, что первый соборъ налъ нимъ былъ настолько же правиленъ, какъ и всѣ предыдущіе вселенскіе соборы, и потому, какъ говорятъ, ему задали только одинъ вопросъ:

— „Какимъ образомъ онъ, будучи низверженъ, дерзнулъ снова взойти на кафедру [19] раньше другого собора, который снялъ бы съ него отлученіе“?

Іоаннъ же, по словамъ историковъ, отвѣтилъ имъ:

— „Я не былъ на томъ судѣ, не объяснялся съ моими соперниками, не видѣлъ обвиненій, взведенныхъ на меня и не получалъ приговора. Цари меня изгнали и тѣ же цари снова возвратили“.

Но соборъ не принялъ во вниманіе этого отвѣта Іоанна и предалъ его анафемѣ [20], а Іоаннъ, по прежнему,

[18] См. Письма къ семи собраніямъ въ „Откровеніи“.

[19] De hoc uno quaestionem habendam esse, quod post depositionem absque synodi auctoritate, suo ipsius arbitrio, in episcopalem sedem invasisset. Socr. VI, 18. (Thierry, 244

[20] По 4-му канону Антіохійскаго Собора 341 г.: Si quis episcopus aut presbyter jure aut injuria depositus per se redeat ad ecclesiam, absque synodo, talis non habeat locum defensionis, sed absolute expellatur. Palladius: dialogus, p. 31. (Thierry, 246 et 283).

не обратилъ никакого вниманія на свое отлученіе и даже на постановленіе вмѣсто себя въ константинопольскіе епископы Арзаса. Онъ продолжалъ проповѣдывать и управлять своимъ патріархатомъ во главѣ оставшихся у него сорока, или около того, епископовъ, называвшихся іоаннитами, въ отличіе отъ „неизвергнутыхъ“ еще до сихъ поръ оригенитовъ. Почти всѣ жители столицы остались вѣрными ему и теперь. Въ тѣ храмы, въ которыхъ проповѣдовали его соперники, никто не хотѣлъ итти изъ частной публики.

Такъ прошелъ почти весь Великій постъ [21], и приближалась Пасха 404 года, приходившаяся у николаитовъ въ этомъ году на 17 апрѣля. Императоръ Аркадій, повидимому, ни разу не бывавшій въ церкви со времени недопущенія въ нее своей супруги, послалъ, по словамъ Палладія и нѣкоторыхъ другихъ, къ Іоанну, говоря ему:

— „Уйди изъ церкви, потому что ты анафематизированъ и мнѣ нельзя войти въ базилику, пока ты въ ней“.

Іоаннъ же будто бы предложилъ ему (если посмѣетъ послѣ прошлаго землетрясенія) изгнать себя вторично:

— „Не уйду, пока не буду выгнанъ силой. Пошли своихъ, чтобы вышвырнули меня, и тогда я буду имѣть извиненіемъ то, что ушелъ изъ церкви не своей волей, а изгнанъ царской властью [22]“!

Но перспектива второго землетресенія, повидимому, совсѣмъ не нравилась императору и императрицѣ. Ходить же въ пустые николаитскіе храмы, въ то время какъ весь народъ толпится у Іоанна и его пресвитеровъ іоаннитовъ, было, конечно, обидно для самолюбія.

Наконецъ, чтобы уладить дѣло, былъ придуманъ кѣмъ-то замѣчательно остроумный и вполнѣ соотвѣтствующій наивнымъ воззрѣніямъ того времени способъ.

[21] Palladius: dialogus, 32.

[22] Si autem id vis, vi me ejicito, ut deserti ordinis excusationem habeam tuam auctoritatem. Pallad.: dial, 33. (Thierry, 263).

Для того, чтобы Богъ не могъ разрушить города землетрясеніемъ, не выпускать изъ него Іоанна, а держать подъ домашнимъ арестомъ въ его обычномъ жилищѣ, гдѣ ему пришлось бы тоже погибнуть подъ развалинами [23]. Этого Богъ, конечно, не допуститъ, такъ какъ въ Библіи разсказывается, что онъ не разъ щадилъ цѣлые города ради нѣсколькихъ пребывавшихъ въ нихъ праведниковъ. А церкви, въ которыхъ еще оставались вѣрные Іоанну пресвитеры, надо просто отнять у нихъ и передать священникамъ теперешняго офиціальнаго епископа Арзаса. Совершенно такъ, по крайней мѣрѣ, и было сдѣлано.

Въ одинъ прекрасный день къ дверямъ помѣщенья Іоанна былъ приставленъ военный караулъ, которому и удалось не дать ему уйти изъ дому цѣлыхъ два мѣсяца.

Но вотъ, 17 апрѣля 404 г. наступила Пасха, и Іоаннъ не былъ въ силахъ болѣе терпѣть. Онъ вырвался изъ своего дома [24] и началъ обычную торжественную службу въ храмѣ св. Софіи.

Перепуганная стража побѣжала доносить властямъ. Военные отряды разогнали молящихся съ оружіемъ въ рукахъ. Убивъ и переранивъ много народу, они снова овладѣли Іоанномъ и посадили его подъ домашній арестъ. Уцѣлѣвшіе сторонники его побѣжали окончить службу въ Константинопольскихъ баняхъ.

Началось, какъ видитъ читатель, нѣчто вродѣ того, что было въ Римѣ въ первые вѣка христіанства. Отнятыя церкви оставались пусты, а народъ бѣжалъ молиться въ бани къ іоаннитамъ. Представители господ-

[23] Divinae (Arcadius) irae eventum expectans: ut si quid ipsi triste accideret, citius illum ecclesiae redderet et deum placaret. Pallad. dial., 33. (Thierry, 263).

[24] Le samedi saint en effet, dès le matin l'archevêque, rompant sa captivité, se rendit à la basilique. (Thierry, 264).

ствовавшей фракціи Византійскаго духовенства послали къ нимъ военачальника Лукія съ четырьмя стами воиновъ изъ царской стражи. Онъ былъ нарочно выбранъ, какъ человѣкъ языческаго вѣроисповѣданія, не боявшійся гнѣва христіанскаго пророка.

Лукій явился въ бани и приказалъ іоаннитамъ разойтись, но они не обратили на него никакого вниманія. Взбѣшенный неповиновеніемъ, онъ прыгнулъ въ главный водоемъ, гдѣ находились въ это время крестимые неофиты, главнымъ образомъ женщины и дѣвушки, и началъ разгонять ихъ направо и налѣво ударами палки, а воины его тѣмъ временемъ разграбили ихъ одежды, лежавшія около водоема. Нѣсколько человѣкъ были убиты и ранены, остальные, какъ мущины, такъ и женщины, голыми выскочили вонъ изъ водоема и разбѣжались кто куда могъ [25].

На другой день множество новокрещенныхъ іоаннитовъ скитались внѣ города безъ пристанища. Императоръ Аркадій встрѣтился съ одной изъ этихъ толпъ и велѣлъ разогнать, какъ еретиковъ.

Самъ Іоаннъ находился все это время подъ домашнимъ арестомъ. Скоро пошли въ народѣ слухи, что къ нему уже два раза подсылали наемныхъ убійцъ, но оба покушенія не удались благодаря случайности [26].

Граждане устроили добровольное дежурство около дома Іоанна, смѣняя одни другихъ. Такъ прошли почти два мѣсяца до праздника Пятидесятницы, и никакихъ губительныхъ явленій въ природѣ не произошло. Народъ находился въ выжидательномъ положеніи.

Почему же не вышло возмущенія въ пользу Іоанна?

[25] Nudae mulieres cum viris metu mortis aut turpitudinis, turpi fugae se dabant. Palladius: dialogus, 33. (Thierry, 271).

[26] Vir quidam daemoniacus aut daemoniacum simulans deprenditur, pugionem habens, tanquam ad Ioannem occidendum paratus. Sozomen. VIII, 21. (Thierry, 290).

Даже и это понятно, если примемъ во вниманіе психологію древняго человѣка. Зачѣмъ помогать Іоанну, когда ему, въ случаѣ нужды, помогаетъ самъ Богъ? Вѣдь теперь конецъ міра отложенъ на неопредѣленно долгое время, а Богъ не накажетъ невинныхъ за виновныхъ, какъ это проповѣдывалъ и самъ Іоаннъ. Населенію столицы въ виду этого, вѣроятно, было даже любопытно посмотрѣть, какъ Богъ поразитъ ударомъ грома, съ семью раскатами, императора съ императрицей и всѣхъ ихъ совѣтниковъ-николаитовъ за сопротивленіе пророку. Да и самъ Іоаннъ при его наивномъ міровоззрѣніи, вѣроятно, думалъ, что Богъ защититъ его въ рѣшительную минуту, какъ уже защитилъ при первомъ изгнаніи, и потому не заботился о томъ, чтобъ искать активной поддержки среди сочувствовавшихъ ему народныхъ массъ.

Вся эта тишина и въ природѣ, и въ людяхъ ободрила враговъ Іоанна на новый наступательный шагъ. Почему бы, казалось имъ, не попробовать теперь отослать его куда-нибудь по близости отъ города, такъ, чтобы, въ случаѣ нужды, сейчасъ же можно бы было возвратить обратно, прежде чѣмъ произойдутъ серьезныя бѣдствія?.. Всѣ послѣдующія дѣйствія противъ Іоанна показываютъ именно эту программу. Какъ только миновало благополучно торжественное празднованіе Пятидесятницы [27], приходившейся по правиламъ Никейскаго собора на 6 іюня 404 года [28], враги Іоанна увидѣли въ этомъ новое доказательство невмѣшательства Божія и начали уговаривать императора отправить его въ Никею, близъ восточнаго берега Мраморнаго моря, недалеко отъ Константинополя, но по другую сторону пролива.

[27] Palladius: dial., 35.

[28] Іоанниты, вѣроятно, праздновали его, какъ и Пасху, по правиламъ древнихъ христіанъ, какія были до Никейскаго собора.

Черезъ пять дней императоръ согласился, и за Іоанномъ былъ посланъ съ воинами тотъ же самый военачальникъ Лукій, который разгонялъ его сторонниковъ изъ бань. Испуганный возможностью отъѣзда Іоанна и новаго землетрясенія, народъ готовился къ сопротивленію и собрался въ огромныхъ массахъ у главнаго входа въ его домъ, гдѣ стоялъ приготовленный какъ будто бы для него конь. А посланные за Іоанномъ, войдя въ домъ, стали между тѣмъ уговаривать его выйти съ противоположной стороны, „чтобъ не быть ему виновникомъ большого кровопролитія [29]“.

Эти ли уговоры подѣйствовали на Іоанна, или просто онъ не былъ въ силахъ сопротивляться своему тайному уводу? Въ церковномъ притворѣ онъ простился со своими вѣрными епископами и пресвитерами, а въ крестильной комнатѣ [30] разстался со своими любимыми діакониссами, уже извѣстной намъ Олимпіадой и еще тремя другими: Проклой, Пентадіей и Сильвіей, дочерью мавританскаго царя. Всѣ онѣ горько плакали, какъ плакалъ и онъ самъ, прощаясь съ ними.

Затѣмъ его увели черезъ маленькую калитку, открывавшуюся къ Босфору, посадили на небольшую лодку и привезли въ Вифанію, т. е. область на противоположной азіатской сторонѣ Босфора, гдѣ находился городъ Никея.

А народъ все это время ждалъ его у противоположной стороны дома, гдѣ нарочно держали приведеннаго для него коня. Украденный шесть лѣтъ тому назадъ изъ Антіохіи для отправленія въ Константинополь, Іоаннъ былъ теперь украденъ и изъ него.

Такъ и должно было случиться. Страшные апокалиптическіе годы прошли, паника миновала, и отъ не-

[29] Pallad. dial., 36.

[30] Ingressus autem baptisterium. Pallad. dial., 36.

покладистаго пророка, требовавшаго со стороны служителей Христа отреченія отъ всѣхъ земныхъ благъ, нужно было такъ или иначе отдѣлаться...

Обманутый народъ, ожидавшій Іоанна съ противоположной стороны дома, наконецъ, догадался въ чемъ дѣло и бросился во внутренность зданія, разломавъ таранами ворота. Но было уже поздно. Зданье было взято приступомъ у защищавшихъ его солдатъ послѣ кровопролитнаго боя, но помѣщенье Іоанна оказалось пусто...

Старинные византійскіе авторы не могли, конечно, оставить и этого его вторичнаго изгнанія безъ спеціальнаго чуда и соотвѣтствующей легенды.

И вотъ, говорятъ они, возгорѣлся огонь въ его церкви отъ престола, не какой-либо человѣческой виной, а отъ Божьяго гнѣва, и вдругъ поднялся въ высоту и разлился по всей церкви. А такъ какъ дулъ сильный вѣтеръ, то пламя вышло изъ церкви и, идя высоко по воздуху, миновало рынки и опустилось, какъ мостъ, на дворецъ, въ которомъ совершались совѣты и сжегъ его въ конецъ. И можно было видѣть ужасное чудо: огонь, какъ одушевленный, ходилъ кругомъ въ образѣ змѣя и поѣдалъ далекіе храмы. А тѣ, которые были близъ базилики Іоанна, остались цѣлы, чтобъ было всѣмъ извѣстно, что не по случаю, но гнѣвомъ божіимъ, сотворился тотъ пожаръ [31]".

Враги же Іоанна утверждали, что престолъ, на которомъ онъ служилъ, зажгла съ отчаянья его діаконисса Олимпіада, во время возстанія, происшедшаго въ Константинополѣ послѣ увоза изъ него Іоанна [32].

Префектъ столицы, разсматривавшій дѣло, призналъ

[31] Pallad. dial., 37.

[32] Aimé Puech. St. Jean Chrysostome et les moeurs de son temps, p. 42. Zosim. V. 24.

это обвиненіе правильнымъ и присудилъ ее уплатить большой штрафъ изъ ея имѣній. Послѣ этого она уже не хотѣла или не могла оставаться въ Константинополѣ и переселилась въ Кизикъ, но и тамъ ее не оставили въ покоѣ. Черезъ нѣкоторое время ее сослали въ Никомидію, откуда она вела дѣятельную и нѣжную переписку съ Іоанномъ, изгнаннымъ уже на далекія окраины имперіи.

Въ первое время послѣ своего увоза Іоаннъ былъ оставленъ подъ стражей въ Никеѣ, вблизи столицы для того, чтобы можно было сейчасъ же отправить его назадъ, если съ городомъ случится какая-нибудь бѣда. Но и теперь не произошло ничего особеннаго въ природѣ, а потому въ срединѣ лѣта, вѣроятно, въ началѣ іюля, его рѣшились, наконецъ, отправить въ отдаленную ссылку, въ городъ Кукузу въ Малой Арменіи [33], постоянно опустошаемой набѣгами Исавровъ.

Епископы государственной церкви не впускали его во время пути въ свои города [34]. Но такъ какъ внутренность Малой Азіи была въ это время переполнена не только ортодоксальными, но и аріанскими и другими сектантами, не признававшими господствовавшей церкви и имѣвшими кое-гдѣ тоже своихъ епископовъ, то время отъ времени Іоанну устраивались и сочувственныя встрѣчи. Такъ при переходѣ черезъ Каппадокію и ущелья Тавра, горное населеніе привѣтствовало его съ большимъ сочувствіемъ. Женщины и дѣти плакали, выходя ему навстрѣчу, и онъ самъ былъ взволнованъ до слезъ.

Наиболѣе враждебный пріемъ былъ ему оказанъ николаитскимъ духовенствомъ въ Кесаріи. Мѣстный епископъ Фаретрій, разсерженный радушной встрѣчей,

[33] Eum in parvum quoddam ac desertum Armeniae oppidum relegarunt, cui nomen est Cucuso. Theodor. V, 34 (Thierry, 331).

[34] Житія. Ноябрь, листъ ρδκ.

оказанной жителями его города Іоанну (въ томъ числѣ даже префектомъ съ женой и многими изъ ученыхъ), подговорилъ противъ него монаховъ, жившихъ въ окрестностяхъ города, чтобы выгнали его вонъ. Они съ криками столпились вокругъ его дома, пользуясь отсутствіемъ трибуна, который вывелъ войска противъ исавровъ [35], и заставили его удалиться.

„Въ знойный полдень принужденъ былъ Іоаннъ оставить Кесарію, посреди народнаго плача и въ темную полночь бѣжать изъ прилегающаго села, потому что разнеслась вѣсть о нашествіи исавровъ [36]“.

Среди мрака и смятенія носильщики опрокинули его носилки (такъ какъ по причинѣ ревматизма онъ не могъ болѣе ѣхать на лошади), и онъ пѣшкомъ продолжалъ путешествіе черезъ горы. Осенью 404 года, послѣ семидесятидневнаго путешествія, Іоаннъ, наконецъ, достигъ до мѣста своего назначенія, Кукуса въ Малой Арменіи, и нашелъ гостепріимство въ домѣ своего единомышленника, богатаго гражданина Діоскора. Тамъ же ожидала его „знаменитая родомъ“ діаконисса Сабина и пресвитеръ Констанцій изъ Финикіи, очевидно, тоже сосланный сюда, да и сама Сабина едва ли добровольно удалилась въ такое отдаленное и опасное мѣсто.

Какъ разъ въ это время, 6 октября 404 года, умерла императрица Евдоксія, которую ортодоксальные историки

[35] Thierry, 352, и Aimé Puech: St Jean Chrysostome et les moeurs de son temps. Paris 1891, page 263. Интересно, что когда онъ встрѣтилъ на своемъ пути монаха-анахорета (μοναχὸς ἐγκεκλεισμένος) (Neander. II, p. 185), онъ прежде всего былъ пораженъ бездѣйствіемъ, на которое тотъ себя осудилъ, началъ убѣждать его въ томъ, что активная жизнь была пріятна „властелину“. Въ результатѣ отшельникъ бросилъ свое анахоретство и ушелъ въ городъ. Это новый поводъ сомнѣваться въ бывшемъ анахоретствѣ самого Іоанна во время его молодости (Aimé Puesh: St Jean Chrysostome, p. 264).

[36] Муравьевъ, стр. 335.

старались выставить главнымъ его врагомъ. Но это нисколько не повліяло на его участь, потому что она была, какъ мы видимъ теперь, лишь подставнымъ его врагомъ.

Первымъ дѣломъ Іоанна, послѣ его водворенія на мѣсто, было написать къ своей любимой Олимпіадѣ [37], и переписка ихъ продолжалась безъ перерыва настолько часто, насколько позволяла медленность тогдашней случайной почты. За два года своего пребыванія въ Кукусѣ Іоаннъ послалъ ей, какъ говорятъ, семнадцать писемъ, а это могло быть лишь въ томъ случаѣ, если каждый изъ нихъ писалъ отвѣтъ немедленно по полученіи письма другого и отправилъ его съ первой же представившейся оказіей, такъ какъ регулярной почты тогда не было.

Благодаря патріархальности старинной жизни, Іоанну лучше и свободнѣе жилось въ своемъ изгнаніи, чѣмъ это было бы въ настоящее время при аналогичномъ самодержавномъ строѣ. Аріане еще господствовали въ этой мѣстности (особенно благодаря готамъ, разселеннымъ для защиты восточныхъ окраинъ при Θеодосіи). Епископъ города, вѣроятно, тоже аріанинъ, принялъ Іоанна очень радушно и былъ даже готовъ допустить его проповѣдовать со своей кафедры, чего ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы николаитъ, такъ какъ Іоаннъ теперь былъ преданъ анафемѣ [38]. Но Іоанну было, вѣроятно, спеціально запрещено публично проповѣдовать, и онъ, какъ говорятъ, не могъ воспользоваться этимъ предложеніемъ.

[37] Интересны въ одномъ изъ этихъ писемъ его слова: De Isauris autem nihil est quid post hac metuas... Neminem enim tam metuo quam episcopos, paucis relictis. Chrysostome: epist. 14 ad Olimppiad. (никого не боюсь болѣе, чѣмъ епископовъ).

[38] Въ Константинополѣ въ это время даже не пускали въ церкви никого, кто при входѣ не соглашался анафематизировать лично Іоанна Thierry. St Jean Chrys., 362.

Его преслѣдуемые сторонники въ Малой Азіи, Сиріи и Египтѣ все еще продолжали бороться съ господствующей фракціей, хотя и безнадежно. Когда умеръ въ Антіохіи пріютившій Іоанна въ молодости, послѣ его бѣгства изъ монастыря, оригенитскій епископъ Флавіанъ, народъ хотѣлъ избрать на его мѣсто іоаннита Константція, бывшаго пресвитеромъ у Флавіана. Но тѣ же самые, уже извѣстные намъ по дѣятельности двухъ соборовъ, враги Іоанна, епископы Акакій, Антіохъ и Северіанъ, воспользовались днемъ, когда весь народъ ушелъ въ гипподромъ на состязанія [39] и сценическія представленія. Они тайно собрали своихъ сторонниковъ, выбрали въ Антіохскіе епископы николаита Порфирія, а сами затѣмъ бѣжали изъ города. На слѣдующій день произошло столкновеніе народа съ императорскими властями, поддерживавшими Порфирія, и граждане были усмирены военной силой. Но іоанниты и оригениты все-таки не хотѣли имѣть никакихъ сообщеній съ навязаннымъ имъ епископомъ.

Въ другихъ мѣстахъ происходило то же самое. При временномъ объединеніи всѣхъ христіанскихъ фракцій подъ знаменемъ нейтральнаго іоаннитства во время недолгаго пребыванія Іоанна во главѣ восточной церкви, онъ назначилъ, между прочимъ, епископомъ, надъ готами Улинаса, и они признали этого епископа несмотря на свое аріанство. Теперь же, послѣ смерти Улинаса, произошедшей во время ссылки Іоанна, готы снова возвратились къ аріанству, и исторія застаетъ ихъ такими даже въ средніе вѣка.

Всѣ слабые, малодушные и корыстные сторонники, примкнувшіе къ Іоанну во время его величія, теперь перебѣжали, какъ всегда, къ господствующей фракціи.

[39] Quum urbs tota more recepto ad spectacula in loco Daphnes effusa esset. Niceph. XIII, 30. Thierry, 379.

Въ главномъ изъ семи городовъ, куда онъ адресовалъ девять лѣтъ тому назадъ свое знаменитое „Откровеніе“, въ Ефесѣ, шли гоненія на его единомышленниковъ и на ихъ епископа Гераклида. Другой изъ его сторонниковъ епископъ Меруфасъ, сочувствовавшій ему нѣкоторое время даже и въ изгнаніи, передался на сторону враговъ и объявилъ себя „николаитомъ“, какъ только вышелъ спеціальный императорскій указъ, лишавшій кафедръ всѣхъ тѣхъ епископовъ, которые не хотѣли сообщаться съ ортодоксальными епископами-патріархами: Арзасомъ въ Константинополѣ, Теофиломъ въ Александріи и Порфиріемъ въ Антіохіи [40].

Въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, когда Іоанну ничего не оставалось дѣлать, какъ сидѣть дома въ своемъ изгнаніи и читать книгу Іова о безропотномъ терпѣніи, онъ и самъ, повидимому, потерялъ свою дѣтскую вѣру въ скорое пришествіе Егошуа-Христа и водвореніе вмѣстѣ съ нимъ на землѣ всеобщаго равенства и братства среди безсмертныхъ праведниковъ, живущихъ на республиканскихъ началахъ древней Греціи.

Безнаказанное и несправедливое низверженіе и ссылка въ Кукусъ должны были показать ему, что и землетрясеніе послѣ его перваго изгнанія могло быть случайнымъ явленіемъ, а не непосредственнымъ вмѣшательствомъ Бога на защиту своего пророка.

Не этому ли настроенію слѣдуетъ приписать и то, что, жестоко преслѣдуемый восточной церковью, онъ обращался теперь за защитой уже не къ одному Богу, какъ дѣлалъ раньше, а также и къ неучаствовавшей въ гоненіяхъ на него и на оригенитовъ западной церкви? Онъ просилъ, какъ говорятъ, папу Ин-

[40] Si quis episcoporum cum Theophilo, Attico, Porphyrio communicare noluerit, extortis ecclesia esto et facultatibus privatum Niceph. XIII, 30 (Thierry, 750).

нокентія вступиться за себя и своихъ приверженцевъ въ восточной имперіи. Въ этомъ обращеніи съ его стороны не было тогда никакого внутренняго противорѣчія его религіознымъ убѣжденіямъ. Западная церковь не отрицала въ то время оригенитовъ и не одобряла гоненія ихъ на востокѣ. Она не была, какъ восточная при императорахъ Ѳеодосіи и Аркадіи, „николаитской“ и даже не признавала чудотворца Николая за своего святого. Кромѣ того, вполнѣ возможно, что именно въ это самое время, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ выхода „Откровенія“, западная церковь перестала подносить своей паствѣ „золотую чашу“, о николаитскомъ обращеніи съ которой такъ непочтительно отзывался Іоаннъ въ Апокалипсисѣ, хотя самый фактъ отмѣны могъ быть официально зарегистрированъ и значительно позднѣе. Западная церковь не признавала надъ собой власти Византійскаго императора, такъ какъ послѣ смерти Ѳеодосія, въ самый годъ выхода „Откровенія“, Византійско-Римская имперія окончательно распалась на двѣ независимыя части. Кромѣ того, духовные властелины западной церкви—папы—никогда не становились въ такія рабскія отношенія къ императорской власти, какъ это было на востокѣ и особенно возмущало Іоанна.

Четыре іоаннитскихъ епископа отвезли посланіе Іоанна въ Римъ, вмѣстѣ съ посланіями другихъ вѣрныхъ ему епископовъ. Папа Иннокентій, благосклонно принявшій это посланіе, попытался письменно склонить восточную церковь и Аркадія на примиреніе съ Іоанномъ и іоаннитами и созвать третій вселенскій соборъ въ Ѳессалоникахъ для того, чтобы снова обсудить дѣло Іоанна.

Однако, несмотря на смерть императрицы Евдоксіи,—умершей черезъ годъ послѣ изгнанія Іоанна и избранной древними теологами восточной церкви козой отпущенія за ихъ собственныя дѣла,—ничто не помогло.

Подставная Іезабель, Иродіада и „Великая Проститутка“, бывшая будто бы главной виновницей гибели Іоанна, исчезла со сцены тотчасъ по его прибытіи въ ссылку [41], а та дѣйствительная Іезабель, къ которой относились всѣ эти укоризненные эпитеты, еще оставалась на землѣ и продолжала по прежнему „царствовать надъ земными царями“. Папскіе послы не были даже допущены до Византійскаго императора, но взяты подъ стражу тотчасъ по пріѣздѣ и, послѣ труднаго обратнаго плаванья по бурному морю, высажены на Калабрійскомъ берегу Италіи. Пріѣхавшіе же съ ними въ составѣ посольства, бывшіе епископы Іоанна: Киріакъ, Евлисій, Димитріанъ и Палладій, были схвачены, въ противность всѣмъ правиламъ о посольствахъ, и разосланы въ заточеніе въ отдаленныя пустыни востока, на границы Аравіи, гдѣ кочевали дикіе сарацины.

Самого Іоанна за эту новую попытку сопротивленія николаитамъ было приказано перевести изъ Кукуса въ армянскую крѣпость Арабиссу, чтобы помѣшать его сношеніямъ съ единомышленниками. Но и здѣсь это не удалось, благодаря патріархальности старинныхъ нравовъ, сравнительно съ современными. Онъ по прежнему переписывался съ Олимпіадой и побуждалъ своими посланіями западныхъ епископовъ Рима, Медіолана (Милана), Аквиленъ и Карфагена къ созыву новаго вселенскаго собора...

А императоръ Аркадій, именемъ котораго Византійское духовенство сослало Іоанна, по прежнему дрожалъ каждый день, ожидая землетрясенія въ наказаніе за удаленіе пророка, но ничего не рѣшался сдѣлать въ его пользу изъ страха клерикальной партіи... Онъ только написалъ жалобное посланіе Синайскому отшельнику

[41] Она умерла 7 октября 404 года. Thierry: St. Jean Chrysostome et l'impératrice Eudoxie. Paris 1872, p. 364.

Нилу, прося его помолиться о спасеніи города, но Нилъ, какъ говорятъ, отвѣтилъ ему такимъ, чисто апокалиптическимъ, письмомъ:

— „Какъ буду я молиться о городѣ, сокрушаемомъ гнѣвомъ Божіимъ, непрестанно ожидающемъ громовъ Его, я, снѣдаемый скорбью, волнуемый духомъ, терзаемый сердцемъ отъ избытка золъ, преисполнившихъ Византію? Зачѣмъ повѣрилъ ты врагамъ Іоанна? Покайся!“ [42]

Но все это вызвало противъ Іоанна только большее ожесточеніе среди николаитовъ, не могшихъ простить ему его прошлыя обличенія и униженія. Вмѣсто возвращенія Іоанна и безпристрастнаго разбирательства его дѣла,—которое могло бы открыть ихъ подлоги относительно „Откровенія“ и нѣкоторыхъ другихъ книгъ, приписанныхъ ими на соборѣ 403 года другому лицу, враги Іоанна лѣтомъ 407 года уговорили императора сослать его еще дальше, на негостепріимное и дикое въ то время прибрежье Кавказа, въ крѣпость Пифіонъ (теперь Пицунда) въ Абхазіи. Три мѣсяца везли больного Іоанна, со всевозможными лишеніями, но ему уже не суждено было достигнуть до мѣста своего назначенія. На пути онъ умеръ, около 14 сентября 407 года на пятьдесятъ третьемъ году отъ рожденія и былъ зарытъ въ землю своей стражей близъ уединеннаго поселка Команы.

---

[42] Onomodo a me petis, ut orare digner... Nil. Epist. 233 ad Ar[illegible] ad.

VIII.

Трудность понять судьбу Іоанна, не признавъ его авторомъ Апокалипсиса.

Читатель видитъ самъ, что „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“ настолько же нужно для пониманія жизни Іоанна, насколько и самъ онъ нуженъ для пониманія нѣкоторыхъ мѣстъ „Откровенія“. И Апокалипсисъ и жизнь Іоанна являются незаконченными, пока они въ отдѣльности. Вся біографія Іоанна безъ „Откровенія“ является какой-то сплошной фантасмагоріей, гдѣ послѣдующія событія не вытекаютъ изъ предыдущихъ, а одновременныя не вяжутся между собою.

Дѣйствительно: чѣмъ былъ Іоаннъ Антіохійскій? Сначала ученый язычникъ съ блестящимъ по своему времени образованіемъ и блестящими перспективами въ будущемъ, затѣмъ пустынникъ-аскетъ, раздавшій все свое имѣнье бѣднымъ и обратившійся къ созерцанію невидимаго міра и мистицизму, а послѣ этого бѣглый монахъ, пріютившійся въ качествѣ проповѣдника у оригенитскаго епископа Флавіана, не признаваемаго епископомъ официальной церковью. Затѣмъ слѣдуютъ: низверженіе царскихъ статуй въ Антіохіи и немедленная поѣздка его епископа Флавіана въ Константинополь для какихъ-то оправданій; полный пробѣлъ фактовъ въ жизни Іоанна послѣ этого времени до 398 года и вдругъ назначеніе этого оппозиціоннаго и непризнаннаго проповѣдника на постъ верховнаго

константинопольскаго епископа, съ титуломъ патріарха и неограниченнымъ вліяніемъ, какъ разъ черезъ два года послѣ вычисленной нами даты составленія Апокалипсиса, когда уже успѣло разойтись значительное количество копій съ этой книги!

Потомъ мы видимъ: отчаянное сопротивленіе этому неожиданному возвышенію, какъ его самого, такъ и его Антіохійскихъ сторонниковъ, — его похищеніе изъ Антіохіи и привозъ въ Константинополь подъ стражей, чтобъ не убѣжалъ, — его торжественную небывалую встрѣчу всѣми сословіями столицы, — его отказъ принять предлагаемое назначеніе до созванія къ нему на соборъ остальныхъ епископовъ востока,—созывъ этого собора и единогласное утвержденіе имъ Іоанна,—всеобщій порывъ населенія къ его базиликѣ въ послѣдніе три года четвертаго вѣка и его проповѣди о безпредѣльномъ милосердіи Бога къ раскаявшимся грѣшникамъ, со странной склонностью возвращаться при каждомъ удобномъ поводѣ къ отмѣненнымъ Богомъ пророчествамъ.

Затѣмъ съ первымъ переваломъ въ пятый вѣкъ, когда фіаско апокалиптическаго пророчества стало явнымъ, слѣдуютъ одно за другимъ: бѣшеное гоненіе на оригенитовъ послѣ какой-то его объяснительной поѣздки въ Малую Азію,—назначеніе надъ нимъ суда и его „изверженіе“ всеобщимъ соборомъ за то, что оскорбилъ восточную церковь и какую-то Іезабель, тогда какъ шесть лѣтъ тому назадъ тѣ же самые епископы насильно водворяли его у себя, — непомѣрно сильная паника во всемъ населеніи Константинополя при маленькомъ, безвредномъ землетрясеніи послѣ его увоза, немедленно приведеннаго въ связь съ этимъ землетрясеніемъ,—крики: весь городъ разрушится, если Іоаннъ не будетъ возвращенъ! Его новое торжественное водвореніе въ противность низложившему его собору,—его

проповѣди о низверженіи выставленной на площади статуи императрицы, напоминающія о низверженіи при немъ же статуй всего императорскаго семейства въ Антіохіи,—ссора за это съ императрицей и императоромъ,—второй соборный судъ надъ нимъ съ вторичнымъ „низверженіемъ“ уже извергнутаго изъ церкви,—необычныя церемоніи при его удаленіи изъ города по эшелонамъ: сначала домашній арестъ въ самомъ городѣ, затѣмъ заточеніе по сосѣдству со столицей въ Никеѣ, чтобъ, въ случаѣ опасности, можно было возвратить его въ Константинополь и, наконецъ, (уже послѣ смерти будто бы обиженной имъ императрицы Евдоксіи), цѣлый рядъ все болѣе и болѣе отдаленныхъ ссылокъ, вплоть до самой смерти на пути изъ одного мѣста изгнанія въ другое, еще худшее. Что это, скажите, какъ не фантасмагорія, если мы не будемъ считать его авторомъ Апокалипсиса?

Но вставьте въ хронологическомъ ряду этихъ безсвязныхъ по внѣшности событій „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“, какъ произведеніе, написанное имъ осенью 395 года, и весь этотъ кошмаръ сразу обращается въ непрерывный рядъ фактовъ, логически и хронологически вытекающихъ одно изъ другого, и вся личность Іоанна, какъ автора „Откровенія“, встаетъ передъ нами въ совершенно новомъ и самомъ яркомъ свѣтѣ.

Намъ остается теперь только разсмотрѣть вопросъ, какимъ образомъ и когда „Откровеніе“ было приписано другому времени и лицу, и какимъ образомъ самъ авторъ, „изверженный“ двумя всеобщими соборами восточной церкви, попалъ потомъ въ ея собственные святые?

Односторонніе, тенденціозные и неполные матеріалы, находящіеся въ нашемъ распоряженіи, позволяютъ мнѣ отвѣчать на первый вопросъ только съ оговоркой. Под-

логъ, конечно, могъ быть сдѣланъ тысячами разнообразныхъ способовъ. Но пока какіе-либо новые факты не покажутъ противнаго, мы можемъ остановиться только на одномъ способѣ, на который мы находимъ косвенныя указанія въ имѣющихся у насъ матеріалахъ. Вотъ эти указанія.

Въ Ватиканѣ, въ Римѣ, находится коллекція средневѣковыхъ книгъ въ латинскомъ переводѣ, называемая Versio Vulgata. Начало ей, какъ говорятъ, было положено папой Домазомъ (Damasus), поручившимъ въ 382 году монаху Іерониму перевести на латинскій языкъ всѣ существовавшія тогда священныя книги евреевъ, а также и всѣ произведенія проповѣдниковъ Іисуса-Егошуа, какія тогда имѣлись, или можно было разыскать. Но не слѣдуетъ забывать, что Библія въ то время еще не представляла законченнаго цѣлаго, а была простой коллекціей отдѣльныхъ книгъ, приписываемыхъ различнымъ еврейскимъ и христіанскимъ пророкамъ и учителямъ, признаннымъ по тѣмъ или инымъ причинамъ боговдохновенными, и потому мы не можемъ сказать какія книги были въ ней въ V вѣкѣ.

Кто же былъ этотъ переводчикъ ихъ Іеронимъ?—Тотъ самый Іеронимъ Блаженный, съ которымъ мы уже не разъ встрѣчались здѣсь. Это былъ извѣстный христіанскій писатель и ревностный коллекторъ манускриптовъ. Онъ родился въ Римѣ около 340 года, а затѣмъ переселился въ 379 году, вѣроятно, тоже съ коллекторскими и историографическими цѣлями, въ Сирійскую Антіохію, гдѣ жилъ въ то время и Іоаннъ. Но только Іоаннъ (который былъ на 14 лѣтъ моложе его, а слѣдовательно, долженъ былъ казаться ему „некомпетентнымъ“ въ литературѣ) поступилъ послѣ 381 года пресвитеромъ къ непризнанному господствующей церковью оригениту Флавіану, а Іеронимъ, наоборотъ, пресвитеромъ (съ 379 года) къ соперничавшему съ

Флавіаномъ официальному епископу Павлину. Такимъ образомъ, Іеронимъ былъ противникомъ Іоанна по религіозной фракціи и соперникомъ его въ качествѣ христіанскаго писателя.

Надъ переводомъ Библіи (а, вѣроятно, и надъ разысканіемъ и внесеніемъ въ Ватиканскую коллекцію всякихъ новыхъ посланій, пророчествъ и книгъ, какія можно было приписать въ то время апостоламъ Христа и пророкамъ древности) Іеронимъ трудился очень долго, вѣроятно, до конца своей жизни, т. е. до 30 сентября 420 года. Такимъ образомъ, какъ утверждаютъ, и произошла Vulgata, хотя необходимо замѣтить, что коллекція эта постоянно редактировалась заново, вплоть до 1546 года, и не разъ пополнялась новыми книгами даже и въ средніе вѣка.

Когда астрологическое предсказаніе Іоанна потерпѣло полное фіаско, и Теофилъ началъ соборно проклинать и избивать у себя оригенитовъ, къ нему присоединился, какъ мы уже знаемъ, также и Іеронимъ, который (вмѣстѣ съ кипрскимъ епископомъ Епифаніемъ) сталъ стремительно изобличать оригенитовъ и Іоанна. Поэтому было бы странно даже предположить, чтобъ при всей своей враждебности къ Іоанну и личныхъ счетахъ съ нимъ въ Антіохіи, Іеронимъ не участвовалъ также и въ двухъ соборахъ, осудившихъ Іоанна, хотя въ имѣющихся у меня документахъ и нѣтъ ничего объ этомъ, кромѣ косвенныхъ намековъ.

Но какъ бы ни было, мы уже знаемъ, что одно изъ обвиненій противъ Іоанна на этихъ соборахъ заключалось въ томъ, что онъ будто бы похитилъ какую-то церковную собственность, и я показалъ въ своемъ мѣстѣ, что рѣчь здѣсь могла быть никакъ не о золотѣ или серебрѣ, а только о похищеніи Іоанномъ старинныхъ рукописей изъ того самаго монастыря,

откуда онъ послѣ I-го константинопольскаго собора „тайно“ убѣжалъ неизвѣстно куда.

Понятно, что для принципіальнаго противника и личнаго соперника Іоанна на литературной почвѣ, какимъ былъ Іеронимъ, признаніе Іоанна не авторомъ, а похитителемъ и присвоителемъ такихъ замѣчательныхъ книгъ, какъ „Откровеніе“, имѣло двойную цѣнность. Во-первыхъ, это унижало серьезнаго соперника и дѣлало Іеронима первымъ, а не вторымъ писателемъ своего времени, а во-вторыхъ, оно давало ему, какъ усердному коллектору старинныхъ христіанскихъ книгъ, возможность пополнить свою библію-вульгату новыми книгами, отдавъ важнѣйшія сочиненія Іоанна одному изъ легендарныхъ апостоловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ (и это еще третій важный доводъ) оно совершенно снимало съ господствовавшей тогда фракціи Византійскаго духовенства, къ которой принадлежалъ Іеронимъ, всѣ обвиненія, выставленныя противъ нея въ „Откровеніи“, такъ какъ относило эту книгу совершенно къ другому времени и другимъ врагамъ, и дѣлало ее даже орудіемъ устрашенія противниковъ въ рукахъ самой фракціи Іеронима.

Когда говорятъ дурное на врага, этому легко и охотно вѣрятъ даже и въ настоящее, болѣе гуманное и объективное время, а не только въ грубую старину, когда всякаго личнаго или партійнаго противника непремѣнно представляли извергомъ человѣческаго рода и отказывались наотрѣзъ признать въ немъ хоть одну хорошую черту. Что же удивительнаго въ томъ, если, получивъ рѣшеніе собора, обвинившаго Іоанна, и признавъ его рукописи за похищенныя и присвоенныя имъ произведенія непосредственнаго ученика Іисуса, Іеронимъ немедленно принялся за ихъ переводъ на латинскій языкъ и послалъ затѣмъ торжественно въ Ватиканъ

для пополненія своей вульгаты еще при жизни Іоанна [1].

Іоаннъ и его приверженцы были поставлены этимъ, конечно, въ самое нелѣпое положеніе. Подумайте только: имъ приходилось оспаривать авторство ни у кого другого, какъ у любимѣйшаго изъ учениковъ Христа, у того самаго, который лежалъ на его груди во время тайной вечери! Но сдѣлать это было бы святотатствомъ въ глазахъ каждаго изъ тогдашнихъ христіанъ, не бывшихъ очевидцами того, какъ Іоаннъ собственноручно писалъ эти книги. Литературной критики произведеній по слогу и содержанію тогда еще не было и въ поминѣ. Да и кто же изъ этихъ Теофиловъ, сжигающихъ александрійскія библіотеки, или остальныхъ тогдашнихъ писателей, повсюду старавшихся истреблять, а не опровергать книги своихъ противниковъ, рѣшился бы разыгрывать тогда Бауера, Штрауса, или другихъ еще болѣе радикальныхъ изслѣдователей современной раціоналистической школы?

Вотъ почему, можетъ быть, и сами сторонники Іоанна скоро послѣ его смерти бросили всякія такія попытки и удовольствовались примирительной легендой, которую мы уже привели въ началѣ біографіи Іоанна,— легендой о томъ, какъ любимый изъ учениковъ Христа, апостолъ Іоаннъ, передалъ этому позднѣйшему Іоанну въ антіохійскомъ монастырѣ «свитокъ съ божественнымъ Апокалипсисомъ», для того, чтобъ онъ узналъ изъ него и повѣдалъ людямъ всю глубину премудрости. Легенда эта какъ бы говоритъ: авторомъ этой книги былъ, конечно, любимѣйшій изъ учениковъ Христа—

[1] „Il faut noter que jusqu'à Justinien (VI siècle), l'Eglise d'Antioche n'a admis ni la seconde épitre de Pierre ni la deuxième et la troisiéme de Jean, ni l'epitre de Jude, et il est probable qu'elle rejetait aussi l'Apocalypse“ (Aimé Puech: St Jean Chrysostome et les moeurs de son temps. Paris, 1891, page 161).

кто осмѣлится въ этомъ усумниться!—но и нашъ Іоаннъ не обманщикъ: онъ лично и таинственнымъ образомъ получилъ все это отъ перваго Іоанна, во время своего пребыванія въ Малоазіатскомъ монастырѣ, а никакъ не укралъ оттуда при своемъ побѣгѣ!

Въ этотъ же періодъ борьбы съ Іоанномъ за авторство его книгъ были, вѣроятно, сфабрикованы и тѣ нѣсколько указаній на „Откровеніе“ отъ имени писателей 2-го и 3-го вѣка, которыми Теофилъ и его безцеремонные помощники на соборѣ поддерживали, можно думать, свое обвиненіе [2]. Для старинныхъ легковѣрныхъ и невѣжественныхъ епископовъ и пресвитеровъ, не способныхъ отличить свѣжеприготовленнаго папируса отъ лежавшаго сто или двѣсти лѣтъ и желающихъ во что бы то ни стало обвинить Іоанна, каждый такой документъ являлся несомнѣнной его уликой.

Такимъ путемъ, вѣроятно, и былъ Іоаннъ еще при своей жизни лишенъ на Константинопольскомъ соборѣ 403 года права авторства на свои собственныя книги.

---

[2] Нѣкоторыя изъ такихъ указаній сохранились и до сихъ поръ и по прежнему приводятся въ подтвержденіе древности „Откровенія“. Такъ, наприм., говорятъ, что на принадлежность его „рыбаку Іоанну“ есть отдѣльныя указанія въ нѣкоторыхъ рѣчахъ или поученіяхъ, приписываемыхъ Папію Іерапольскому, Юстину Философу, Иринею Ліонскому и самому Оригену, а отдѣльныя возраженія противъ этого, говорятъ, есть въ рѣчахъ, приписываемыхъ Діонисію Александрійскому (III вѣкъ) и Евсевію Памфилу Кессарійскому (IV вѣкъ). Однако, „Апокалипсисъ Іоанна“, какъ мы доказали астрономическими способами, появился послѣ грозы 30-го сентября 395 юліанскаго года Поэтому, конечно, не могло быть и упоминаній о немъ ранѣе указаннаго времени. Но кромѣ его могли быть другія, не дошедшія до насъ, „Откровенія“ разныхъ астрологовъ, къ которымъ могутъ относиться подобныя указанія.

Затѣмъ прошли годы. Замѣчательная личность Іоанна, его слава какъ вдохновеннаго проповѣдника, которой никто не могъ у него отнять, его трагическая судьба и смерть на пути изъ одного мѣста ссылки въ другое, худшее, должны были окружить его ореоломъ въ глазахъ всѣхъ христіанскихъ фракцій, не принадлежавшихъ къ господствовавшей тогда въ Византіи николаитской церкви. На западѣ онъ вскорѣ признанъ былъ святымъ неучаствовавшей въ гоненіяхъ на него Римской церковью. Всѣ фракціи, кромѣ николаитской, уже давно считали его такимъ. И вотъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ его смерти съ нимъ случилось то же, что и съ многими другими пророками древности, гонимыми при жизни. Сама его „Великая Продажница, Іезабель и Иродіада“, чувствуя неудобство бороться съ нимъ послѣ его смерти, вдругъ объявила свои собственные соборы надъ нимъ не имѣющими никакого значенія.

Обезвредивъ его для себя отнятіемъ важнѣйшихъ сочиненій и утвержденіемъ, что въ своихъ рѣчахъ онъ боролся вовсе не съ ней, а съ давно умершей императрицей Евдоксіей, она неожиданно причислила его въ срединѣ V вѣка къ числу своихъ собственныхъ „святыхъ“. Взамѣнъ отнятыхъ сочиненій ему приписали рядъ другихъ, отъ многихъ изъ которыхъ онъ, вѣроятно, пришелъ бы въ ужасъ. Какъ подъ легендарнымъ именемъ поэта Гомера собирались въ древности всевозможныя героическія поэмы, образуя „Иліаду“, „Одиссею“ и даже „Войну мышей и лягушекъ“, такъ и подъ именемъ Іоанна стали коллектироваться въ средніе вѣка, кромѣ его дѣйствительныхъ произведеній, еще различныя рѣчи византійскихъ ораторовъ, имена которыхъ затерялись. И вышло, неожиданнымъ образомъ, будто самъ Іоаннъ произнесъ цѣлый рядъ толкованій на нѣкоторыя изъ своихъ собственныхъ сочиненій.

Финаломъ всей же этой эпопеи взаимныхъ подлоговъ,

ссоръ, искаженій и непримиримыхъ противорѣчій, подобной которой, можетъ быть, еще не было въ исторіи, явился черезъ полтораста лѣтъ (553 г.) новый константинопольскій соборъ. Онъ предалъ анафемѣ Оригена и его книги, а его послѣдователей, Іоанна и Олимпіаду, такъ и оставилъ въ числѣ своихъ святыхъ. Написанный подъ его вліяніемъ Юстиніановъ кодексъ (565 г.) приравнялъ всѣхъ астрологовъ къ отравителямъ.

вліяютъ на элементы, главнымъ образомъ, на истинную долготу (α) орбитъ и на долготу перигелія (π). Такъ, напримѣръ, вслѣдствіе неравенства долгаго періода долгота Сатурна увеличивается на 52′, а долгота перигелія уменьшается на 2°. Величины очень значительныя, которыми нельзя ни коимъ образомъ пренебрегать. Такимъ образомъ мы принимали во вниманіе: 1) вѣковыя возмущенія, 2) неравенства долгаго періода и 3) періодическія возмущенія (наиболѣе крупные члены, пренебрегая мелкими).

Какъ и прежде, вычисленія велись нами совершенно независимо, что давало намъ возможность контролировать другъ друга. Мы получили слѣдующія системы элементовъ:

	Юпитеръ.	Сатурнъ.
Истин. долгота	280°22′9	223°24′8
Уголъ эксцентрицетата . .	9256″	12050″
Большая полуось	5,20244	9,53808
Долгота перигелія 395 г. . .	349°7′ 5	59°43′3
Наклонность 395 г.	1°23′42″9	2°32′51″6
Долгота узла 395 г.	84°21′1	99°39′3

На основаніи этихъ элементовъ мы получили слѣдующія геоцентрическія долготы и широты Юпитера и Сатурна для 30 сентября 395 г. 0^h средняго Парижскаго времени:

	Долгота (λ).	Широта (β).
Юпитеръ . .	269°17′	— 0°23′
Сатурнъ . . .	221°58′	+ 1°55′

Чтобы нанести эти положенія на современную звѣздную карту, я отнесъ ихъ къ эклиптикѣ 1905 года, прибавивъ къ нимъ поправку прецессіи за 1510 лѣтъ, (по долготѣ 21°0′ и по широтѣ —11°) и превратилъ полу-

ченныя долготы и широты въ прямыя восхожденія и склоненія (эклиптика 1905.0 года).

	Прямыя восхожд.	Склоненія.
	α	δ
Юпитеръ . .	$292°2' = 19^h\ 28^m\ 1$	$-22°29'$
Сатурнъ . . .	$241°17' = 16^h\ 5^m\ 1$	$-19°\ 4'$

(Отсюда видно, что Юпитеръ былъ дѣйствительно въ Стрѣльцѣ, а Сатурнъ въ Скорпіонѣ).

Пулково
3 іюня 1906.

Преданный Вамъ
Николай Ляпинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРОВѢРОЧНЫЯ ВЫЧИСЛЕНІЯ.

Пулковскихъ астрономовъ **М. М. Каменскаго и Н. М. Ляпина.**

(Изъ писемъ Н. М. Ляпина).

I.

Не теряя ни минуты времени, спѣшу сообщить Вамъ вычисленныя нами для провѣрки Вашихъ выводовъ положенія Меркурія, Венеры, Марса и Солнца. Вычисленія велись Каменскимъ и мной совершенно независимо по таблицамъ Леверрье. Надо замѣтить, что при вычисленіяхъ мы не принимали во вниманіе планетныхъ возмущеній и неравенствъ долгаго періода, усчитавъ лишь всюду вѣковыя возмущенія. Мы получили слѣдующія системы элементовъ (для равноденствія 395.0 года):

	Истинная долгота.	Долгота перигелія.	Долгота восх. узла.	Наклоненіе.	Радіусъ векторъ.
Меркурій . .	298° 1′ 4	52°36′ 0	29°22′ 6	6°58′ 8	0,40530
Венера . . .	285°44′ 7	109° 7′ 5	62° 8′ 0	3°22′25″	0,72886
Марсъ .	9°52′32″	306°36′ 6	36°57′ 8	1°51′58	1,45090
Солнце . . .	187°29′ 6	255°32′ 4	—	—	0,99323

На основаніи этихъ элементовъ мы получили слѣдующія геоцентрическія долготы и широты для 30 сентября 395 года 0^h средняго Парижскаго времени.

	Долготы (λ).	Широты (β).	
Меркурій	211°20′	—3° 1′	равноденствіе 395.0 г.
Венера	226°31′	—1°29′	
Марсъ	15° 3′	—2°40′	
Солнце	187°30′	0° 0′	

Для того, чтобы нанести положенія этихъ планетъ на современную звѣздную карту, я привелъ долготы и широты къ среднему равноденствію 1905 года и превратилъ ихъ въ прямыя восхожденія и склоненія:

	Прям. восх. α	Склоненія. δ
Меркурій	229° 3′=15h 16m 2	—21°27′
Венера	245°26′=16h 21m 7	—23°13′
Марсъ	32°52′= 2h 11m 5	+15°56′
Солнце	208°	0

(Отсюда видно, что Меркурій, дѣйствительно, находился въ созвѣздіи Вѣсовъ, Венера въ ногѣ Змѣеносца, а Марсъ подъ Персеемъ, въ Овнѣ).

Здѣсь мы даемъ положенія съ точностью до минуты, хотя точность наблюденій того времени и не могла быть менѣе десятой доли градуса. Такой точности наблюденія достигаютъ, между прочимъ, у Гиппарха.

II.

Вычисленія положеній Юпитера и Сатурна не такъ просты, какъ для прочихъ планетъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь приходится считаться не только съ вѣковыми возмущеніями, но и съ періодическими и съ возмущеніями долгаго періода (большое неравенство Юпитера и Сатурна), которыя достигаютъ за такой долгій промежутокъ времени значительной величины, и сильно

Замѣченныя опечатки, искажающія смыслъ.

			Напечатано	*Нужно читать*
Стр. 21	строка	19 сверху	рис. 14	рис. 16
„ 67	„	4 снизу	рис. 31	рис. 32—30
„ 69	„	1 сверху	рис. 32	рис. 31
„ 98	„	2 „	спутниковъ	спутницъ
„ 101	„	1 снизу	ταλαντιοίος	ταλαντιαίος
„ 102	„	8 сверху	церковью	церковью)
„ 106	„	10 снизу	365 года	395 года
„ 109	„	10 „	колесницъ	экипажей
„ 111	„	13 „	Животныхъ	Животныя
„ 116	„	10 сверху	заходилъ.	заходилъ).
„ 118	„	11 снизу	Τῶγ καῖ Μενώγ	Γῶγ καὶ Μαγώγ
„ 145	„	6 „	1095 года	1905 года
„ 183	„	10 сверху	чистота	частота
„ 186	„	1 снизу	ожидаю	окружаю
„ 189	„	4 „	S Iean	St Jean
„ 190	„	4 „	inteudit	intendit
„ 191	„	3 „	dea romatibus	de aromatibus
„ 228	„	1 „	Onomodo	Quomodo

НИКОЛАЙ МОРОЗОВЪ

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

Откровеніе въ Грозѣ и Бурѣ. Исторія возникновенія Апокалипсиса.
Изд. редакціи журнала „Былое". С.-Петербургъ. 1907. Ц. 1 р. 35 к.

Періодическія Системы Строенія Вещества. Теорія возникновенія современныхъ химическихъ элементовъ. Съ 34 хромолитографическими таблицами.
Изд. И. Д. Сытина. Москва. 1907. Ц. 3 р.

Изъ Стѣнъ Неволи. Шлиссельбургскія и другія стихотворенія.
Изд. Н. Е. Парамонова „Донская Рѣчь". С.-Петербургъ. 1906. Ц. 25 коп.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Основы Качественнаго Физико - Математическаго Анализа и новые физическіе факторы, обнаруживаемые имъ въ различныхъ явленіяхъ природы.

Въ Началѣ Жизни. Изъ воспоминаній Шлиссельбургскаго узника.

Старинныя Астролого-Астрономическія Карты неба.

(Воспроизведены изъ Манускрипта „Catalogus veteres affixarum longitudines cum novis conferens", хранящагося въ Пулковской Обсерваторіи и относимаго къ 1609 г.).

Сѣверное Полушаріе

Южное Полушаріе

Всѣ фигуры являются здѣсь въ обратномъ видѣ сравнительно съ современными небесными картами, такъ какъ древніе воображали всѣ созвѣздія находящимися на „кристаллической сферѣ неба" и старались смотрѣть на нихъ не извнутри какъ мы, а снаружи, сверху.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Изданіе редакціи журнала „Былое“
Складъ изданія — въ Петербургѣ Литовка-
въ книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“
въ Москвѣ — въ книжн. магаз. т-ва И. Д. Сытина